

А.Г. Лундин

Дешифровка протосинайского письма

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

А.Г. Лундин

Дешифровка протосинайского письма

Москва
"НАУКА"

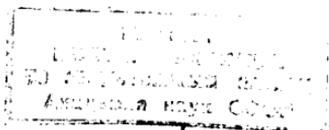
Главная редакция восточной литературы
1991

Ответственный редактор

И. Ш. ШИФМАН

Редактор издательства

С. В. ВЕСНИНА

ЛУНДИН А. Г.

Л82 Дешифровка протосинайского письма. — М.:
Наука. Главная редакция восточной литературы,
1991. — 103 с.: ил.
ISBN 5-02-017055-0

Протосинайская письменность, открытая в начале века Ф.Петри, вызывает повышенный интерес ученых и считается древнейшим алфавитным письмом.

Исследование посвящено дешифровке протосинайской письменности и в корне меняет существующее представление о характере этой письменности: по мнению автора, она является не древнейшим алфавитом, а разновидностью финикийского письма.

В книге приведены интерпретации всех известных полных протосинайских надписей.

Л $\frac{4602020300-172}{013(02)-91}$ 102-91

ББК 81.2

ISBN 5-02-017055-0

© Главная редакция
восточной литературы
издательства "Наука", 1991

ГЛАВА 1

ПРОТОСИНАЙСКОЕ ПИСЬМО

Находка

В начале века на Синайском п-ове на горном плато Серабит ал-Кадем работала археологическая экспедиция под руководством одного из крупнейших египтологов того времени Флиндерса Петри. Она изучала древнеегипетские памятники, во множестве находимые в этом районе: рудники, где добывались бирюза и медная руда, руины храмов и культовые предметы с надписями. Среди найденных надписей оказалось несколько фрагментов очень похожих на древнеегипетские, но при попытках чтения оказавшихся непонятными (см. вклейку, рис.1). Возникшее предположение, что эти фрагменты представляют собой варварские подражания древнеегипетским надписям, также было оставлено (хотя, как мы увидим ниже, проникло в научную литературу). Так стал известен новый вид письма.

Во время раскопок 1904—1905 гг. было найдено около десятка таких надписей. Их сопоставили с надписью, найденной в вадии Мегара, другом районе Синая с древнеегипетскими рудниками: она также оказалась не египетской, а высеченной тем же новым письмом. Поскольку уже существовал термин "синайское письмо", обозначавший письменность поздних набатейских текстов (II—IV вв. н.э.), во множестве находимых на Синайском п-ове, новое письмо получило название "протосинайское".

Открытие протосинайских надписей вызвало большой интерес. Уже сам Ф.Петри, публикуя их в 1906 г., отметил, что в них немного знаков и, вероятно, это образцы алфавитного письма. Он же датировал тексты XV в. до н.э., т.е. на полтысячелетия раньше, чем самые ранние из известных тогда памятников алфавитного письма.

Рисуночный характер большинства знаков и их сходство с египетскими иероглифами и одновременно с буквами финикийского алфавита сразу же поставили новую письменность в центр проблемы возникновения алфавита; это положение сохраняется и до сих пор. Так, в одной из последних общих работ по истории алфавита сказано: "Поворотным пунктом, отмечающим начало современных исследований о происхождении алфавита, стало открытие Петри в

1905 г. в храме Серабит ал-Кадем" /Naveh, 1982, с.23/.

Особую значимость этой находке придали и ее научная актуальность. В самом начале века трудами двух корифеев семитологии, М.Лидзбарского и Т.Нельдеке, было окончательно доказано происхождение греческого письма от финикийского /Lidzbarski, 1908; Nöldeke, 1904/ и тем самым — положение финикийского как исходного алфавита, от которого произошли все известные алфавиты. Одновременно была выдвинута и теория самостоятельного создания финикийского (семитского) алфавита путем изобретения рисуночных знаков, обозначающих буквы (звуки).

Находка протосинайского письма, состоявшего из немногочисленных рисуночных знаков, самым блестящим образом полностью подтверждала эту теорию. Последовавшая дешифровка А.Гардинера (см. вклейку, рис.2) еще больше закрепила эту теорию и внесла в нее завершающий штрих: знаки представляют собой заимствованные египетские иероглифы. Тем самым изобретение алфавита получало историческую основу и объяснение. В соответствии с этой теорией, протосинайское письмо находится на самом начальном этапе становления алфавитного письма, является древнейшим алфавитом и предком всех современных алфавитов.

Дешифровка А.Гардинера, появившаяся уже в 1916 г. /Gardiner, 1916/, была частичной: ему удалось прочесть в надписях лишь одно слово, повторявшееся несколько раз — *b'lt* 'госпожа', которое сразу же определило и характер письма — алфавитный, и язык письменности — семитский. Чтение хорошо совпадало и с исторической обстановкой: слово являлось семитским именем египетской богини Хатхор, в храме которой были найдены надписи. Все это придавало работе А.Гардинера необыкновенную убедительность и надежность.

А.Гардинер создал и теорию происхождения алфавита, состоящую из нескольких основных положений:

(1) Знаки алфавита имеют рисуночный характер и заимствованы из египетского иероглифического письма.

(2) Знаки-рисунки обозначались семитскими названиями.

(3) Фонетическое значение буквы определяется акрофоническим принципом, т.е. значением первой согласной семитского названия.

Долгое время акрофонической теории сопутствовало безоговорочное признание. После работы А.Гардинера полная дешифровка протосинайского письма казалась весьма близкой: практически оставалось лишь дать чтение надписей и установить полный состав знаков и их значения. В ближайшие же годы было предложено несколько вариантов дешифровки такими крупнейшими египтологами и семитологами того времени, как К.Зете, Р.Айслер, Х.Гримме, А.Каули, В.В.Струве, В.Олбрайт и другими /Sethe, 1917; Eisler, 1919; Grimme, 1923; Cowley, 1917; Струве, 1923; Leibovitch, 1930; Albright, 1948 и т.д./. Некоторые из этих дешифровок носили сенсационный характер: в надпи-

сях читали имя "Моисей", название "Синай"; их прямо связывали с "исходом" евреев из Египта под предводительством Моисея. Правда, эти чтения были весьма скептически приняты большинством ученых, однако они лишь усиливали интерес к протосинайским надписям.

Все эти попытки дешифровки практически не имели результата; к прочтенному Гардинером слову "госпожа" не прибавилось практически ни одного нового слова, в чтении или трактовке которого не существовало бы разногласий; ни одна из надписей не получила надежной или хотя бы достаточно правдоподобной интерпретации. В качестве примера достаточно привести три последних перевода одного из наиболее изученных текстов (№ 357):

(1) "Ты, о Шафан, собери от 'Абабы восемь мин /бирюзы/. Шимеа, отрок главы караванщиков" /Albright, 1966, с.23/.

(2) "Вы, Сапан, разбейте (молотом) для Абабы от вас; /подписал/ Шим'а, хозяин главы рудо/копов/" /Rainey, 1975, с.111/.

(3) "'Авн и Шагган добыли для отца в минах восемь; вырубил 'Амр четьре..." /Van den Branden, 1979, с.212/.

Такое положение вызывало скептическое отношение как к попыткам чтения надписей, так и к положениям акрофонической теории. Недоверие зародилось еще с фантастических чтений Х.Гримме, которые он отстаивал на протяжении многих лет /Grimme, 1923, 1929, 1937/, и особенно усилилось, когда началась разработка общей теории развития письменности. И.Гельб показал, что алфавитное письмо появилось в результате длительного развития письменности от идеографического письма к словесно-слоговому, далее — к слоговому и лишь потом — к алфавитному /Гельб, 1982/. Но в его теории не нашлось места для протосинайского письма с его рисуночными буквенными знаками. Это привело к отрицанию как акрофонической теории, которую один из исследователей назвал "очень дохлой лошастью" /Гельб, 1976, с.275 и примеч. 8, с.302/, так и дешифровки А.Гардинера.

Таким образом, к настоящему времени сложилось парадоксальное положение. С одной стороны, материал протосинайских надписей успешно привлекается для датировки ранних финикийских текстов, путей эволюции отдельных знаков алфавита /Cross, 1954, 1967, Demsky, 1977 и т.д./ и для чтения самих протосинайских текстов /Van den Branden, 1962, 1966; Rainey, 1975/, с другой — проводятся исследования по истории развития письма, в которых отрицается акрофоническая теория, а протосинайское письмо считается малоизученным и недешифрованным /Gelb, 1963; Гельб, 1976; Garbini, 1966; 1980, с.13—19; ср. Sznycer, 1975/.

Результаты исследований по этим двум направлениям кажутся взаимоисключающими. Это заставляет вновь обратиться к проблеме протосинайского письма с учетом всех результатов как археологического изучения Синайского

п-ова, так и новых материалов о различных системах алфавитного письма II тысячелетия до н.э., так же как и прогресса грамматиологии — науки о теории и истории развития письма и о принципах дешифровки неизвестных систем письма.

Сложившееся положение обязывает исследователя быть крайне осторожным и особо тщательным в аргументации своих выводов и особенно скрупулезно соблюдать методические приемы дешифровки. Мы вынуждены полностью отказаться от использования предшествующих результатов, ибо все они в той или иной степени спорны, и начинать дешифровку с самого начала. При этом выделяются три этапа исследования:

(1) Полный учет всего имеющегося материала, как внешнего по отношению к письму, т.е. результатов археологического и исторического исследований Синая, так и внутреннего, т.е. всех памятников письма.

(2) Разделение дешифровки письма и интерпретации надписей, т.е. проведение дешифровки без какой-либо опоры на значение слов и текстов и даже знаков.

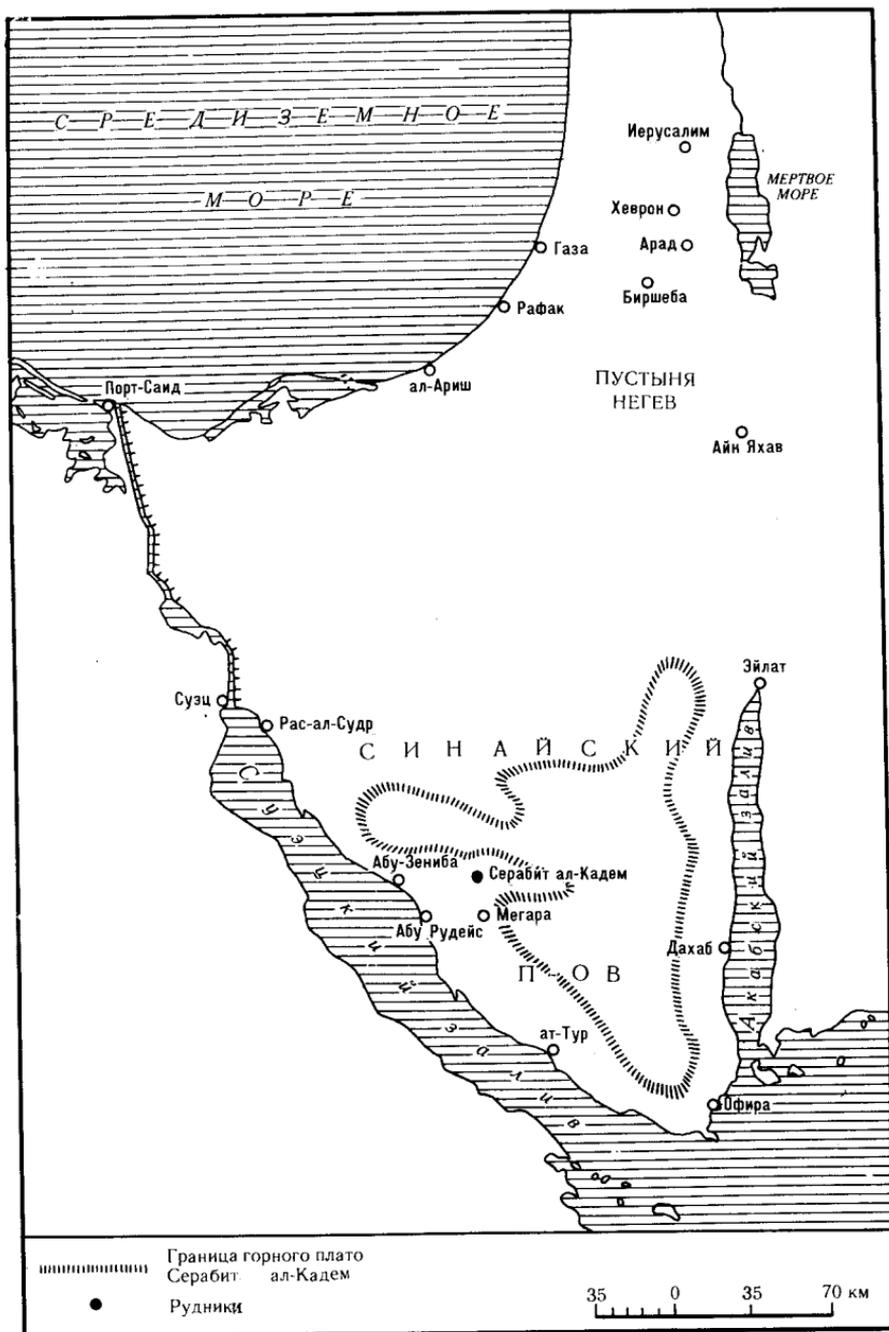
(3) Интерпретация текстов только на базе достоверных результатов дешифровки письма. В таком случае интерпретация текстов сможет послужить критерием достоверности дешифровки, если проводить обе процедуры достаточно независимо.

При этом необходимо отметить значимость для создания этой книги работ В.Олбрайта и А.Ван ден Брандена, в которых полностью систематизирован имеющийся материал и проанализированы предшествующие исследования по проблеме протосинайского письма /Albright, 1966; Van den Branden, 1979/.

Синайские рудники

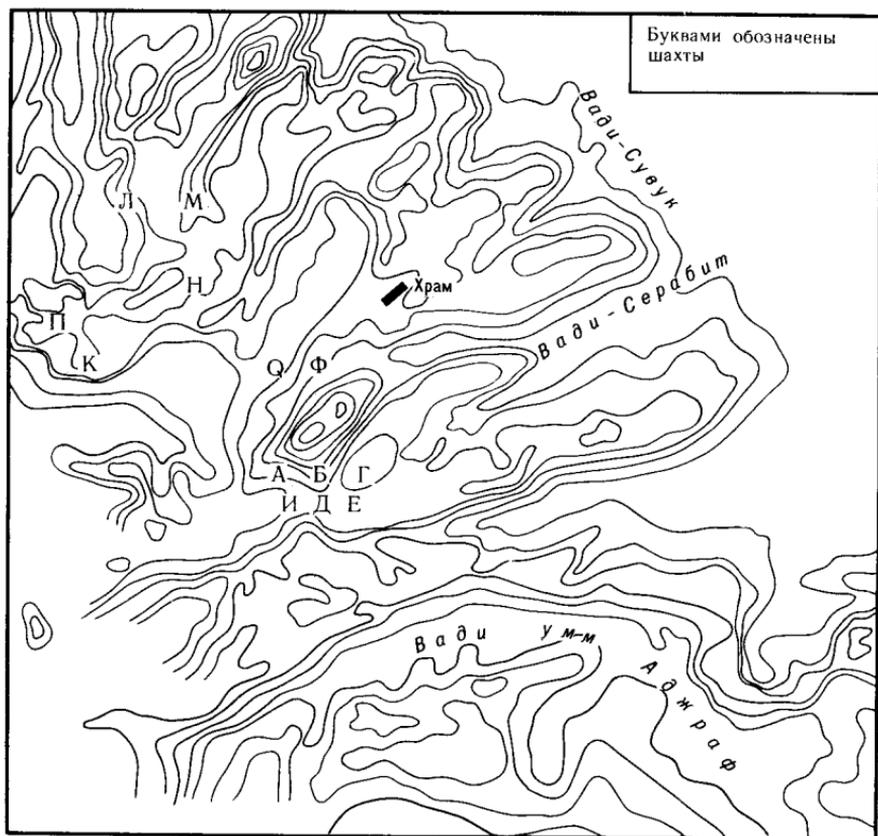
Протосинайские надписи были обнаружены в западной части Синайского п-ова, примерно на полпути от Суэца до южной его оконечности, мыса Рас Мухаммед, на значительном расстоянии от Красного моря, на плато Серабит ал-Кадем.

Этот район, богатый залежами медной руды и бирюзы, был хорошо известен египтянам с глубокой древности. Еще в период III династии (2778—2723 г. до н.э.), т.е. в начале Древнего царства, египтяне начали добывать на Синайском п-ове бирюзу и медь, сначала в районе вадии Мегара, на широте Серабит ал-Кадем, но ближе к побережью Красного моря. Интенсивная работа в этих рудниках началась уже при фараоне Снофру (с 2723 г. до н.э.) и продолжались и при V и VI династиях до времени Пепи II (до 2263 г. до н.э.). Добыча бирюзы и меди велась и в период Среднего царства при фараонах XII дина-

Синайский п-ов

сти (2000 – 1785 гг. до н.э.). При фараоне Аменхете II (1938 – 1904 до н.э.) был открыт первый рудник в Серабит ал-Кадем и построен храм Хатхор, и работы на рудниках приобрели большой размах.

Плато Серабит ал-Кадем

Серабит ал-Кадем представляет собой почти треугольное плато, ограниченное с севера глубокой долиной вади Сурук, с запада – такой же долиной вади Ба'ала и с юга – вершинами Джабал Мелаха. Его края изрезаны небольшими глубокими долинами. В этой области найдены многочисленные древние рудники – горизонтальные галереи с укрепленными залами и шахтами-колодцами для доступа воздуха; часто такие галереи насквозь пересекают отроги плато. Многие шахты имеют египетские надписи у входов, сообщающие об использовании рудников. Обнаружены также остатки небольших хижин рабочих и укрепленный лагерь гарнизона, а также многочисленные туры – груды камней, вероятно, связанные с захоронениями. Выделяются два хра-

ма — большой, неоднократно перестраивавшийся, посвященный богине Хатхор, и малый, посвященный "богу чужих стран" Сопду. Богиня Хатхор часто называется в надписях "госпожой бирюзы" или "госпожой страны бирюзы". Древнейшей частью храма служит естественная пещера. Все это позволяет считать, что храм был возведен на месте древнего семитского святилища богини — "госпожи страны", может быть, именовавшейся просто "Госпожой" (Ба'алат), так же как главная богиня города Гебала именовалась "Ба'алат Гебал".

Ныне пустынная область Серабит ал-Кадем в те времена, вероятно, имела более благоприятный климат. Во всяком случае, остатки литейных шлаков позволяют утверждать, что это была достаточно лесистая местность, обеспечивавшая топливом выплавку меди. Тем не менее, египтяне не имели там постоянных поселений. Для работы на рудниках отправлялись экспедиции, прибывавшие в начале зимнего сезона и производившие работы зимой и весной, до наступления летней жары или до исчерпания запасов воды от зимних дождей и пересыхания источников. Экспедиции состояли из солдат для охраны и, видимо, какого-то количества рудокопов. При Аменемхете II и Аменемхете III (1850—1800 гг. до н.э.) надписи отмечают такие экспедиции почти в каждый год их царствования.

Экспедиции насчитывали сотни солдат (734 в одной из экспедиций Аменемхета II) и возглавлялись египетскими чиновниками весьма высокого ранга. Надписи упоминают и участие в экспедициях местного населения "азиатов" (*аму*), называют местное название страны — Ретену — и даже упоминают Халада, брата царя Ретену (он изображен на скале сидящим на осле, которого ведет под уздцы слуга).

Роль азиатов, работавших на рудниках, остается неясной, поскольку каких-либо сведений о них в египетских надписях нет. Судя по числу "азиатов", все же упомянутых в них ("шесть", "десять", "двадцать"), они были проводниками, сопровождавшими экспедиции и указывавшими путь, источники, пастбища и т.п. Укрепление лагеря и количество солдат в экспедициях говорят если не о враждебных отношениях, то о независимости местного населения.

Период интенсивной эксплуатации рудников заканчивается при Аменемхете IV (1800—1792 гг. до н.э.), после чего на протяжении более трех столетий египетские документы на Синае не встречаются. Деятельность египтян возобновляется лишь в период Нового царства, при Тутмосе II и царице Хатшепсут (1500—1484 гг. до н.э.) и продолжается при фараонах XVIII, XIX и XX династий до Рамсеса VI, т.е. до начала XII в. до н.э. Она имеет столь же большой размах, как и во времена Среднего царства; прежним остается и порядок работы на рудниках, но азиаты уже не упоминаются. Экспедиции прекращаются, как принято считать, в связи с открытием новых месторождений меди в Нубии и исчерпанием запасов бирюзы.

Какие-либо данные об использовании рудников Серабит ал-Кадем в более поздний период отсутствуют. В этом районе не найдены даже набатейские надписи, столь многочисленные в других районах Синая. Лишь в самое последнее время появилось упоминание о находке на скалах близ рудника "Л" самудской надписи /Dijkstra, 1983, с.33, примеч. 3/.

Первая протосинайская надпись была найдена еще в 1869 г. в районе вадии Мегара англичанином Пальмером, но первоначально принята за египетскую и опубликована только в 1904 г. /Weill, 1904, с.154/. Экспедиция Ф.Петри обнаружила десять надписей, среди них почти все наиболее значительные; они были опубликованы в 1906 г. /Petrie, 1906/. Следующие три текста обнаружила экспедиция Гарвардского университета в 1927 г., затем в 1929 г. финская экспедиция нашла еще одну. В 1930 и 1935 гг. в Серабит ал-Кадем вновь работала экспедиция Гарвардского университета, прибавившая к известным еще 13 надписей и фрагментов. Значительной заслугой экспедиции является также повторное исследование ранее известных текстов (см. /Butin, 1932, 1936/).

Американская экспедиция 1947 г. с участием В.Ф.Олбрайта не обнаружила новых текстов (см. /Albright, 1948a/). Только в 1960 г. швейцарским исследователем Г.Герстером были обнаружены еще два текста в вадии Насб /Leibovitch, 1961/. Не принесли значительных результатов и экспедиции 70-х годов. Так, при двукратных раскопках Р.Гивеона на руднике "Л" было найдено лишь два фрагмента /Sass, 1978; Van den Branden, 1981/. Наконец, в 1981 г. экспедиция Каирского университета нашла лишь один новый фрагмент в вадии Род /Dijkstra, 1983/.

Общее количество надписей, таким образом, в настоящее время приближается к четырем десяткам, но часть из них совершенно не читается или содержит лишь один-два знака (список таких текстов см., например /Albright, 1966, с.29-30/). В наиболее полной сводке А.Ван ден Брандена собрано 25 текстов с Синая, к которым он присоединяет еще семь текстов из Палестины /Van den Branden, 1979/, но из них лишь три сделаны протосинайским письмом: надписи на остраконе из Гезера, на бронзовом кинжале из Лахиса и на каменной табличке из Сихема /Van den Branden, 1979, с.234-237/.

Рис. 1
Фрагмент протосинайской надписи
на каменной табличке из Сихема

Надписи, найденные на Синае, почти все сосредоточены на плато Серабит ал-Кадем: лишь одна надпись найдена в вади Мегара, две — в вади Насб и один фрагмент — в вади Род. Но и на плато можно различить две группы текстов. Первая — надписи из храма — представлена четырьмя текстами. Все они высечены на статуэтках египетской работы. Один из сфинксов несет также несколько поврежденную египетскую надпись (№ 345), два — лишь краткие протосинайские (№ 347а, 347б). Женская "кубоидная" статуэтка (№ 346) также имеет лишь протосинайские надписи на лицевой и одной из боковых сторон.

Большая часть надписей сосредоточена на небольшом участке плато в рудниках "Л", "М" и "Н", связанных между собой, или в турах перед этими рудниками. Эти надписи сделаны на стелах египетского типа или обломках стел: одна из стел (№ 351) имеет также египетское изображение бога Птаха (см. вклейку, рис. 3). Один текст (№ 357) высечен на скале у входа в рудник "Л". Надписи из туров нанесены на плоские куски камня. Следует отметить, что в рудниках "Л", "М" и "Н" нет египетских надписей.

Прямая археологическая датировка найденных протосинайских надписей невозможна, так как они, хотя и привязаны к определенным памятникам, но найдены не в датированных слоях. Поэтому и разноречивые датировки очень велики: их относили и ко времени Аменхета III, т.е. к XIX в. до н.э. /Gardiner, 1916; Sethe, 1917; Butin, 1928/, и к гиксосскому времени, т.е. к XVII в. до н.э. /Струве, 1923/, и к XV в. до н.э. /Petrie, 1906; Albright, 1948, 1966/, и ко всему периоду разработки синайских рудников с XVII в. до н.э. /Van den Branden, 1979, с.162 —164/, и все не очень надежные. Так, расположенные на одной скале надпись Аменемтеха III и текст № 25 (Герстер 2) сильно различаются по степени патинации и можно лишь установить, что протосинайская надпись является более поздней /Albright, 1966, с.29/. Тем не менее, А.Ван ден Бранден считает ее наиболее древней протосинайской надписью /Van den Branden, 1979, с.233 —234/. Имя фараона XIII династии, прочтенное В.Олбрайтом рядом с надписью № 24 (Герстер 1), А. ван ден Бранден читает как написанное протосинайскими знаками /Albright, 1966, с.28; Van den Branden, 1979, с.231/. Точно так же не подтвердилось и чтение имени одного из гиксосских фараонов на сфинксе из Британского музея /Струве, 1923, с.29, 59 —60/. Египетская надпись не связана с помещенной там же надписью № 345 (см. ниже). Напротив, она свидетельствует, что египетский культовый предмет (сфинкс) был использован вторично, а это могло произойти лишь в отсутствие египтян на Синае. Таким образом, протосинайские надписи Серабит ал-Кадем, видимо, отражают только историю и культуру местных племен, не связанную непосредственно с египетскими экспедициями на Синай. Возникает предпо-

ложение, что протосинайские надписи следует датировать временем после ухода египтян с синайских рудников, т.е. не раньше чем XIII в. до н.э.

История дешифровки

История дешифровки протосинайских надписей довольно драматична; она знает гениальные догадки и явные нелепости, взлеты интереса и энтузиазма и периоды глубокого скептицизма, исследования, вызвавшие ожесточенные дискуссии и не получавшие отклика на протяжении десятилетий. Начинаясь она очень продуктивно и многообещающе. Уже Ф.Петри, публикуя надписи в 1906 г., установил два исходных пункта дешифровки.

(1) Надписи отражают самостоятельную систему письма, несмотря на сходство с египетскими иероглифами.

(2) В этом письме немного знаков и, вероятно, оно является алфавитным.

Петри высказал также предположение, что новое письмо "можно считать одним из многочисленных алфавитов, распространенных в странах Средиземноморья задолго до финикийского алфавита" /Petrie, 1906, с.130/.

Вслед за этим последовали две неудачные попытки прочесть надписи на основе финикийского алфавита /Ball, 1908; Bruston, 1911/. Одновременно появилась и скептическая попытка рассматривать надписи как каракули (scribings) — бессмысленные подражания египетским иероглифам /Pilcher, 1909/.

Эти первые попытки полностью затмила дешифровка А.Гардинера, гениально исчерпавшая возможности крайне ограниченного материала, который был в его распоряжении, и определившая дальнейшее развитие исследований на многие годы. М.Шницер писал: "Она остается самой важной и самой блестящей попыткой дешифровки до наших дней" /Sznycer, 1972, с.1389/, и мы можем с полным основанием присоединиться к этой оценке. Дешифровка Гардинера важна до сих пор и оказывает влияние даже на тех ученых, которые считают протосинайское письмо полностью не дешифрованным (см. ниже).

А.Гардинеру было известно лишь 11 текстов общим объемом около 150 знаков; он выделил в них 32 разных знака и определил 15 из них. Гениальной догадкой можно назвать чтение им слова *b'lt* 'госпожа', которое он обнаружил в шести текстах написанным вертикально или горизонтально. Но больше всего его дешифровку укрепило то, что он отказался от толкования надписей, чтения других слов или фраз, ограничившись надежным результатом.

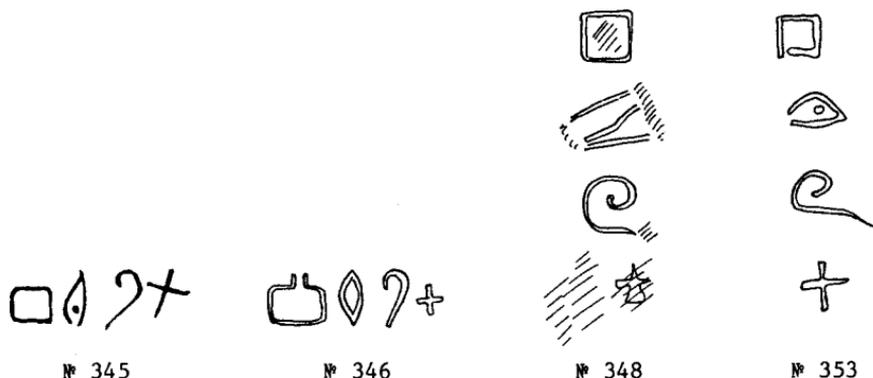

Рис. 2
Слово *b'lt* в протосинайских надписях

На этой основе А. Гардинер дал дешифровку системы письма: он объяснил знаки как египетские иероглифы — рисунки, которые получили семитское название и фонетическое значение по акрофоническому принципу, т.е. по первой букве семитского названия. Так, например, египетский иероглиф *k* 'бык' (знак — голова быка) получил семитское название 'alp 'бык' и фонетическое значение 'а иероглиф *h* 'двор' — значение "дом", название *bayt* и значение *b*.

Интересно перечислить знаки и их названия, определенные Гардинером, чтобы читатель мог легче следить за дальнейшим ходом дешифровки:

- ' — "голова быка";
- b* — "квадрат или прямоугольник";
- w* — "небольшой двузубец";
- z* — "две параллельные линии, соединенные вертикальной чертой";
- y* — "схематичное изображение руки";
- k* — "трезубец, обращенный влево";
- l* — "линия, увенчанная спиралью";
- m* — "зигзагообразная горизонтальная линия";
- n* — "рыба";
- n* — "змея";
- ' — "глаз";
- p* — "ромб или кружок";
- r* — "голова человека";
- š* — "два полукружия, соединенные линией";
- t* — "крест".

Правда, египетские прототипы были указаны далеко не для всех знаков. Даже из знаков, составляющих слово *b'lt* — *l* и *t* — были определены только по сходству с финикийскими знаками.

Дешифровка А. Гардинера получила полное и восторженное признание; лишь Г. Бауэр отозвался о ней скептически

/Bauer, 1918/. Остальные специалисты встретили ее с энтузиазмом /Littmann, 1920; Lidzbarski, 1921; ср. также Eisler, 1919 и Bissing, 1920/, сочли лишь чрезмерно осторожной, и сразу же начали появляться работы, развивающие и дополняющие выводы Гардинера. Уже в следующем номере того же журнала, где появилась его работа, была опубликована статья А.Каули /Cowley, 1916/, который предложил отождествление еще трех букв (*d*, *h*, *q*) и чтение нескольких слов и словосочетаний: *lb'lt* 'для госпожи', *n'm* 'удовольствие', *rb* 'господин' и т.п. Еще дальше пошел К.Зете, который выделил 16 букв, определенных, по его мнению, достаточно точно (кроме букв, выделенных Гардинером, еще *h/h* и *s*) и еще пять менее надежных (*g*, *d*, *t*, *q*), т.е. практически полный алфавит /Sethe, 1917/. Бростон счел возможным дать уже полное чтение и толкование ряда надписей /Bruston, 1921/; вместо характеристики его работы приведем лишь чтение и толкование им одной из надписей (№ 351):

bgn šmš nbt z tqn

"когда Солнце в зените, установи продукты этого".

Не говоря даже о чтении текста, которое не совпадает с имеющимися прорисовками по форме большинства знаков, и содержание надписи, и значения слов выглядят совершенно фантастическими.

Наиболее сенсационными оказались работы Х.Гримме: он обнаружил в надписях имена "Синай", "Моисей", "Иахве" /Grimme, 1923, 1929/, видел в них древнееврейский язык и, несмотря на ряд возражений /Рускманс, 1927; Furlani, 1925/, упорно отстаивал эти положения /Grimme, 1937/. Гримме непосредственно связывал протосинайские надписи с библейским "исходом из Египта" и находил в них неоспоримые доказательства историчности этой легенды.

На фоне этих фантастических чтений и интерпретаций выгодно выделяется работа В.В.Струве /Струве, 1923/, который, подобно Гардинеру, не предлагает интерпретаций текстов или отдельных слов, ограничиваясь изучением знаков. Следуя в основном выводам Гардинера и Зете, он привлекает для сравнения материал южноаравийского алфавита и дает новый вариант интерпретации письма. В.В.Струве уделяет основное внимание датировке текстов, строя ее на материале египетских надписей, сопутствующих протосинайским. Читая в одном из таких текстов имя гиксосского фараона Египта, он относит протосинайские надписи к XVII в. до н.э. Однако работа В.В.Струве, вышедшая в Петрограде в 1923 г., осталась неизвестной специалистам.

Под влиянием множества разноречивых и часто фантастических толкований период энтузиазма быстро сменился разочарованием. Даже Каули, один из первых энтузиастов, выступил с предположением, что протосинайское письмо не

Знаки протосинайского письма

Значение	1	2	3	4	5
'					
b					
g					
h					
d					
h					
w					
z					
h					
t					
y					
k					
š					
l					
m					

Значение	1	2	3	4	5
d				二	
n					
z					
s					
ʿ					
p					
ṣ					
q					
r					
t					
g					
t					

Примечание. 1 — по А.Гардинеру; 2 — по В.В.Струве; 3 — по Йенсену; 4 — по В.Олбрайту; 5 — по А.Ван ден Брандену.

является алфавитным и включает в себя также знаки-детерминативы /Cowley, 1929/, а Лейбович предложил видеть в протосинайском письме, близкое к мероитскому /Leibovitch, 1930/.

Однако авторитет акрофонической теории Гардинера был высок, и началась серьезная работа по эпиграфическому изучению памятников. Здесь следует выделить работы Г.Фурлани /Furlani, 1925/ и Г.Рикманса /Ruskmans, 1927/ и особо подчеркнуть исследование Х.Гримме, в котором опубликованы надежные воспроизведения памятников письма и впервые составлена полная таблица знаков, в них встретившихся /Grimme, 1937/.

Важнейший этап в изучении протосинайских надписей составили работы Р.Бутена, участника трех экспедиций Гарвардского университета на Синай в 1927, 1930 и 1931 гг. Он опубликовал новые надписи /Butin, 1928, 1932/, а также провел и новое детальное изучение всех уже известных текстов и переиздал их с фотографическими воспроизведениями и детальным палеографическим исследованием /Butin, 1936/.

Исследования Бутена соответствовали принципам акрофонической теории, но отличались от прежних работ большей осторожностью и более надежной палеографической базой. Но и они оказались не свободны от филологических и лингвистических натяжек и сомнительных чтений. В этих исследованиях сохранились многие чтения его предшественников: *b'lt* 'госпожа', *m'hb'lt* 'любимый госпожой', *tnt* 'дар' и т.п.

Новый этап в изучении протосинайского письма вызвали открытия 30-х годов в области семитской эпиграфики, прежде всего открытие угаритских памятников и угаритского клинописного алфавита. Этот материал показал, что исходный семитский алфавит, предок финикийского и южно-аравийского (каким и считали протосинайское письмо), должен был представлять собой "полный", или "богатый", алфавит, различающий 27—29 согласных. Соответственно все прежние попытки дешифровки, исходившие из финикийского алфавита в 22 знака, оказались невозможными, так как они вступили в противоречие с акрофонической теорией, видевшей в протосинайском письме исходный алфавит, созданный на базе другой системы письма, египетского иероглифического.

Преодолеть это противоречие взялся виднейший семитолог, признанный глава ближневосточной археологии и эпиграфики, В.Ф.Олбрайт. Отказавшись от взглядов, которых он сам еще недавно придерживался /Albright, 1935/, Олбрайт выступил с новым вариантом дешифровки, исходящим из алфавита в 27 знаков, различающего буквы *h* и *h̄*, *d* и *z*, ' и *ḡ*, *t* и *ṣ* /Albright, 1948/. Однако "уверенно" он различал лишь 19 букв, в том числе дополнительные *h̄* и *t̄*. Он дал также интерпретацию 27 текстов, которые счел "читаемыми".

Дешифровка В.Олбрайта основывалась на результатах экспедиции на Синай, которую он совершил в 1947 — 1948 гг., и на изучении протосинайских текстов, хранившихся в Каирском музее /Albright, 1948a/. Она была принята положительно, хотя далеко не с тем энтузиазмом, какой вызывали дешифровки начала 20-х годов. Несмотря на благоприятные оценки, только через 18 лет Олбрайт опубликовал свою "окончательную" (definitif) дешифровку, в которой определил уже 24 знака и дал полное чтение надписей, а также словарь и грамматический очерк языка /Albright, 1966/. Эта работа получила широкое, хотя и не единодушное признание, и до последнего времени остается наиболее авторитетным трудом в этой области.

Аналогичный характер имеют и работы А.Ван ден Брандена, в которых он также выступает сторонником акрофонической теории и исходит из того, что протосинайский алфавит содержит около 27 знаков /Van den Branden, 1958, 1960, 1962/. Этот вывод он сделал, основываясь на сравнении протосинайского письма с самудскими и сафскими надписями, а также с арабским языком /Van den Branden, 1966/. Многолетний труд А.Ван ден Брандена также завершился сводной работой, дающей чтение всех надписей и подробное исследование всех знаков /Van den Branden, 1979/. Правда, исследования А.Ван ден Брандена не получили никакого отклика в научной литературе и даже в обзорных работах М.Шницера /Sznycer, 1975/ и Дж.Гарбини /Garbini, 1979/. Между тем А.Ван ден Бранден правильно прочел несколько знаков, не установленных ранее, и дал весьма ценные воспроизведения и тщательные копии всех известных текстов.

Решительный удар акрофонической теории нанесли работы И.Гельба /Gelb, 1963; Гельб, 1976/, рассматривающего семитские консонантные алфавиты как слоговое письмо со знаками "согласный +любой гласный". Гельб отрицал всякую связь между рисунком (формой) знака и его значением и тем самым основу дешифровки протосинайского письма, предложенную Гардинером. Соответственно и сам Гельб, и его многочисленные последователи считают протосинайское письмо полностью недешифрованным (см. /Дьяконов, 1979; Garbini, 1966, 1979; Шифман, 1980/.

Теория Гельба способствовала критической оценке проделанной работы по изучению протосинайского письма. При этом наряду с весьма тщательным и объективным взглядом М.Шницера /Sznycer, 1972, 1975/ появились и гиперкритические работы, перечеркивающие все полученные результаты /Garbini, 1978, 1980/.

Вся история дешифровки дает лишь один надежный результат: чтение слова *b'lt* 'госпожа'; это отметил еще А.Гардинер /Gardiner, 1962/. Действительно, это чтение не оспаривалось никем; даже И.Гельб неявно признает его, приводя в качестве примера слогового написания /Гельб, 1976, с.278 —279/. Это слово и служит основой

дешифровки протосинайского письма. Об этом очень точно сказал М.Шницер: "Действительно курьезно, что, в общем виде, различные авторы, хотя и принимают чтение слова *b'lt*, в то же время не колеблясь утверждают, что протосинайское письмо остается совершенно непонятным, и поэтому нельзя говорить о его роли в происхождении алфавита. Это значит, что они не замечают, кажется, всех последствий, которые вызывает *ipso facto* чтение этого единственного протосинайского слова" /Sznyser, 1972, с.91/.

Сам М.Шницер на этом основании принимает все главные положения акрофонической теории. Он пишет: "Чтение этого слова достаточно само по себе, чтобы доказать, что: а) протосинайское письмо относится к категории алфавитных письменностей; б) знаки имеют своими прототипами египетские иероглифы; в) буквы рисуночного происхождения созданы по акрофоническому принципу; д) протосинайское письмо должно фиксировать семитский язык" /Sznyser, 1972, с.91/. Между тем уже безуспешность попыток дешифровки, построенных в соответствии с этой теорией, доказывает ошибочность по крайней мере части выводов Гардинера. Признание чтения *b'lt*, строго говоря, доказывает лишь два положения: консонантно-алфавитный характер письма и семитский характер языка. И происхождение знаков от египетских иероглифов, и их акрофоническое происхождение не вытекают из чтения этого слова.

Приступая к дешифровке протосинайского письма, можно уверенно исходить лишь из того, что оно имеет характер семитского консонантного алфавита. В настоящее время известно не меньше четырех видов семитского консонантного письма, восходящих ко II тысячелетию до н.э. — финикийское, угаритское, южносемитское и протосинайское — и это уже достаточно богатый и надежный материал для дешифровки.

ГЛАВА 2
ДЕШИФРОВКА

Неудачи многочисленных настойчивых попыток дешифровки и ненадежность предлагаемых чтений и интерпретаций протосинайских надписей во многом объясняются состоянием имеющегося материала. Тот же Шницер писал: "В общем виде попытки полной дешифровки протосинайского письма кажутся мне обреченными на провал по той простой причине, что протосинайские надписи малочисленны, фрагментарны и плохой сохранности" /Sznycer, 1972, с.91/. Это действительно так, и к тому же не для всех текстов есть надежные воспроизведения (см. вклейку, рис.1, 4). Нет, пожалуй, ни одной надписи, которая сохранилась бы целиком, без повреждений, за исключением, может быть, двух-трех кратких текстов с собственными именами. Общий объем имеющегося материала не превосходит 400—450 знаков, что, по-видимому, вообще не позволяет надеяться на успешную дешифровку текстов (см. рис.3 и вклейку, рис.1).

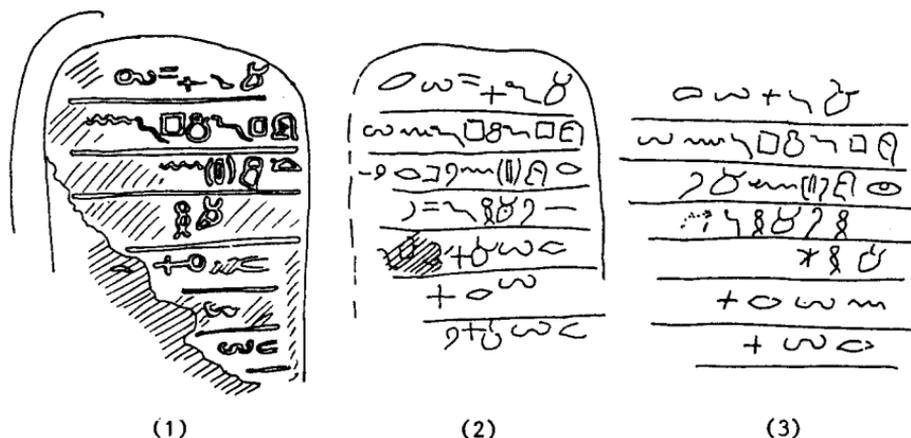

Рис. 3

Надпись № 349

(1) Прорисовка А.Гардинера; (2) прорисовка В.Олбрайта; (3) прорисовка А.Ван ден Брандена

Действительно, согласно уравнению Шеннона, для дешифровки необходимо иметь текст объемом в полтора-два раза больше, чем полный репертуар знаков дешифруемого

письма. Для алфавитного письма даже типа финикийского (объемом в 22 буквы) это составит 35—45 знаков, а типа южносемитского или угаритского (в 29—30 знаков) — 45—60 знаков. Но ни одна из известных протосинайских надписей не содержит надежного сплошного текста больше чем в 10—15 знаков, а общий объем даже самой пространной из них не достигает и 40 знаков.

Это заставляет предположить иной принцип дешифровки, не связанный с интерпретацией текстов. В качестве исходной гипотезы выдвигается достаточно известное и обоснованное предположение о генетическом родстве протосинайского письма с другими семитскими консонантными алфавитами Ближнего Востока II тысячелетия до н.э.: угаритским, финикийским и южносемитским. Каждый из этих родственных алфавитов рассматривается как система, характеризующаяся многими признаками: количеством и порядком знаков, формой, фонетическими значениями и названиями букв. Для протосинайского письма, как родственной системы, предполагаются аналогичные признаки. Семитские консонантные алфавиты используются в качестве внешнего (по отношению к протосинайскому письму) материала, позволяющего определить фонетическое значение букв, т.е. дешифровать алфавитное письмо.

Для пояснения принципа дешифровки прибегнем к аналогии, поставив однотипную задачу на известном материале: определить фонетическое значение знака "Н" и его принадлежность к определенной системе письма. Для отдельного знака решение задачи невозможно, даже если известно, что это — буква одного из европейских алфавитов начала XX в. н.э. Добавим к исходному материалу знаки "А", "В", "М", "I", "О" и "Р": их нельзя отнести к определенной системе (кириллице, латинице или греческому алфавиту) и выявить фонетическое значение знаков "В", "I", "Р", хотя уже можно установить фонетическое значение знаков "А", "М", "О". Но присоединив еще знаки "Г" и "Н", можно решить задачу, определив систему как греческий алфавит (ибо "Г" отсутствует в латинице, а "Н" — в кириллице, но обе буквы имеются в греческом алфавите), а знак "Н" — как букву *эта*. Соответственно можно и определить фонетическое значение остальных букв.

Репертуар знаков

Необходимым условием дешифровки протосинайского письма является выяснение репертуара знаков, который не рассматривался со времен Х.Гримме. Значительные расхождения в определении количества знаков объясняются тем, что исследователи объединяли варианты знаков, а в списки включались дополнительные знаки из вновь найденных надписей. Поэтому А.Гардинер насчитывал 32 знака;

Репертуар знаков

Номер знака	Обозначение														
	№ 1 345	№ 2 346	№ 3 347	№ 4 348	№ 5 349	№ 6 350	№ 7 351	№ 8 352	№ 9 353	№ 10 354	№ 11 356	№ 12 357	№ 13 358	№ 14 359	№ 15 360
1	8				8	8?	8?	8	8	8?	8	8	8	8	8
2	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□	□		□	□
3	7P	7	7	7	7	7	7?	7	7	7	7?	7	7		7?
4	~	~		~	~		~	~	~	~	~	~	~	~	~
5	2?	2	2		2	2	2	2	2		2	2			2?
6	0	00			0		0	00	0	0	0?	0	0		0?
7	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
8		P			P			P	P			P			
9		ω?		ω	ω		ω	ω	ω	ω?		ω			ω
10		=			=?		=		=				≠?		=
11	ψ			ψ		ψ	ψ?		ψ	ψ?	ψ				
12	ψ?			ψ	ψ		ψ					ψ?	ψ		
13				ξ	ξ		ξ?	ξ	ξ?						
14		ξ				ξ						ξ			
15		0			0	0	0				0?				
16								6				6			
17															□
18								ψ?							
19		7?					7						7		
20												γ?			
21															
22		L?						L?							
	□?						+ 7?		7?	7?	7?	7			

протосинайского письма

надписи														
№ 16	№ 17	№ 18	№ 19	№ 20	№ 21	№ 22	№ 23	№ 24	№ 25	№ 26	№ 27	№ 28	№ 29	№ 30
361	362	363	364	365	365	374	375							
	⌘ ⌘		⌘		⌘?	⌘	⌘					Α	Δ	
□□	□?		□	□	□	□	□			□				9
σ?	↪		9	↪	↪?	↪	ρ			↪		↪	↪?	
≡			≡?		≡		≡		≡			≡	≡	
⌚	~	~	⌚	⌚	⌚	⌚			⌚	⌚		⌚	⌚	
○?			○	○	○	○	○	○?				○	○	
+		+		+	+	+							+	
			ρ	ρ		ρ	ρ?			ρ	ρ		ρ	
ω			ω			ω								ω
=		=		=		=					≠		=	
ψ						ψ?								
		ω?								θ				
		⌘		⌘		⌘	⌘							
		⌘?				⌘	⌘							
							ϣ	⌘?				ϣ		
	ρ			ρ			ρ							
			ψ	ψ		ψ?								
								ρ	ρ?					
								γ?						γ?
				E?										
				L									γ?	γ?
			⌘		I?	ρ?	○?			ρ	τ		?	
					γ?									

Х.Гримме, В.В.Струве и другие, исходившие из финикийского алфавита, сводили их к 20—22 буквам; с открытием угаритского исследователи стали исходить из алфавита, имевшего знаки для всех прасемитских фонем, т.е. из 27—30 знаков. В.Олбрайт насчитывал уже 23 буквы, а А.Ван ден Бранден — 25, причем оба предполагали существование еще 3—4 букв, не засвидетельствованных в надписях. Иногда выдвигаются гипотезы о большем количестве букв. Так, по мнению Дж.Гарбини, "существует еще 13 знаков, отличных от 23 выделенных (В.Олбрайтом. — А.Л.), которые рассматриваются как их графические варианты" /Garbini, 1980, с.14/. Таким образом, необходима новая сводка всех знаков, зафиксированных в известных надписях.

Составление репертуара знаков затруднено из-за плохого состояния текстов, часто с трудом поддающихся чтению, и недостаточной надежности воспроизведений. Так, зачастую даже исследователи последних лет, В.Олбрайт и А.Ван ден Бранден, по-разному читают один и тот же знак. К сожалению, непосредственная проверка текстов оказалась невозможной для автора, и это не позволяет ему предложить свое чтение сомнительных мест. Однако задача репертуара — выявление существующих знаков — не требует абсолютной надежности чтения всех знаков, как это необходимо для чтения надписи. Действительно, при составлении репертуара знаков чтение того или иного слова несущественно; важно лишь выяснить наличие того или иного знака в данном тексте. Поэтому репертуар составлен без уточнения чтений. В случае разногласий исследователей в чтении того или иного знака в сводную таблицу знаков (см. табл.2) вносятся оба знака с пометкой сомнительности чтения (?). Для наглядного представления о надежности выделения того или иного знака в таблице 2 сведены данные всех надписей, причем из каждого текста дается одна форма, наиболее ясно читаемая или несколько обобщенная. При необходимости для каждого текста в качестве вариантов приводятся две наиболее различающиеся формы.

Направление письма в протосинайских надписях неустойчиво: наряду с обычным направлением сверху вниз встречается и письмо справа налево и, вероятно, также слева направо (каменная плитка из Сихема). Иногда надпись, начатая вертикально, затем загибается вправо или влево (№ 2 = 346, № 12 = 357)¹. Может быть с этой особенностью текстов связана неопределенность в положении знака по отношению к строке. Для некоторых надписей направление письма остается спорным. В связи с этим знаки, варьирующие в зависимости от положения в строке, различаются не систематически. Единичные формы, не повторяющиеся

¹ Первая нумерация соответствует принятой А.Ван ден Бранденом, вторая — общепринятой нумерации издания надписей.

хотя бы в двух-трех надписях, вынесены отдельно (см. табл. 2) даже при вполне уверенном чтении.

Различение знака и варианта знака в недешифрованном письме, где не может быть использован критерий значения и неосуществима проверка путем чтения текста или слова, весьма затруднено. Особенно сложно сделать это теоретически, в общем виде, указав критерии различения знака и варианта, и дать определения этих понятий. Однако на практике, для каждого конкретного случая, эта процедура осуществляется значительно легче. Знакомство с любым алфавитом на его ранней стадии наглядно показывает, что знаки легко различаются и возможность их смешения возникает большей частью при повреждениях текста и лишь очень редко — из-за небрежного написания. Знак обычно имеет какую-то характерную черту, отличающую его от близких по форме букв; именно эта черта сохраняется и в вариантах знака, тогда как другие признаки, не играющие такой смысловозначительной роли, могут меняться. Различение знака и варианта легче всего достигается начитанностью, когда их смысловозначительные черты выделяются интуитивно, на основе опыта. Этот метод различения знака применяется и при обучении чтению машины. Смысловозначительные черты выделяются и в протосинайских знаках (их легко заметить в несколько обобщенных формах в табл. 2).

Составление репертуара знаков позволило выделить единичные формы: фигуры, встречающиеся лишь в одной надписи, обычно в неуверенном чтении и резко отличающиеся по форме от известных знаков. В некоторых случаях удается выяснить, что это описка, исправленная тут же, рядом (№ 20 = 365, см. ниже) или ошибка чтения: позднейшие царяпины, принятые за черты знака (№ 27, см. ниже). По-видимому, эти или близкие причины вызвали появление и других единичных форм.

Новый репертуар знаков позволяет выделить в протосинайском письме три группы букв. К первой относятся семь частых букв, каждая из которых встречается не меньше чем в 19 надписях (см. табл. 2, № 1—7).

Протосинайское письмо обычно называют рисуночным; действительно, в надписях можно встретить четкие изображения змеи, головы человека или ладони (см. табл. 1 и вклейку, рис. 5). Однако понятие "рисуночного" знака весьма неопределенно и нуждается, видимо, в уточнении.

Наше представление о "рисуночном" или "геометрическом" характере знака во многом зависит от того, в каком "контексте" мы его рассматриваем. Так, например, круг или прямоугольник — геометрические фигуры; однако в рамках рисуночной системы знаков (иероглифического письма) круг является вполне "рисуночным" изображением глаза, а прямоугольник — дома. Поэтому граница между рисуночными и геометрическими, или схематичными, знаками достаточно условна. В дальнейшем мы будем называть "рисуночными" лишь такие знаки, где рисунок достаточно узнаваем, хотя бы в некоторых из форм (например, знак

№ 2 "дом" в форме прямоугольника, на котором иногда изображается вход, см. табл. 2).

Частые буквы имеют рисуночный (№ 1, 2, 5, 6) или геометрический (№ 3, 4, 7) характер, единообразные и четкие формы, которые достаточно стабильны и пишутся без существенных вариантов, искажающих общий облик знака. Буквы написаны с разной степенью четкости и аккуратности, рисунки иногда неумелы, но всегда без труда узнаваемы. В наскальных надписях буквы зачастую выбиты небрежно, с вариациями в размере и положении в строке, но такое явление обычно для надписей, выполненных не профессионалами. Особенно сильно варьирует положение знака в строке. Так, например, знак "головы быка" (№ 1) может быть повернут как вправо, так и влево². Знак № 3 может быть расположен и вертикально, с завитком как вправо, так и влево, и горизонтально, также с разным положением завитка, даже направленным вниз (см. табл. 2). По-видимому, положение знака не всегда зависит от направления письма (но ср. ниже, с. 59), однако обычно оно связано с направлением строки, и знак при поворотах всегда сохраняет характерную форму.

Вторую группу составляют десять знаков, встречающиеся в нескольких текстах (от четырех до тринадцати). Они четко написаны и хорошо читаются (см. рис. 2, № 8 — 17). Эти знаки в основном рисуночные, хотя среди них есть и схематичные (№ 9, 15, 17), и геометрические (№ 10) (граница между ними условна). Знаки второй группы также достаточно единообразны, и варианты их обычно несущественны: наибольшее разнообразие форм дают знаки со сложным рисунком (№ 8, 11, 14). Расположение знаков в строке и по отношению к направлению письма также свободно.

Этим практически исчерпывается репертуар знаков протосинайского письма, засвидетельствованных в памятниках. Все остальные "знаки" практически не встречаются в текстах (недаром и все предыдущие дешифровки, начиная с самых первых, надежно определяли не более 15 — 17 знаков).

В текстах можно обнаружить еще 30 — 35 фигур или форм, встречающихся в единичных текстах, часто в ненадежном чтении. Иногда три — пять из них можно даже предположительно объединить в один знак (см. табл. 2, № 18 — 22), но варианты такого знака, значительно отличающиеся друг от друга, часто сомнительны или ненадежны. По-видимому, эти знаки действительно отражают несколько букв протосинайского алфавита (вероятно, три — пять, не более), но

² В надписи на каменной плитке из Сихема он вообще написан "вверх ногами" и сильно стилизован. Это — особый вариант знака, близкий скорее к финикийской букве *алеф* ("бык"). Однако другие знаки этой надписи заставляют рассматривать ее письмо как протосинайское; видимо, она отражает его локальный или хронологический вариант.

выделить эти знаки и даже установить их форму не удается. Отметим, что все эти формы схематичны и ни одна из них не является рисуночной.

Эти знаки можно назвать гипотетическими: и каждая отдельная форма, и предположительно выделяемый знак могут оказаться, как это уже не раз случалось в истории дешифровок протосинайского письма, либо ошибкой чтения, либо вариантом другой, уже известной буквы (например, знак № 18 может быть вариантом знака № 12, а знак № 22 — вариантом знака № 16), либо повреждением, исказившим форму буквы.

В еще большей степени это касается тех единичных форм, которые не группируются даже в гипотетические знаки. Так, например, знак в надписи № 7 = 351 (*g*, по А.Ван ден Брандену /Van den Branden, 1979, с.179, 200—202/), по-видимому, является просто соединением знаков № 7 и 19. Аналогично знак в надписи № 9 = 353 (*g*, по В.Олбрайту /Albright, 1966, с.21—22, фиг.5/ и *b*, по А.Ван ден Брандену /Van den Branden, 1979, с.206—208/) в действительности представляет собой знак № 2. Первый знак в надписи на кинжале из Лахиша, который В.Олбрайт и А.Ван ден Бранден интерпретировали по-разному, определяется как знак № 3, в котором позднейшие царапины на кинжале были приняты за составную часть буквы (см. ниже и вклейку, рис.6).

Подобные единичные формы нельзя, разумеется, рассматривать как знаки протосинайского алфавита. Это сильно меняет наши представления о протосинайском письме, так как среди 23 знаков, выделяемых В.Олбрайтом, четыре (его *g*, *h*, *g* и *š*) известны лишь по единичным формам, а среди 25 букв, выделяемых А.Ван ден Бранденом, таких насчитывается уже шесть (его *z*, *y*, *g*, *p*, *d* и *q*).

Таким образом, вместо предполагаемых 27, 32 или более знаков в протосинайском письме надежно выделяется не больше 17, и не больше четырех—пяти знаков можно выделить гипотетически. Возникает предположение, что протосинайское письмо насчитывало не больше 22—23 знаков, т.е. что оно отражало не полный набор прасемитских согласных древней стадии, как угаритский и южносемитский алфавиты в 27—29 знаков, а более краткий, свойственный семитским языкам средней стадии, аналогично финикийскому письму в 22 знака.

Характер знаков

Обычное представление о протосинайском письме как рисуночном не соответствует истинному положению: из 17 надежных знаков лишь 12 имеют рисуночный характер (№ 1, 2, 5, 6, 8, 11—17) да и то не всегда очевидный

(№ 12, 13, 15, 16). Три — четыре знака можно назвать символическими (№ 3, 4, 9), а два — геометрическими (№ 7 и 10). Из гипотетических знаков ни один не имеет рисуночного характера. Таким образом, протосинайское письмо является менее рисуночным, чем другие семитские консонантные алфавиты II тысячелетия до н.э., особенно по сравнению с протоалфавитом, где все знаки схематично-рисуночные /Лундин, 1985, с. 145 — 149/.

Однако если знаки других консонантных алфавитов крайне схематичны, и их рисуночный характер зачастую непонятен без "подсказки" в названии, рисуночные буквы протосинайского реалистичны, конкретны в деталях и позволяют легко опознать изображаемый предмет. В протосинайском письме рисуночный элемент резко выделен, хотя это и касается лишь части знаков. Это отличает протосинайское письмо от других консонантных алфавитов и является, может быть, его наиболее яркой характерной чертой.

Выделенные знаки протосинайского письма обнаруживают большое сходство с буквами семитских алфавитов по своей форме, не только с финикийскими, но и с южносемитскими и с предполагаемыми линейными прототипами угаритских букв (см. /Лундин, 1982, с. 23, табл. 1; Lundin, 1987, с. 94 — 95/). Однако сравнение знаков только по форме не доказывает их родства и близости фонетических значений, так как при этом не исключена возможность случайного совпадения. Примеры графического тождества знаков разных систем с разными значениями достаточно хорошо известны; приведем в качестве примера знаки "В" и "Н" в кириллице и в латинском алфавите. Для знаков протосинайского письма известна лишь их внешняя форма, поэтому иной способ сравнения невозможен.

Для семитских консонантных алфавитов известны три стабильные признака, характеризующие каждую их букву: форма, значение и название. Все они тесно связаны и образуют единый комплекс: название соответствует форме (рисунку), а фонетическое значение — первой согласной названия. Комплекс признаков буквы прослеживается уже на самой ранней известной нам стадии алфавитного письма, на стадии протоалфавита (см. /Лундин, 1985, с. 149/). Предполагая родство протосинайского с другими консонантными алфавитами II тысячелетия до н.э., мы видим и в нем такой же комплекс признаков. Это открывает путь к дешифровке знаков: совпадение двух признаков буквы — формы и названия — уже не может быть случайным и позволяет установить и фонетическое значение буквы.

Правда, названия букв протосинайского письма неизвестны, но можно воспользоваться особенностью рисуночных букв этой системы, их реалистичностью и легкой узнаваемостью. Это позволяет гипотетически реконструировать название изображаемого предмета, т.е. знака, которое можно сравнить с семитскими названиями букв (см. табл. 3).

Таблица 3

№ знака	Протосинайский (ПС)	Семитское название	Прото-алфавит (ПА)	Значение
1		'alp 'бык'		'
2		bayt 'дом'		b
5		nin/nahas 'змея'		n
6		'ayn 'глаз'		'
8		ra's 'голова'		r
11		?	-	-
12		kapp 'ладонь'		k
13		?	-	-
14		samk 'рыба'		s/š
15		?	-	-
16		?		?

Совпадение предмета, изображаемого протосинайским знаком, и семитского названия обнаруживается в семи случаях из одиннадцати и сопровождается близостью их форм. Несовпадения в изображении оставшихся четырех знаков могут объясняться различными причинами, в частности неточной интерпретацией рисунка протосинайского знака. Так, например, два знака, № 11 и 13, мы определили как рисунок человека. Однако учитывая акрофонический характер названий семитских букв, одинаковый по значению рисунок могут иметь лишь два варианта одного знака (или знаки-омофоны). Хотя обе эти возможности не исключаются, более вероятно, что мы неточно определяем рисунок, имевшие конкретное (частное) название (для знака "человек", например, "мужчина", "воин", "старик" и т.п.).

Один из случаев несовпадения можно объяснить. Хотя в семитских алфавитах нет названия буквы "нога", но можно установить, что в протоалфавите существовал знак "нога", сохранившийся в финикийском и угаритском в значении *p* под названием *pē* 'рот', а в южносемитском — в значении *r* под названием *ra's* 'голова'. Видимо, протоалфавитный знак "нога" имел северосемитское название *ra'n* 'нога', которое дало ему значение *p*, и южносемитское название *rigl* 'нога', которое дало ему значение *r* /Лундин, 1982, с.27; Lundin, 1985, с.239–244/.

Таким же способом можно сравнить и некоторые символические, или схематические, знаки:

Таблица 4

№ знака	ПС	Семитское название	ПА	Значение
3		lamd 'посох'		l
4		may 'вода'		m
7		taw 'знак', 'метка'		t
17		dalt 'дверь'		d

Здесь наблюдается такое же совпадение изображаемого или "символизируемого" предмета и семитского названия, причем совпадает даже характер символики. Если сравнить эти знаки также и по форме со знаками семитских консонантных алфавитов, то и здесь обнаруживается сходство, иногда до полного совпадения. Таким образом, сравнивая знаки протосинайского письма с буквами семитских консонантных алфавитов по двум признакам — форме и названию для семитских букв и форме и изображаемому предмету для протосинайских знаков, можно установить совпадение этих признаков для 12 знаков из 15. Это позволяет установить и фонетическое значение 12 протосинайских букв. Только знак "рыба" не совсем ясен: этот знак, *samk*, применялся в финикийском для обозначения сибиланта *s*, а в южносемитском и, видимо, в угаритском (северносемитском) — для обозначения латерального сибиланта *š*; в протосинайском возможно любое из этих близких значений.

Совпадение 12 знаков убедительно доказывает родство протосинайского с другими семитскими консонантными алфавитами — угаритским, финикийским и южносемитским. Поэтому остальные знаки можно сравнивать теперь по одному параметру, по форме, уже не опасаясь случайного совпадения. Однако предварительно следует уточнить соотношение формы уже отождествленных протосинайских знаков с соответствующими знаками финикийского, угаритского и южносемитского.

Уже отмечалось, что протосинайские знаки более реалистичны и детализированы; примером может служить знак *k* на остраконе из Гезера, где на ладони тщательно вырисованы все пальцы (см. вклейку, рис.5), или знак *r* "голова" в надписи № 357в (см. ниже). Иногда даже обнаруживается отсутствие непосредственной графической связи между протосинайскими буквами и буквами семитских консонантных алфавитов. Так, знак "змея" в протосинайском обязательно включает голову змеи, при этом изображение ее тела иногда сводится к слабо изогнутой или даже прямой линии (№ 15 = 360, № 21 = 367, см. табл.2). Напротив, финикийский и южносемитский знаки передают характерный изгиб тела змеи, но без головы (см. табл.5). Точно так же протосинайский знак *r* "голова" изображает голову человека с различными элементами лица (нос, глаз, ухо), но без шеи (№ 8 = 352, № 9 = 353), тогда как финикийский и угаритский знаки изображают голову крайне схематично, но шея является необходимым, характерным элементом знака (см. табл.5). Протосинайский знак ' изображает голову быка сбоку, а финикийский и угаритский — в фас (южносемитский знак вообще изображает не голову, а быка целиком, см. /Лундин, 1982, с.26/). Ни финикийский и южносемитский *n*, ни финикийский и угаритский *r* нельзя представить себе как результат чисто графической эволюции протосинайского знака. Столь же велика разница и в форме знака *p* "нога": финикийско-угаритский знак изображает бедро и голень, тогда как протосинайский — сто-

Протосинайские знаки и их соответствия
в семитских алфавитах

Таблица 5

Номер знака	ПС	Финик.	Угарит.	Угарит. лин.	Юж.-сем.	Название	ПА	Значение
1						'alp 'бык'		'
2						bayt 'дом'		b
3						lamd 'посох'		l
4						may 'вода'		m
5						nip nahas 'змея'		n
6						ayn 'глаз'		c
7						taw 'знак'		t
8						ra'š 'голова'		r
9						šinn 'зуб'		š
10						zayt 'олива'		z
11						šade ?		š(?)
12						kapp 'ладонь'		k
13						het 'ограда'		h
14						samk 'рыба'		s
15						ṭayt 'клубок'		ṭ(?)
16						[*pa'n 'нога']		p
17						dalt 'дверь'		d

пу и часть голени (см. табл.5). Пяти- или четырехпалая кисть руки в протосинайском вряд ли может быть исходной графической формой для трехпалой кисти финикийского, угаритского и южносемитского алфавитов. Но для всех этих знаков маловероятным представляется и обратный путь эволюции от схематичных форм консонантных алфавитов к рисуночным формам протосинайского. Точнее всего можно определить соотношение этих знаков как различных рисунков одного и того же предмета, схематичных в консонантных алфавитах и рисуночных в протосинайском.

Происхождение рисуночных знаков протосинайского можно представить себе как намеренную стилизацию букв с усилением их рисуночного характера. Это представляется вполне возможным под влиянием египетской культуры и особенно египетского иероглифического письма, сохранившего рисуночные формы многих знаков. Именно внешний вид египетского письма был образцом и целью для стилизации. При этом создатели форм, вероятно, исходили иногда из формы знака протоалфавита (№ 1 "голова быка", № 2 "дом" и т.д.), а иногда — из его названия, т.е. из значения рисунка (№ 5 "змея", № 6 "глаз" и т.д.).

Неясные рисуночные знаки, № 11, 13 и 15, можно назвать "вторичнорисуночными". Они возникли, несомненно, в ходе того же процесса стилизации с усилением рисуночного элемента. Однако, по-видимому, в этих знаках исходная форма уже утратила рисуночный характер, а название, может быть, утратило предметное значение. Поэтому форма знака получила новую интерпретацию, не связанную с названием буквы. Такие вторично-рисуночные формы следует сравнивать со знаками семитских консонантных алфавитов, как и геометрические знаки протосинайского, просто по форме.

Сравнивая еще не определенные знаки протосинайского со знаками других семитских алфавитов по форме, можно легко обнаружить явное графическое сходство знака № 9 с буквой *š* — *šinn* 'зуб' и № 10 с буквой *z* — *zayt* 'олива' (исходный рисунок — дерево), а также, может быть, и № 15 с буквой *t* — *tayt* 'клубок' (см. табл.5). При этом знак № 9 представляет собой просто форму с плавной (закругленной) линией по сравнению с угловатой линией финикийского или южносемитского знака, написанной отдельными штрихами, т.е. различна лишь манера письма. Для знака № 10 ясен путь графической эволюции: от протоалфавитного *z*, наиболее близкого к угаритскому, через северосемитскую или южносемитскую формы к наиболее курсивной протосинайской, превратившейся в абстрактную геометрическую фигуру³.

³ Отдельные протосинайские надписи содержат архаичные формы, подтверждающие такой путь эволюции. Так, форма, совпадающая с реконструированной протоалфавитной, сохранилась в надписи на кинжале из Лахша (№ 27) и, может быть, в № 13 = 358 (чтение ненадежно) — форма, совпадающая с финикийской.

Для знака № 15 также весьма вероятен путь графической эволюции от угаритско-финикийского знака \ddagger 'клубок' с пересечением линий в круге через южносемитскую геометризованную форму прямоугольника, пересеченного вертикальной линией, к курсивной протосинайской форме "восьмерки". Впрочем, интерпретация этого знака остается сомнительной.

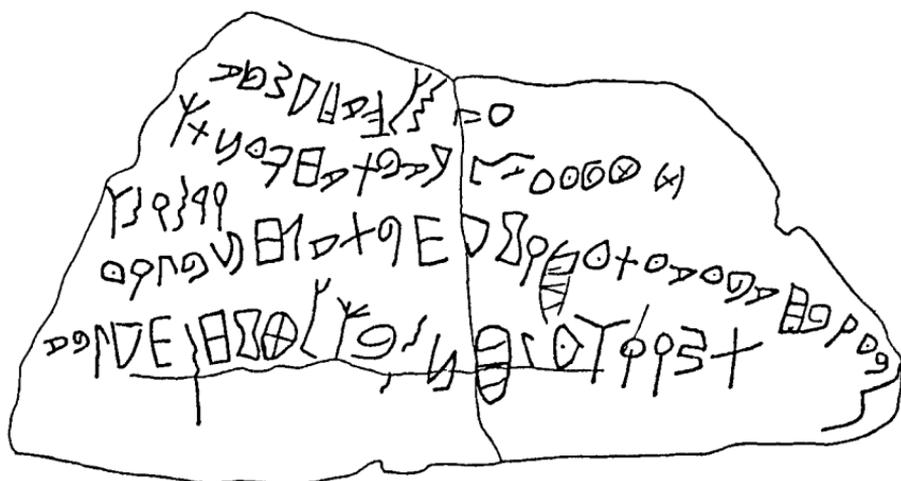

Рис.4
Остракон из Избет-Сарта
с записью финикийского алфавита
(ок. 1200 г. до н.э.)

Наиболее сложен знак № 13, для которого ни финикийский, ни южносемитский, ни реконструированные линейные формы угаритского не дают близких графических параллелей (см. /Лундин, 1982, табл.1/). Однако привлечение протосинайского знака позволяет поставить задачу реконструкции линейной праформы угаритского знака \dot{h} .

Эта буква в угаритском имеет сложную форму и состоит из двух обычных клиньев, вертикального и горизонтально-го, расположенных под прямым углом, и двух угловых клиньев. По выявленным закономерностям передачи линейных форм клинописной графикой, угловой клин передает круг, а клинья, расположенные под прямым углом, — пересечение линий (см. /Лундин, 1982, с.22—24/). Расположив эти элементы в порядке их написания, слева направо, получим знак, совпадающий по форме с протосинайским знаком № 13, но в лежащем положении, повернутый на 90° по отношению к строке. Такой поворот часто встречается в угаритских знаках (см. \dot{a} , \dot{d} , \dot{k} в табл.5). Совпадение угаритской и протосинайской форм позволяет отождествить эти знаки и определить протосинайский знак № 13 как бук-

ву *h* (ср. /Лундин, 1985, с.152; Лундин, 1989а, с.144 – 145/)⁴.

Таким образом, из 17 известных букв протосинайского письма не отождествляется со знаками семитских консонантных алфавитов лишь одна – № 11. Совпадение 16 знаков позволяет уверенно говорить, что протосинайское письмо – ветвь семитского консонантного алфавита. Графическое соотношение ее с другими алфавитами показывает, что это вариант уже довольно далекий от протоалфавита, с сильно измененными формами букв. Некоторые знаки явно прошли уже большой путь эволюции в сторону беглости письма. Таковы буквы *z*, явно более поздняя, даже чем финикийская форма, *s* и, вероятно, *h*. Это позволяет оценить протосинайское письмо как довольно позднюю ветвь семитского консонантного алфавита.

Протосинайский и другие
консонантные алфавиты
II тысячелетия до н.э.

Отождествление 16 знаков позволяет определить место протосинайского среди известных ветвей семитского консонантного письма. Раннюю историю семитских консонантных алфавитов в настоящее время можно представить себе следующим образом: на рубеже XVI – XV вв. до н.э. создается исходная система, протоалфавит. Это – консонантный алфавит, отражающий полный состав семитских согласных древней стадии в 28 – 29 знаков, включающий и несколько дублетных знаков – разных рисунков для одного согласного. Например, для буквы *y* существовало два знака – *yad* 'рука' и *yatan* 'десница', для буквы ' ('*alp* 'бык') – два рисунка, бык и голова быка, и т.п. Протоалфавит, видимо, обладал всеми элементами системы за исключением фиксированного порядка знаков.

Такой порядок знаков, необходимый для обучения, создается очень скоро независимо в двух разных местах, что приводит к разделению алфавита на две ветви: северносемитскую (с порядком знаков '–*b*–*g*) и южносемитскую (с порядком *h*–*l*–*h*).

Южносемитская ветвь представлена древними алфавитными системами Аравии (южноаравийской, деданской, самудской, сафской, лихьянской), известными по памятникам I тысячелетия до н.э. Однако несомненно, что она возникла на Ближнем Востоке в середине II тысячелетия и какое-то время бытовала в Палестине и, может быть, Сирии (ср. /Лундин, 1989а, с.144 – 150/). Это – система в 28 – 29 знаков, различающая на письме три сибиланта *š*, *s* и *š*.

⁴ Промежуточную форму буквы *h* содержит архаическая финикийская надпись XII в. до н.э. на бронзовом наконечнике копья (см. /Martin, 1962, с.175 – 193, табл.1/).

ПРОТОАЛФАВИТ (ок. 1500 г.)

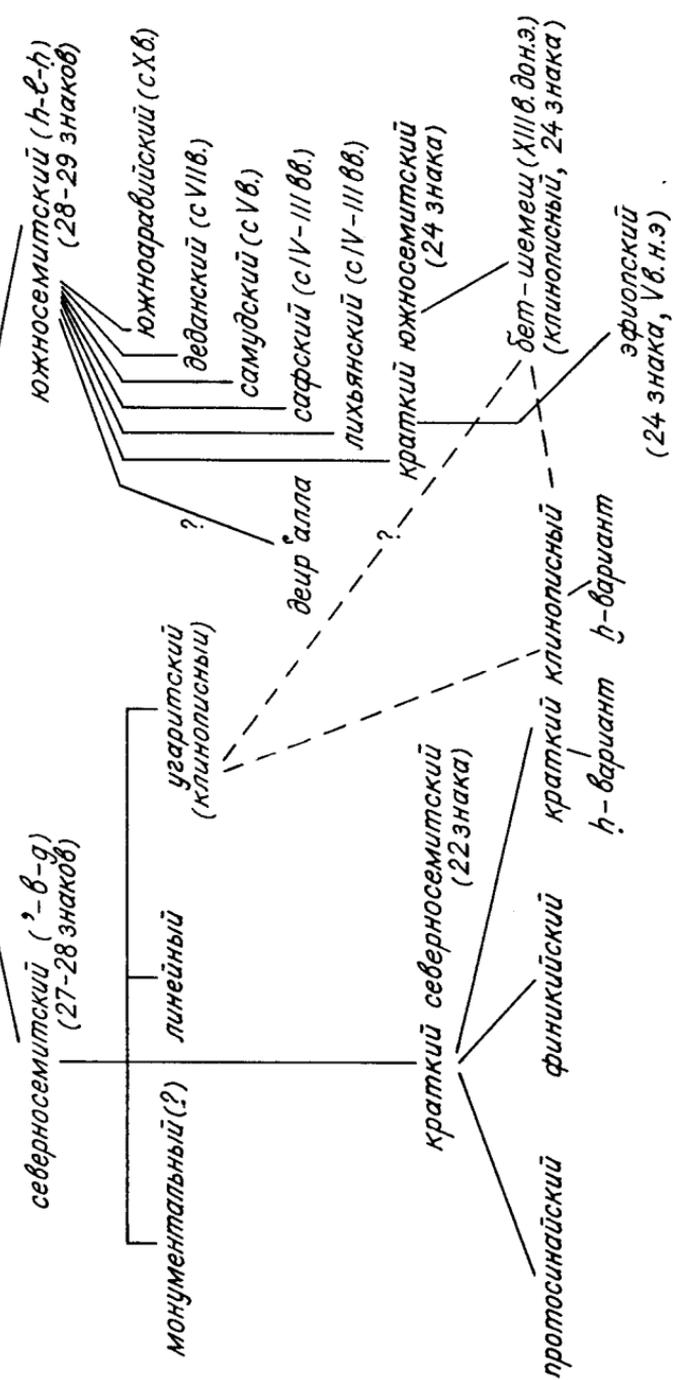

Схема
Развитие алфавита во II тысячелетии до н.э.

Северносемитская ветвь представлена угаритским клинописным алфавитом в 30 знаков (из них три — дополнительные) и финикийским в 22 знака. Клинописная система восходит к линейному алфавиту в 27 знаков. Порядок знаков несомненно доказывает, что финикийский — результат сокращения полного линейного алфавита в 27—28 знаков, близкого к линейному прототипу угаритского /Лундин, 1982, с.20/.

Введение разного порядка знаков разделило северную и южную ветви семитского алфавита и привело к тому, что их развитие пошло разными путями. На известном нам этапе различия между северносемитским и южносемитским были довольно велики. К ним относятся "зеркальные" знаки, имевшие одно фонетическое значение в южносемитском и другое в северносемитском: это буквы h/w и w/h , h/\bar{d} и \bar{d}/h , s/g и g/s , а также буква p/r /Лундин, 1982, с.26—27/. Кроме того, знак ' в северносемитском обозначается рисунком головы быка, а в южносемитском — рисунком быка; знак y в северносемитском изображает руку, согнутую в локте, а в южносемитском — вытянутую руку, сжатую в кулак. Эти различия достаточны для определения места новой системы — протосинайского письма.

Из различающихся знаков для протосинайского известны ', p , r и h ; все они следуют северносемитским образцам, изображая голову быка (а не быка), ногу (а не рот) и голову (а не ногу). Буква № 13 совпадает с "зеркальным" знаком h/\bar{d} ; ее следует, вероятно, исходя из северносемитских параллелей, толковать как h , но для полной уверенности необходимо установить значение (см. ниже). Однако и совпадение трех из четырех различающихся знаков с северносемитскими надежно устанавливает принадлежность протосинайского письма к северносемитской ветви.

Сложнее установить отношение протосинайского к ветвям северносемитского — финикийскому и угаритскому (точнее — к реконструированной линейной праформе угаритского). Главным критерием различения этих систем служит количество знаков, 22 в финикийском и 27—28 в линейном угаритском. В клинописном угаритском содержится 30 знаков, но три из них — дополнительные: 'i, 'u и 's. Знаки 'i, 'u — новообразования для обозначения разных гласных в сочетании с согласной '. Они выпадают из системы консонантного алфавита и были, вероятно, введены для обозначения начальной гласной в несемитских словах. Образцом для знаков послужил южносемитский (или протоалфавитный) знак ' "бык". Между собой эти знаки различаются лишь положением в строке. Неясны причины и источник заимствования знака 's (s_2) — буквы, которая в угаритском не имеет специфического значения и употребляется как дублет к знаку s. По форме она совпадает с южносемитским 's и финикийским s.

Количество знаков протосинайского неизвестно. Репертуар знаков позволяет предположить, что их не больше 22; эта гипотеза подтверждается и тем, что среди 16 отожд-

дествленных знаков нет ни одного, который не входил бы в краткий 22-значный алфавит. Звуки, существовавшие в семитских языках древней стадии, но не зафиксированные в финикийском письме, не отражены и в протосинайском. Но и этот аргумент не может считаться достаточно доказательным.

Таблица 6

Гипотетические знаки протосинайского письма
и их соответствия
в северносемитских алфавитах

Номер знака	ПС	Финик.	Угарит.	Угарит. лин.	Название	ПА	Значение
18	У	У	—		[<i>yaḏ</i> 'рука']	УУУ	y?
19	о	Ф	Д	Ф	<i>qof</i> 'ушко иглы'	Ф	q?
20	У	У	Д	Г	<i>waw</i> 'крюк'	У*	w?
21	Е	Э	Э	Е	<i>he</i> ?	Е*	h?
22	Л	А	У	Г	<i>gaml</i> 'верблюд'	А	g?

Разница между финикийским и угаритским в тех знаках, которые сохранились в финикийском, очень невелика: звук *v* выражается в угаритском знаком *v*, как в южносемитском, а в финикийском — знаком *vank* 'рыба', который в южносемитском обозначает латеральный сибилант *ś*. В протосинайском из этих двух знаков встречается только знак "рыба", который, вероятно, и выражает обычный сибилант. Таким образом, в этом элементе протосинайская система совпадает с финикийской в отличие от угаритской.

Из известных знаков протосинайского некоторое различие между финикийским и угаритским можно проследить еще в знаке *h*: в угаритском этот знак отличается от знака *h*, обозначаемого специальной буквой, тогда как в финикийском звуки *h* и *h* слились, и знак *h* отражает как ПСем *h*, так и ПСем *h*. Таким образом, зная фонетическое значение ПС *h*, можно определить его сходство с финикийским или угаритским знаками.

Буква *h* (№ 13) встречается в девяти протосинайских надписях, но в трех случаях чтение ненадежно (№ 6 = 350, № 8 = 352, № 10 = 354), а еще в трех случаях контекст неясен и нельзя надежно выделить слово (№ 5 = 349, № 18 = 363 и № 24). Правда, в № 5 = 349 В.Олбрайт и А.Ван ден Бранден одинаково выделяют слово '*hn*' (в их чтении '*hn*'),

но толкуют его по-разному /Albright, 1966, с.18; Van den Branden, 1979, с.195–197/, поэтому оно кажется сомнительным. Лишь в трех надписях выделяется слово, всегда одно — 'rht (№ 9 = 353, № 20 = 365, № 23 = 375), которое восходит к ПСем 'rht 'телка' /Fronzaroli, 1969, с.21, 30; Albright, 1966, с.38/. Оно, несомненно, является эпитетом богини — "Телица", параллельным известному "Ба'алат" — "Госпожа".

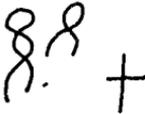
№ 9 = 353	№ 20 = 365	№ 23 = 375
		
		
		
		

Рис. 5
Слово 'rht в ПС надписях

Таким образом выясняется, что протосинайский знак № 13 выражает звуки h/h_2 , как и финик. h .

Во всех случаях расхождения угаритского и финикийского письма протосинайский алфавит следует финикийскому. По существу, это вариант финикийского алфавита в 22 знака, отличающийся от него только внешней формой и манерой написания знаков, а не по системным признакам.

Возникновение финикийского алфавита обычно датируется XIII–XII вв. до н.э., тогда как протосинайские надписи относят к XV, XVII и даже XIX вв. до н.э. Такие датировки не казались странными, пока протосинайское письмо рассматривали как полный алфавит, имеющий знаки для всех прасемитских фонем, однако они становятся очень подозрительными, если перед нами краткий алфавит в 22–23 знака. Действительно, слияние произношения согласных и исчезновение ряда фонем в северо-западных семитских языках относится к XIV–XIII вв. до н.э.: этот процесс прямо засвидетельствован угаритскими письменными памятниками. В других семитских языках (кроме аккадского, который здесь можно не учитывать) этот процесс проходит

значительно позже. Поэтому даже для XV в. до н.э. маловероятно существование семитского языка, уже утерявшего ряд согласных из первоначальной общесемитской консонантной системы (см. /Дьяконов, 1966, с.367/) и соответствующего такому языку краткого алфавита. Это заставляет остановиться на датировке протосинайских надписей.

Непосредственно раскопки на Синае не дали надежного материала для датировки протосинайских надписей. Ни один из текстов не был найден в датируемом археологическом слое или в комплексе с предметами, время появления которых можно точно установить. Поэтому протосинайские надписи по существу датируются по египетским надписям или вещам, найденным на Синае.

Материалы раскопок рудников Синая и египетские надписи из них позволяют выделить три периода присутствия египтян в районе этих рудников: в XIX в., затем в XVII и в XV—XIV вв. до н.э. /Van den Branden, 1979, с.155—159/. К каждому из них и относили протосинайские надписи, однако все аргументы, основывавшиеся на связи того или иного египетского памятника с определенной протосинайской надписью, оказывались в конечном итоге сомнительными /Van den Branden, 1979, с.159—164/.

Уже А.Гардинер установил, что египетские надписи, найденные на Синае, никак не связаны с протосинайскими надписями на тех же предметах (см. ниже). Протосинайские надписи, вероятнее всего, появились в результате вторичного использования этих предметов, которое стало возможным, когда они потеряли свое культовое или иное значение, т.е. тогда, когда рудники на Синае были оставлены египтянами и находились в заброшенном состоянии. Это очевидно, когда речь идет о сфинксах, египетских культовых памятниках, найденных в храме Хатхор: при египтянах такое действие несомненно рассматривалось бы как осквернение культового объекта.

А.Ван ден Бранден отмечает еще один характерный факт: протосинайские надписи были обнаружены рядом с теми рудниками, около которых отсутствуют египетские надписи /Van den Branden, 1979, с.159/ — и делает из этого вывод, что одновременно с египетскими рудниками существовали и рудники, принадлежавшие местному семитскому населению. Однако вероятнее, что местное население начало самостоятельную разработку рудников только после того, как они были оставлены египтянами, т.е. в XIII в. до н.э. Именно в этот период и появились протосинайские надписи, высекавшиеся на скалах близ рудников, на сфинксах, оставленных египтянами, на незаполненных стелах и на камнях близ заброшенного египетского храма. Из всего этого следует, что протосинайские надписи, найденные в Серабит ал-Кадем, следует датировать XIII—XII вв. до н.э.

Вряд ли заслуживает серьезного внимания идея о том, что протосинайское письмо было изобретено рабами-сеμίтами, работавшими в рудниках, или даже служителями хра-

ма Хатхор /Van den Branden, 1979, с.168–169/. Находки протосинайских надписей в Гезере, Лахеше и Сихеме показывают, что это письмо было распространено в Палестине, Финикии и Сирии. Правда, надписи из Палестины также обычно датируются первой половиной II тысячелетия до н.э. /Albright, 1966, с.10; Van den Branden, 1979, с.234–237/, но это, как правило, определяется палеографией текстов, т.е. прямо зависит от принятой датировки протосинайского письма, и поэтому крайне ненадежно (см., например /Sznycer, 1977, с.93/). Так, бронзовый кинжал из Лахеша обычно датируют 1600–1550 гг. до н.э., но параллельный археологический материал оружия, кинжалов и наконечников копий с вавилонскими, египетскими, финикийскими и угаритскими надписями заставляет относить его к XII–XI вв., не ранее XIII в. до н.э. (см. ниже).

Протосинайское письмо было, несомненно, создано в одном из крупных городов Ближнего Востока; внешняя форма письма свидетельствует о сильном египетском влиянии, о стилизации букв под египетские иероглифы и заставляет думать об одном из портовых городов, тесно связанных с Египтом (например, о Газе) и, вероятно, о времени наибольшего египетского влияния, т.е. о XIII–XII вв. до н.э.

Но в этот период уже существовал и финикийский алфавит, причем в форме, достаточно близкой к классическому письму финикийских надписей из Библа X в. до н.э., как это показывает остракон из Избет-Сарта, датируемый примерно 1200 г. до н.э. /Kohavi, 1977, с.1–13/. Протосинайское письмо представляет собой вариант финикийского алфавита, стилизованный под египетское иероглифическое письмо, подобно тому как угаритский алфавит является вариантом линейного северносемитского алфавита, переведенным в клинописную графику. В истории семитского консонантного алфавита оно выступает как один из вариантов краткого алфавита в 22 знака наряду с финикийским и кратким клинописным алфавитом (о нем см. /Herdner, 1948, с.165–168; Bordreuil, 1981, с.301–310; Puech, 1986, с.197–213; Лундин, 1989а, с.144–149/).

Различия между финикийским и протосинайским невелики и, кажется, не затрагивают структурных элементов системы: количества знаков, алфавитного порядка и названий знаков. Они ограничиваются лишь внешней разницей в форме знаков. Это позволяет рассматривать протосинайское и финикийское письмо как разные пошибы (почерка) одной алфавитной системы — краткого северносемитского консонантного алфавита.

Протосинайские надписи высечены на камнях; лишь одна надпись сделана на бронзовом кинжале и одна — на глиняном сосуде (остракон из Гезера). Напротив, ранние финикийские памятники представляют собой в основном остраконы, исключая лишь наконечники копий. Видимо, два пошиба краткого северносемитского алфавита можно охарактеризовать как функциональные, предназначенные для разно-

го писчего материала и разных целей. Финикийское письмо — бытовое, с тенденцией к беглости и удобству написания знаков, протосинайское — монументальное, со стремлением к четкости и красоте знаков.

Краткий клинописный алфавит недостаточно исследован и, возможно, имеет и структурные отличия от финикийского и протосинайского. Но и его можно, вероятно, охарактеризовать как один из почерков краткого северносемитского алфавита, приспособленный для письма на глиняных табличках и возникший под влиянием клинописной культуры. Все три пошиба существовали параллельно (в Лахеше засвидетельствованы как финикийские, так и протосинайские тексты) в условиях взаимодействия и взаимовлияния, хотя, вероятно, в некоторых местах выделялись свои излюбленные, наиболее распространенные пошибы (как, например, клинописный в Угарите). Этим объясняется и нечеткость в их функциональном употреблении, применение финикийского и краткого клинописного для надписей на бронзе, а в X в. и применение финикийского как монументального для торжественных надписей на камне (надпись на саркофаге Ахирама из Библа).

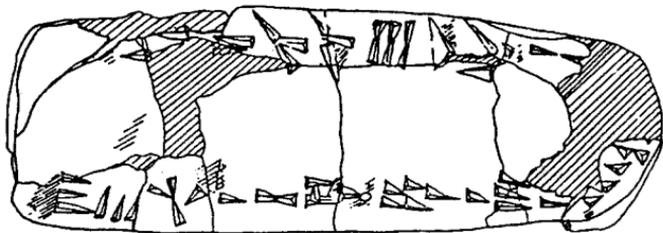

Рис. 6
Табличка из Бет-Шемеша
с записью краткого клинописного алфавита
(XIII в. до н.э.)

Установив несомненное и близкое родство финикийского и протосинайского письма, можно определить значение всех протосинайских букв, включая и гипотетические (т.е. практически надежно не засвидетельствованные в имеющихся памятниках). При различных значениях одного и того же знака в северносемитском и южносемитском вероятно выбрать значение северносемитского.

Полное совпадение форм обнаруживается в следующих знаках: t (№ 15), q (№ 19), w (№ 20), h (№ 21) и g (№ 22) (см. табл. 5, 6). Некоторые сложности возникают лишь с двумя знаками, № 11 и 18. Знак № 18 совпадает по форме с протоалфавитным k , с той его формой, которая изображает руку с растопыренными пальцами и сохранилась в южносемитском; она встречается и в финикийских надписях, но лишь с IX в. до н.э. (например, надпись Меши), а также в остраконе из Избет-Сарта. Но в протосинайском хорошо засвидетель-

ствована другая форма *k*, знак № 12 "ладонь". Поэтому возникает предположение, что дублетная форма протоалфавитного *k*, рука с растопыренными пальцами, получила в протосинайском иное истолкование, просто "рука", и соответственно иное фонетическое значение, *y*. Это предположение можно подтвердить и тем, что знак *yad* "рука" в ранних алфавитах был довольно неустойчив: в южносемитском он имел форму вытянутой руки, сжатой в кулак, а в северносемитском — руки, согнутой в локте. Так же неустойчив был и знак *k* "ладонь": в некоторых вариантах финикийского он изображался как ладонь, в других — как рука с растопыренными пальцами. Вполне вероятно существование еще одного локального варианта, послужившего исходной формой для протосинайского, где знак *k* изображался как ладонь (*kapp*), а знак *y* — как рука с растопыренными пальцами (*yad*).

Остается один не отождествленный знак, № 11, и одна не определенная буква финикийского алфавита — ξ — *šade* (значение названия неизвестно). Методом исключения знак № 11 можно определить как ξ , по форме сходный с южносемитским ξ , но не совпадающий с финикийской и угаритской формами (см. табл. 5) (о букве ξ см. /Лундин, 1984, с. 53 — 55/). Такой случай сходства протосинайского знака с южносемитским при общей близости протосинайского и северносемитской ветви еще раз подтверждает происхождение обеих ветвей от общего предка, протоалфавита.

Таким образом удается установить полный состав протосинайского консонантного алфавита в 22 буквы, хотя пять букв остаются сомнительными, так как они недостаточно надежно засвидетельствованы в имеющихся текстах (гипотетические знаки № 18 — 22). Для них, а также для знака № 15 возможны еще три-четыре альтернативных отождествления, например, в том случае, если еще какой-нибудь знак следует южносемитскому, а не северносемитскому прототипу. Такие неточности, однако, уже не составляют предмета дешифровки письма и будут постепенно устраняться в ходе интерпретации текстов.

Дешифровка письменности и интерпретация текстов — различные, хотя и тесно связанные между собой процедуры. Как правило, дешифровка должна предшествовать интерпретации, однако обычно они проводятся параллельно, хотя в принципе возможна и обратная последовательность. Эту возможность лучше всего демонстрирует история изучения протосинайских текстов, где последовательные неудачи дешифровки сопровождались значительным, хотя и очень постепенным, прогрессом в чтении текстов. Так, уже А. Гардинер при явной ошибочности исходного положения дешифровки (происхождение протосинайских знаков из египетских иероглифов) правильно интерпретировал слово *b'lt* 'госпожа' как имя местной богини, соответствующей египетской Хатхор. Даже явно фантастическая дешифровка Х. Гримме способствовала успешной интерпретации ряда текстов /Рускманс, 1927, с. 201 — 204/. При всей ненадежности, методи-

ческой и логической непоследовательности их дешифровок В.Олбрайт и А.Ван ден Бранден способствовали продвижению в интерпретации надписей. Особенно велика здесь заслуга А.Ван ден Брандена. Если В.Олбрайт в 1966 г. писал о "девяти знаках (\dot{b} , \dot{h} , \dot{l} , \dot{m} , \dot{n} , \dot{r} , \dot{t}), значения которых довольно очевидны и общеприняты" /Albright, 1966, с.31/, и при этом ошибался лишь в чтении одного из них, № 11 (и сам правильно интерпретировал 11 букв), то А.Ван ден Бранден правильно читал уже 14 знаков /Van den Branden, 1979, с.174/ и ряд формул, хотя точные значения последних еще остаются спорными (во многом это зависит от состояния текста: его фрагментарности, отсутствия словоразделителей и ненадежности словоделения и т.п.).

Разделяя дешифровку письменности и интерпретацию текстов, следует подчеркнуть исключительные трудности, которые ставит перед исследователем явно недостаточное количество известных протосинайских надписей. Скажем лишь, что известен только один полный и неповрежденный текст — надпись на бронзовом кинжале из Лахиса (№ 27), но в ней всего четыре буквы. Остальные тексты либо фрагментарны и неполны, либо повреждены и плохо читаются, либо, наконец, известны лишь по недостаточно ясным фотографиям или только по прорисовкам. Большей частью эти сложности сочетаются.

В таких случаях можно предложить интерпретацию надписи, но почти невозможно найти и привести доказательства ее правильности. Примером может послужить надпись № 21 = 367 — стела с краткой надписью в шесть знаков, содержащая собственное имя с компонентом $b'l$; В.Олбрайт читал его $y\dot{h}nb'l$ /Albright, 1966, с.27/; более правильное чтение предложил А.Ван ден Бранден — $g\dot{c}nb'l$ /Van den Branden, 1979, с.174/, однако первый знак, № 22, можно рассматривать и как вариант знака № 16 и читать надпись $p\dot{c}nb'l$. Оба чтения одинаково возможны. Однако случаи, когда невозможно убедительная интерпретация надписи, достаточно часты и с текстами, выполненными известным письмом на хорошо знакомом языке.

Поскольку предлагаемая дешифровка сознательно проводилась в отрыве от материала надписей и результатов интерпретации текстов, чтение текстов может послужить независимым критерием для ее оценки. В настоящее время, когда установлено фонетическое значение и форма 17 знаков (сомнительное лишь для двух, № 11 и 15), и предложена гипотетическая реконструкция остальных пяти букв, возможен, видимо, и некоторый прогресс в чтении и понимании текстов. Однако для этого требуется специальное эпиграфическое исследование, отвечающее современным методическим требованиям, и прежде всего тщательная проверка чтения каждой надписи по подлиннику, *in situ* или в музеях, и публикация надежных воспроизведений. Лишь уверенно читаемый и полный, не сегментированный текст достаточного объема может дать внутренние критерии для убедительной проверки предложенной дешифровки.

ГЛАВА 3

НАДПИСИ

Протосинайские надписи фрагментарны и плохо сохранились, поэтому еще несколько лет назад попытки их чтения представлялись бесперспективными /Sznycer, 1972, с.91; Лундин, 1983, с.81/. Однако опыт показал, что дешифровка, не подкрепленная чтением текстов, не может считаться завершенной и сколько-нибудь убедительной. Это объясняет необходимость сопроводить ее интерпретацией хотя бы нескольких надписей.

Обязательным условием для интерпретации протосинайских текстов является непосредственное знакомство с надписями; однако по ряду причин этот путь исследования остался недоступным автору, вынужденному базироваться на имеющихся опубликованных воспроизведениях и прорисовках. В этих условиях первостепенное значение приобрел поиск целых, неповрежденных надписей.

Известно, что сегментированный (фрагментарный) текст не может служить базой для интерпретации. Такой текст зачастую допускает самые разные равновероятные толкования, даже если он сделан известным письмом и на знакомом языке. Об этом хорошо знает каждый специалист, имевший дело с эпиграфическими памятниками, и примеры могут быть приведены из любой области эпиграфики. Назовем хотя бы известную финикийскую надпись из Норы на о-ве Сардиния, обнаруженную больше 100 лет назад, но до сих пор не получившую надежной интерпретации.

Напротив, целая, неповрежденная надпись представляет собой законченный, заверченный текст. В нем должен заключаться весь ее смысл и он должен быть понятен "из самого себя", без каких-либо дополнений и пояснений. Только такой текст и может послужить основой для дешифровки.

При попытках чтения протосинайских надписей многие тексты рассматривались как полные (см., например /Albright, 1966, № 345, 346, 350, 357 и т.д.; Van den Branden, 1979, № 345, 346, 348, 351 и т.д./). Однако все их толкования весьма сомнительны: достаточно сказать, что надпись № 350 Олбрайт рассматривает как полную, а Ван ден Бранден — как фрагментарную, а надпись № 348, наоборот, Ван ден Бранден — как полную, а Олбрайт — как фрагментарную. Во всех таких текстах предполагаются лакуны, восстановленные знаки и слова. Иногда в один

текст объединялись разные надписи (см. ниже). Да и сами толкования были настолько разноречивы и неясны, что не давали даже представления об общем характере и содержании надписей (ср. /Garbini, 1980, с.14—19; Puech, 1986, с.187—197/). При этом в протосинайских надписях не было обнаружено ни одного текста, совпадающего хотя бы в самых общих чертах с каким-нибудь типом надписей, известным в семитской эпиграфике.

Лишь одну из надписей, найденных на Синае, можно было считать полной: № 367, содержащую одно собственное имя; однако и такой текст не может служить базой для дешифровки.

Поскольку дешифровка письма еще нуждается в подтверждении, выделение полных надписей можно было проводить лишь по внешним признакам: характеру письма, состоянию памятника, его сохранности, наличию или отсутствию сколов на поверхности камня, по размещению текста и т.п. Важным критерием явилась палеография надписей: в нескольких случаях выяснилось, что предполагаемые варианты в написании знаков или их положении в строке объясняются тем, что знаки принадлежат к разным надписям, расположенным на одном памятнике или участке скалы в непосредственной близости друг от друга.

В такой работе особенно необходимы надежные воспроизведения надписей; я рад выразить здесь свою благодарность проф. А. Ван ден Брандену за любезную помощь в получении необходимых фотографий.

По внешним признакам бесспорно полным является лишь один текст из Палестины, надпись на бронзовом кинжале из Лахиша; с него и начинается интерпретация надписей. Позднее публикация новых воспроизведений позволила выделить полный текст в комплексе надписей № 357. В свою очередь выявление таких комплексов позволило, кажется, обнаружить полную законченную надпись и в комплексе № 346.

Публикуемые тексты отражают лишь начало долгой и кропотливой работы по интерпретации протосинайских надписей; их чтения носят в значительной мере предварительный характер. Главной задачей автора было показать принципиальную возможность чтения надписей и тем самым подтвердить выводы дешифровки независимым материалом.

Надпись на кинжале из Лахиша

Бронзовый кинжал, найденный при раскопках в Лахише в 1934 г., привлек всеобщее внимание, когда при его очистке была выявлена краткая надпись на лезвии, состоящая из четырех знаков. Сенсационность находки характеризует тот факт, что первая публикация была сделана А.Гардинером в лондонской газете "Таймс" 16 июля 1937 г.

Внимание привлекли ранняя датировка памятника (между 1700 и 1550 гг. до н.э.), которая делала надпись едва ли не древнейшим памятником алфавитной письменности, каллиграфический характер письма, хорошая сохранность и явная завершенность текста, обеспечивавшие возможность его прочтения, и сходство знаков со знаками известных алфавитов. Поэтому надпись стала предметом многочисленных исследований (библиографию см. /Driver, 1948, с.198/, см. также /Leibovitch, 1938, с.19—27; Van den Branden, 1960, с.220; 1979, с.235—236; Albright, 1966, с.10/). Она привлекается во всех общих работах по истории алфавита как образец "протоханаанского" или протосинайского письма /Driver, 1948, с.98 и табл.39; Garbini, 1979, с.88 и примеч.16; Дирингер, 1963, с.251—254 и рис.127; Фридрих, 1979, с.98 и рис.91/.

Однако история безрезультатных дешифровок протосинайского письма повторилась и в изучении надписи на кинжале. Многочисленные попытки интерпретации текста не принесли существенных результатов, и последнее по времени чтение А. Ван ден Брандена (*grm* — имя собственное; четвертый знак автор толкует как *vasm-tamgu* /Van den Branden, 1979, с.236/) вряд ли можно считать более точным и обоснованным, чем первое чтение А. Гардинера (*d/grmt* — имя собственное) (сводку чтений см. /Driver, 1948, с.98/). Это объясняется тем, что все исследователи ограничивались толкованием надписи, не уделяя внимания самому памятнику, а при интерпретации знаков руководствовались их сходством со случайно подобранными знаками финикийского или южносемитского алфавитов или даже с египетскими иероглифами. Между тем лишь комплексное исследование как памятника, так и надписи с привлечением всего имеющегося сравнительного материала может дать надежный результат даже вне зависимости от общей дешифровки протосинайского письма /если рассматривать эту надпись как образец "протоханаанского" письма, но ср. /Лундин, 1982, с.19/).

Раскопки в Лахисе обнаружили несколько памятников алфавитного письма II тысячелетия до н.э. Они датируются временем от XVII до XIII вв. до н.э., но обычно не по археологическим, а по палеографическим данным, что делает эти датировки крайне ненадежными (см. /Szymer, 1977, с.92/). Эти памятники обнаруживают сходство как с финикийскими, так и с протосинайскими надписями и обычно выделяются как памятники особого "протоханаанского" письма. Это обстоятельство позволяет определить надпись на кинжале, как исполненную одним из вариантов раннего семитского консонантного письма и интерпретировать ее, сравнив со всеми известными разновидностями этого письма, в первую очередь с финикийским, южносемитским и угаритским.

Сам кинжал имеет простую и нехарактерную форму, которая не дает возможности точной хронологической или

географической атрибуции. Только черенок позволяет определить, что это не наконечник копья, а кинжал. Однако как надписное оружие он имеет многочисленные и примечательные параллели, что позволяет уточнить датировку памятника и установить вероятный смысл надписи (см. вклейку, рис.6).

Надписное оружие было широко распространено на Ближнем Востоке, от Египта до Ирана, на протяжении всего II тысячелетия до н.э. Наиболее многочисленные образцы известны по находкам луристанских бронз: более 30 кинжалов и еще большее количество наконечников стрел и копий. Все они происходят из Месопотамии и надписаны именами вавилонских царей Адад-шум-уцура, Набу-кудурри-уцура, Мардук-надин-аххе и других, эламского царя Шилхак-Иншушинака, а также именами представителей вавилонской знати /Nagel, 1960, с.95—104; Dossin, 1962, с.144—164, табл. XIII—XXXIV/. Такое оружие существовало очень долгое время, начиная с Нарамсина (XXIII в. до н.э.), однако подавляющее большинство памятников относится к XII—X вв. до н.э.

Надписи на оружии иногда носили вотивный характер, но в большинстве случаев были составлены как владельческие: *ša N 'принадлежит такому-то'*. По-видимому, это было парадное или наградное оружие, вручавшееся от имени царей или вельмож. Предполагают, что послы вавилонских и эламских царей преподносили это оружие местным вождям Луристана, снабжая его надписями на месте /Calmeyer, 1969, с.3/, чем и объясняется массовый характер находок. По другому предположению, надписное оружие принадлежало луристанским наемникам на службе вавилонских и эламских царей /Алексин, Курочкин, 1972, с.29/.

Такой же характер наградного имело, вероятно, и египетское оружие с картушами фараонов; особо отметим бронзовый кинжал с именем фараона Мернептах (XIII в. до н.э.), найденный в Угарите /Ugaritica III, 1956, с.169—178, табл. VIII/.

Из Вавилонии или Египта обычай надписывать оружие проник в Сирию и Палестину, где получил широкое распространение в конце II тысячелетия до н.э. Существует множество наконечников стрел и копий с финикийскими надписями, датируемыми XII—X вв. до н.э. /Milik, 1961, с.103—108; Cross-Milik, 1954, с.5—15; Martin, 1962, с.175—197; Гельцер, 1963, с.7—20; 1967, с.129—130; Sznycer, 1977, с.92/ (к настоящему времени известно уже 20 таких надписей /Starky, 1982, с.179—186; Bordreuil, 1982, с.187—191/). Особый интерес для нашего исследования, как ближайшая параллель к кинжалу из Лахиша, представляет бронзовый кинжал с надписью клинописным алфавитным письмом, найденный на горе Тавор в Палестине /Herdner, 1948, с.165—168; Гельцер, 1963, с.14, примеч. 31; Puesch, 1986, с.206/ и датируемый примерно 1200 г. до н.э. (см. рис.7).

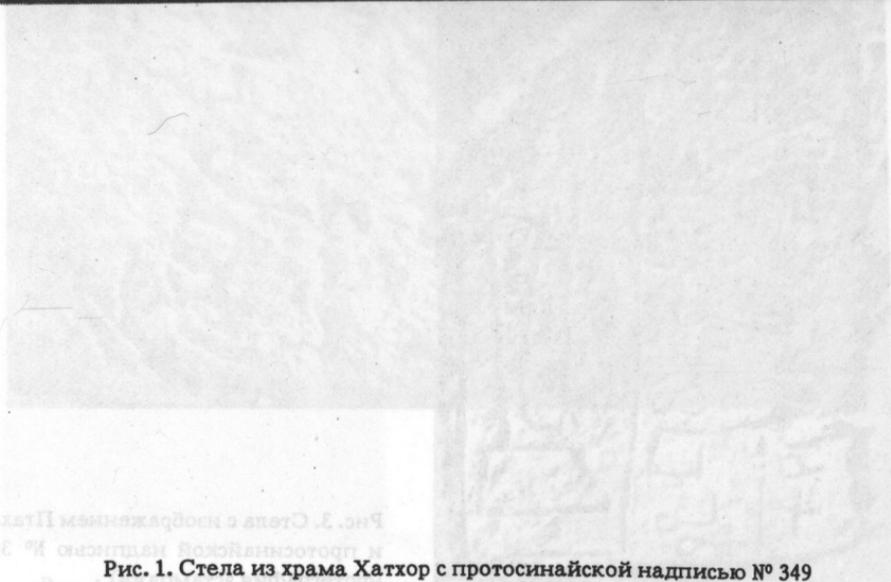
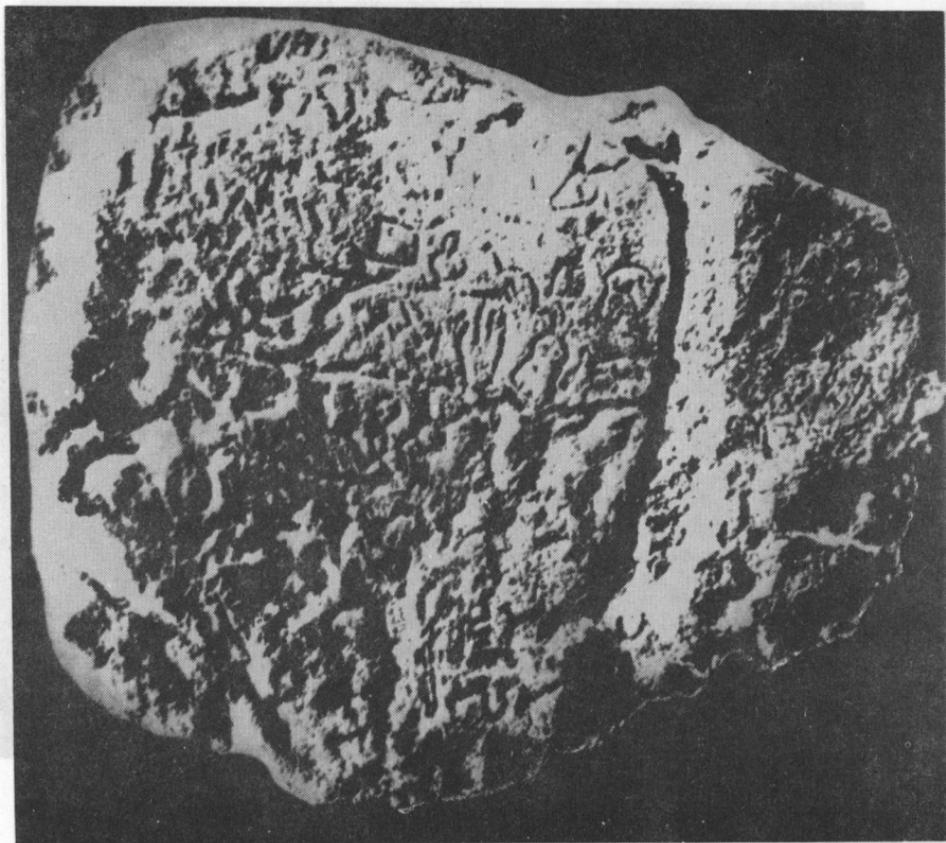

Рис. 1. Стела из храма Хатхор с протосинайской надписью № 349

Рис. 2. Алан Гардинер

Рис. 3. Стела с изображением Птаха и протосинайской надписью № 351 (фотография эстампажа)

Рис. 4. Стела с протосинайской надписью № 353 (фотография эстампажа)

Рис. 5. Остракон из Гезера с протосинайской надписью

Рис. 6. Бронзовый кинжал из Лахиша с протосинайской надписью

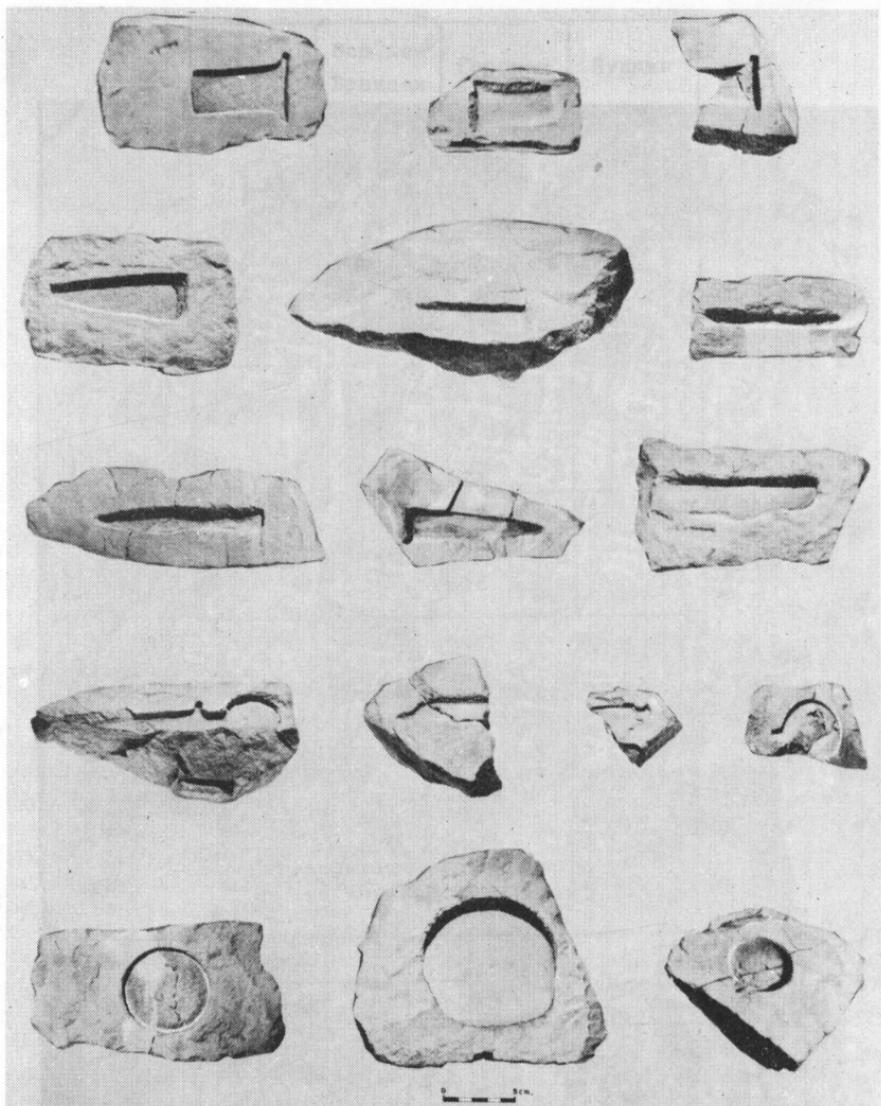

Рис. 7. Статуэтка из храма Хатхор с протосинайской надписью № 346

Рис. 8. Статуэтка из храма Хатхор с протосинайской надписью № 347

Рис. 8. Сфинкс с протосинайской надписью № 347

Т	З	Т?	У	Т	Σ	=	зр/здрт 'олва'
---	---	----	---	---	---	---	-------------------

Рис. 9. Литейные формы, найденные при раскопках рудника "Л".

Рис. 10. Наскальные набатейские граффити Синая

Драйвер	Ван ден Бранден	Гарбини	Лундин
IP	IB	IP	U
F	†	F	F

Рис. 8
Прорисовки надписи
на кинжале из Лахиса

Таблица 7

Интерпретация знаков надписи
на кинжале из Лахиса

Знак на кинжале	Финик.		Угарит.		Юж.- сем.	ПС	Название буквы
	кл.	И.-С.	кл.	лин.			
					1		<i>lamd</i> 'посох'
)		<i>ra'š</i> 'голова'
					4		<i>nin/naḥas</i> 'змея'
F	Z	†?	†	F	∂	=	<i>zay/zayt</i> 'олива'

Первый знак, каким его увидели все исследователи, не встречается ни в одной из известных систем алфавитного письма, так же как и в других памятниках протосинайского или протоханаанского. Это заставляет предположить ошибку чтения. Действительно, фотография кинжала (см. вклейку, рис.6) показывает, что две вертикальные черты (см. рис.8) отличаются по своей фактуре от плавной овальной линии знака и, несомненно, представляют собой позднейшие царапины на лезвии. Плавная линия, выполненная техникой чеканки, продолжается влево за эти черты. По форме знак очень близок к букве *l* в архаических памятниках финикийского письма, особенно на остраконе из Избет-Сарта (см. рис.4) /Kohavi, 1977, с.1-13; Demsky, 1977, с.14-27; Garbini, 1978, с.287-295/ или на ручке сосуда из Радданы /Cross-Freedman, 1971, с.19-22/.

Это, несомненно, схематическое изображение пастушеского посоха (*lamd*) — несколько эволюционировавшая форма с укороченной длинной хостой, достаточно близкая к форме *l* в финикийском, угаритском, южносемитском и протосинайском алфавитах.

Второй знак — четкий рисунок головы (*ra's*), наиболее близкий к форме буквы в протосинайском письме. В финикийском и угаритском этот рисунок более схематичен, а южносемитский знак *r* восходит к другому рисунку — "нога" (*ragl*) /Лундин, 1982, с.27; Lundin, 1985, с.241-243/.

Третий знак — столь же четкий рисунок змеи (*nun/nahas*), изображенный, как и в протосинайских надписях, с ясным выделением головы. В других консонантных алфавитах II тысячелетия до н.э. этот знак более схематичен и передает лишь характерный изгиб тела (см. рис.8).

Четвертый знак представляет собой схематичное изображение дерева — оливы (*zay/zayt*). Наиболее близкая форма реконструируется для угаритского (принципы реконструкции линейных форм угаритского алфавита см. /Лундин, 1982, с.22-24; Lundin, 1987, с.91-97; Лундин, 1989а, с.137-141/, и, может быть, сохранилась в остраконе из Избет-Сарта: в пятой строке остракона, содержащей запись букв в алфавитном порядке, буква *z* написана иначе, но близкую форму можно найти в пятом знаке второй строки /Garbini, 1978, с.288, фиг.1/. В финикийском, южносемитском и протосинайском буква подверглась значительным графическим изменениям, но все формы легко возводятся к исходному схематическому рисунку дерева (оливы), см. рис.8, табл.7.

Таким образом, знаки надписи похожи на знаки всех семитских консонантных алфавитов II тысячелетия до н.э. и легко интерпретируются. Наиболее велико сходство с протосинайским письмом; полностью совпадают такие характерные буквы, как *r* и *n*. С протосинайским совпадает и общий рисуночный характер письма, что дает основание определить его как протосинайское, хотя и с некоторыми особенностями по сравнению с надписями Синая.

Можно отметить также значительное сходство с финикийским алфавитом, особенно с его архаическими памятниками XII—XI вв. до н.э., остраконом из Избет-Сарта и надписью на ручке сосуда из Радданы. Вертикальное направление письма также находит параллели в финикийских надписях на ручке сосуда из Радданы и на накoneчниках копий из ал-Хадра /Cross-Milik, 1954, с.5—15/.

Сам текст надписи не вызывает затруднений. Он гласит: *l'mz* 'принадлежит Арнузу'. В тексте выделяется "л принадлежностн", вводящий надпись, может быть, наиболее характерная особенность семитской эпиграфики, широко распространенная в самые разные эпохи на территориях от Карфагена до Йемена (см. /Jamme, 1970, с.15—16; Лундин, 1979, с.168—170/) во всех областях семитского культурного ареала. В Сирии и Палестине конца II тысячелетия до н.э. такие надписи также хорошо известны. Аналогично построена и надпись клинописным алфавитом на кинжале с горы Тавор в северной Палестине: *lšlb' l b(n) plšb' l* 'принадлежит Шлба 'алу, сыну Пилсиба 'ала' (см. /Puech, 1986, с.206/). Таким образом, наиболее близкий к исследуемому по времени и по типу памятник содержит и наиболее близкий по содержанию и характеру текст надписи.

Знаки *mz* должны передавать собственное имя. Такое имя не засвидетельствовано в семитской эпиграфике, да и корень *mz* отсутствует в семитских языках. Но в текстах из Нузи встречается частое хурритское имя *Arnuzi* — Арнузу, состоящее из двух хорошо известных элементов *ar-nuzi* 'дал /город/ Нузу'. В документах из Нузу упоминается более десятка лиц, носивших такое имя /Gelb a.o., 1932, с.31; Caussin-Glassner, 1977, с.30/. На почве хурритского языка возможны и другие толкования этого имени, *Арн-уззи* или *Ран-Уззи* (я пользуюсь случаем выразить благодарность И.М.Дьяконову за консультации по хурритским языкам и большую помощь при обсуждении этой работы). Написание *mz* для имени Арнузу, или Арнуззи, в семитском консонантном письме II тысячелетия является вполне естественным и даже единственно возможным, ибо это письмо не имело знаков для гласных и тем самым не могло передать гласный, начинающий слово.

Известно, что в Сирии и Палестине во второй половине II тысячелетия существовало значительное хурритское население. Тексты на хурритском языке найдены и в Угарите (см. /Хачикян, 1975, с.21; Шифман, 1987, с.31/). Жили хурриты и в других районах Сирии и Палестины. Надписной кинжал принадлежал, по-видимому, профессиональному воину, дружиннику одного из царьков Сирии или Палестины. Среди таких воинов часто встречались люди, утратившие связь с родиной и связавшие свою судьбу с судьбой удачливого военного предводителя /Mazar, 1963, с.310—320; Гельцер, 1963, с.18—19/. Это хорошо объясняет появление хурритского имени в надписи протосинайским письмом из Палестины.

Надпись на бронзовом кинжале из Лахиша — единственная протосинайская надпись, сохранившаяся целиком, без повреждений текста. Ее интерпретация имеет поэтому особое значение для дешифровки протосинайского письма. Результаты исследования надписи подтверждает предложенные ранее результаты дешифровки по двум важнейшим проблемам: датировке протосинайского письма XIII—XII вв. до н.э. и по установлению близкого родства протосинайского алфавита с финикийским.

Надпись № 357

Протосинайские надписи с Синайского п-ова все настолько фрагментарны, повреждены и плохо читаются, что их интерпретация представляется крайне трудной, если не безнадежной задачей. Практически ни одна из них не содержит полного и неповрежденного текста. Пожалуй, единственным исключением можно было считать надпись № 357, обнаруженную в Серабит ал-Кадем на скале у входа в рудник "Л". Хотя надежное воспроизведение текста до последнего времени не было опубликовано, по общему мнению всех исследователей, занимавшихся надписью /Leibovitch, 1940, с.101—102; Albright, 1966, с.23—23, фиг. 4; Van den Branden, 1979, с.211—213/, это довольно большой текст, начинающийся вертикальной строкой, переходящей затем в горизонтальную с направлением слева направо, насчитывающий 26—27 знаков и довольно хорошо читаемый. Прорисовки разных исследователей почти совпадают, различаясь лишь в двух-трех знаках (см. рис.9).

Таким образом, представлялось очевидным, что перед нами значительный непрерывный текст, хорошо читаемый, т.е. единственная протосинайская надпись достаточно большого объема для того, чтобы можно было надеяться на возможность надежной интерпретации. Все знаки текста даже при различии в их чтении у отдельных авторов представляли собой буквы, известные и по другим протосинайским надписям. Исключение составлял лишь крайний левый знак горизонтальной строки, неизвестный по другим текстам. Все исследователи воспроизводили этот знак одинаково, однако толковали его по-разному (В.Олбрайт как \check{y} , А.Ван ден Бранден — как q), хотя и не получали при этом убедительного чтения надписи.

Форма этого знака не находит параллелей в семитских консонантных алфавитах II тысячелетия до н.э. и в других протосинайских надписях, что позволяло предположить повреждение текста или ошибку чтения (см. выше). Однако отсутствие надежных фотографий мешало проверить такое предположение.

В последние годы интерес к протосинайским надписям резко возрос и было предпринято несколько обследований текстов. При каждом из них надписи № 357 уделялось большее внимание. В 1970 г. она была изучена экспедицией

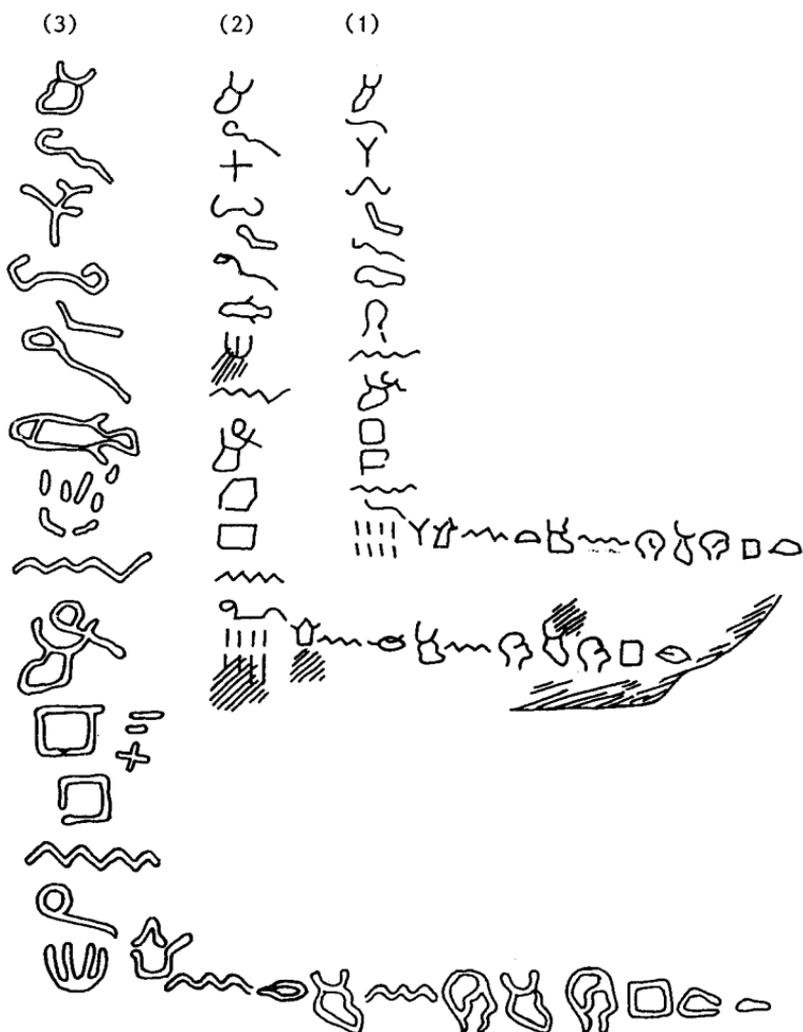

Рис.9
 Наскальная надпись № 357
 Прорисовки

(1) В.Олбрайта; (2) А.Ван ден Брандена; (3) А.Г.Луцдина

проф. Р.Гивеона (результаты были изданы А.Райни /Rainey, 1975, с.106—116/). Я пользуюсь случаем выразить благодарность проф. Ж.Рикмансу за возможность ознакомиться с этой работой (к сожалению, фотография надписи осталась мне недоступной). А.Райни значительно уточнил чтение вертикальной строки, но оставил без изменения чтение загадочного знака горизонтальной строки. В 1977—1978 гг. рудник "Л" посетила экспедиция Тель-Авивского универси-

тета, которая провела археологические раскопки и обследовала надпись (см. /Beit Arieה а.о., 1978, с.170—187; Beit Arieה, 1985, с.89—118/). Результаты обследования с двумя превосходными фотографиями были опубликованы И.Бейт Арие, что позволяет наконец проверить чтение текста /Beit Arieה, 1978, с.179—189, табл.48, 3; 49, 1/. Я пользуюсь случаем выразить признательность проф. Ван ден Брандену, благодаря любезности которого я смог ознакомиться не только с этой работой, но и с подлинной фотографией начала горизонтальной строки. В конце 1981 г. экспедицию в Серабит ал-Кадем предпринял также М.Дийкстра, изучавший надпись, по его словам, "в идеальных погодных условиях"; однако он дал не фотографии текста, а только прорисовку /Dijkstra, 1983, с.33—42/.

Новые исследования, включая и работу И.Бейт Арие, не дают полного чтения надписи, ограничиваясь лишь комментарием к отдельным словам и знакам (см. /Van den Branden, 1981, с.213—220; Rainey, 1982, с.92—94/. Загадочный знак они читают традиционно, лишь И.Бейт Арие добавляет еще линию под буквой; М.Дийкстра интерпретирует этот знак как египетский иероглиф "цветок лотоса" /Dijkstra, 1983, с.34/.

Между тем новые фотографии позволяют заново рассмотреть весь текст. Анализ фотографий показывает, что вертикальная и горизонтальная строки явно не составляют одного текста. Уже М.Дийкстра писал: "Честно признаться, мы не нашли никаких реальных свидетельств, что они /строки/ составляют единый текст" /Dijkstra, 1983, с.35/. Вертикальная строка уходит ниже горизонтальной, которая начинается на уровне предпоследнего знака вертикальной и на некотором расстоянии от нее; отчетливо видна и палеографическая разница двух надписей. Так, буква ' ("голова быка") в вертикальной строке повернута влево, а в горизонтальной — вправо, и знаки несколько различаются по форме (см. рис.10).

Буква *m* ("вода") в вертикальной надписи имеет четыре зубца неравной величины, в горизонтальной — три строго симметричных зубца. Буква *b* ("дом") в вертикальном тексте большого размера, такого же, как ', а в горизонтальном — значительно меньше ' и равна по размеру другим знакам. Горизонтальная надпись отличается более уверенным почерком и каллиграфичностью письма (ср. /Dijkstra, 1983, с.35/) со строго выраженной линией строки и одинаковым размером знаков. Письмо достигает подлинного изящества в буквах *r*, *m*, '.

Таким образом, выделяются по крайней мере две надписи, вертикальная № 357а и горизонтальная № 357б, высеченные разной рукой и одновременно и, вероятно, не связанные между собой. Каждая из них должна быть прочтена отдельно.

И.Бейт Арие заметил также справа от вертикального текста на уровне 12-го знака две буквы значительно меньшего размера, также написанные вертикально (см. также

/Rainey, 1982, с.93/). М.Дийкстра также выделяет эти буквы и следы третьего знака, частично перекрытого сверху буквой вертикального текста. Он полагает, что это следы старой надписи, почти полностью уничтоженной при написании вертикальной строки /Dijkstra, 1983, с.33/.

Знак	357a	357б
,		
m		
b		

Рис.10
Палеография надписей № 357а и № 357б

Таким образом, на скале у входа в рудник "Л" находится не одна надпись № 357, а комплекс, состоящий по крайней мере из трех надписей: вертикальной надписи № 357а, не связанной с ней горизонтальной № 357б и фрагмента справа от вертикальной строки, № 357в. Из них лишь № 357а представляет собой целую надпись, состоящую из 16 знаков. Хотя такой объем текста теоретически и не является достаточным для надежной интерпретации, однако его цельность и сохранность позволяют, тем не менее, попытаться дать его толкование. Это тем более важно, что надпись № 357а является практически первой полной протосинайской надписью из Серабит ал-Кадем.

Надпись № 357а

Текст написан вертикально и насчитывает 16 знаков. По-видимому, сохранился целиком. Надпись читается довольно хорошо, хотя имеются разногласия в чтении знаков № 3, 8, 15 и 16 (фотографию см. /Van den Branden, 1981, с.217, фиг.22; Sass, 1988, фиг. 60-62/).

Знак № 3: Олбрайт и Райни интерпретирует его как "крест", Ван ден Бранден — как "двузубец" (по его мнению, это ω), Бейт Арье и Дийкстра видят следующую фигуру: крест с раздвоением на конце вертикальной линии

и толкуют ее как "крест" /Beit Arieה, 1978, с.179; Dijkstra, 1983, с.34/. На фотографии четко виден знак "трезубец", известный также в надписи № 364 и с сомнительными чтениями в № 352, 365, 374. Этот знак мы относили к числу "гипотетических" и сравнивали его с одним из вариантов знака "рука" или "ладонь" семитских консонантных алфавитов с предположительным значением *y* (см. выше табл.6).

Знак № 5 — "нога" — Олбрайт и Райни интерпретируют как *p*, Ван ден Бранден — как *g*; в нашей интерпретации — *p*.

Знак № 7 — "рыба" — Олбрайт, Райни и Дийкстра интерпретируют как *d* (об этой интерпретации см. /Lundin, 1985, с. 138/; см. также выше), а Ван ден Бранден — как *s*; в нашей интерпретации — *s*.

Знак № 8 — по Олбрайту, это "трехпалая кисть руки, ладонь"; по Ван ден Брандену, знак "голова"; Райни определил его как "четырепалую кисть руки"; это чтение подтверждают Бейт Арие и Дийкстра.

Знак № 15. Долгое время он трактовался как "змея", но Бейт Арие предложил видеть здесь знак "посох"; то же чтение дает и Дийкстра. Буква очень схожа со знаком № 10 — "посох".

Знак № 16. Райни первым определил знак как "четырепалую кисть руки"; то же чтение дают Бейт Арие и Дийкстра. Оно подтверждается и фотографией текста.

Таким образом, все знаки известны и по другим надписям; в соответствии с их чтениями, предложенными нами ранее, надпись следует читать: *'nyšpnskml' bmlk*.

При отсутствии словоразделителей и пробелов между словами разбивка текста затруднена и требует самостоятельного рассмотрения.

В начале текста выделяются знаки 'n. Такая группа знаков встречается в начале надписи в четырех текстах, № 349, 1; 350, 1; 356, 1; 357, 1 и еще один раз — в начале строки, № 374, 3, может быть, также представляющей самостоятельную надпись (Чтения текстов даются по Ван ден Брандену. Олбрайт читает 'n лишь в трех надписях, всюду — в слове 'nt: № 349, 357, 374, но в двух последних случаях чтение не подтверждается.) Следующий после сочетания 'n знак не всегда уверенно читается, можно отметить, что во всех случаях он разный. Это позволяет выделить 'n как отдельное слово, начинающее надпись. Более того, это слово в начале текста можно рассматривать как характерную особенность формуляра протосинайских надписей.

В дальнейшем тексте наиболее вероятно выделение трехбуквенного комплекса *yšp*, образующего хорошо известный семитский корень: др.-евр. *yšp*, юж.-арав. *wšf* 'прибавлять', 'увеличивать' /Koehler-Baumgartner, 1958, с.386—387; Beeston a.o., 1982, с.164/. Далее следует столь же известный корень *nsk* 'лить', 'наливать (жертвенные жидкости, металл)' /Koehler-Baumgartner, 1958, с.620;

Aistleitner, 1963, с.206–207/. Следующие три буквы – *ml'* – также образуют хорошо узнаваемый семитский корень со значением 'наполнять', но при таком словоделении становится крайне сложной осмысленная разбивка на слова дальнейшего текста. Действительно, в конце текста выделяются корни *mlk* и предшествующий ему '*bb*'. Остаются неясными два знака – *m* и *l*.

В букве *l* наиболее естественно видеть грамматическую частицу: предлог, частицу принадлежности, частицу утверждения или понуждения со значением 'пусть'. Тогда *m* также следует рассматривать как грамматический формант, относящийся к предыдущему слову (*nsk-m*), т.е. как именной показатель определенности/неопределенности или показатель множественного числа. Весь текст при этом можно разбить на слова следующим образом: '*nyšp nskm l'bbmlk*.

В слове '*n*' очень заманчиво видеть местоимение 1-го лица 'я', как это и делал А. Ван ден Бранден /Van den Branden, 1979, с.194, 199, 210, 217/, хотя в данном случае он отказывается от такой интерпретации и понимает '*n*' как собственное имя 'Авн' /Van den Branden, 1979, с.212/. В ранних финикийских надписях местоимение '*nk*' 'я' часто открывает текст (см. /Jean-Hoftijzer, 1964, с.19/), однако вообще в семитской эпиграфике надписи, составленные от 1-го лица, крайне редки. Кроме того местоимение "я" в северо-западных семитских языках имеет формы '*nk*', '*nh*' и редко '*ny*', но не '*n*' /Jean-Hoftijzer, 1964, с.18–19/. Для формы '*n*' отмечены лишь два сомнительных случая в финикийских надписях (RES, 1308, 1335).

Более вероятным кажется толкование '*n*' из угарит. '*wn*' 'беда', 'печаль' /Aistleitner, 1963, с.26–27/ от известного семитского корня '*ny*' 'оплакивать' /Koehler-Baumgartner, 1958, с.67/ (ср. ю.-арав. '*ny*' 'совершать грех' /Beeston a.o., 1982, с.7/). В таком случае текст представляет собой траурную надпись – выражение скорби, посвященное памяти какого-то человека. Такие надписи хорошо известны в семитской эпиграфике. Они особенно характерны для сафских надписей из Сирийской пустыни и для самудских надписей Аравии. Эти тексты несомненно связаны с культом предков и, вероятно, с особенностями быта кочевых народов, при котором посещения могил предков были крайне редкими. В сафских надписях выражения скорби составляют едва ли не самый частый сюжет, для этого существует до двух десятков глаголов, наиболее частые из них: *wgm*, *ng'*, *hwb* /Winnett-Garding, 1978, с.29/. Глагол *wgm* 'грустить', 'оплакивать' А.Жамм называет "наиболее частым сафским глаголом" /Жамм, 1967, с.168/.

Слово *yšp*, вероятно, следует понимать как собственное имя. Ср. библейские имена *yover*, *yoveruahi*, *yehoyover* /Koehler-Baumgartner, 1958, с.374–375/, хотя и с неожиданным фонетическим соответствием *š=s*; ср. также ю.-арав. имена *yšf* и *yšf'l* /Garding, 1971, с.672/ и имя '*yušf*' /Robin, 1983, с.178/.

Имя *nsk* часто встречается в северносемитской эпиграфике как обозначение профессии и обычно переводится "литейщик" /Jean-Noftijzer, 1984, с.180/, хотя недавно предложено хорошо аргументированное толкование "кузнец" /Dohmen, 1983, с.39–42/. Исходя из общего значения глагола *nsk* 'лить', следует принять все же более широкое значение — человек, занятый обработкой металла, т.е. и литьем, и ковкой.

В рудниках Серабит ал-Кадем добывались бирюза и медная руда, причем выплавка меди производилась на месте. Раскопки на руднике "Л" обнаружили многочисленные следы этих работ (см. вклейку, рис.9). Куски бронзовых шлаков и различные бронзовые изделия изобилуют и на поверхности, и в культурном слое. Найдены также остатки кузнечных мехов и формы для отливки бронзовых ножей, топоров и других изделий, а также бронзовых слитков /Beut Arieħ, 1978, с.175–176 и примеч. 1; Beut Arieħ, 1985, с.89–111/.

Частица принадлежности *l* не нуждается в комментариях; отметим лишь, что она встречается также в протосинайской надписи на кинжале из Лахиша (см. выше), а также в формуле *lb'lt* 'для госпожи', прочтенной еще А.Гардинером.

Конец текста *'bbmlk* представляет собой, по-видимому, имя собственное. Такое толкование предложил уже И.Бейт Арие, сравнивавший его с библейским именем Авимелех ('Абималик) /Beut Arieħ, 1978, с.181–182/. Понимание этого фрагмента как имени собственного поддержал и А.Ван ден Бранден, указав, однако, что элемент *'b* 'отец' не может дать форму *'bb* /Van den Branden, 1981, с.219/. Имя *'bbmlk* состоит из очень частого в семитских именах компонента *mlk* 'царь' и корня *'bb*: ср. сафское название племени *'bb* /Oxtoby, 1968, с.131/ и личное имя *'b* — *'Abb* (в греческой передаче Αββα или Αββι) /Winnett—Garding, 1978, с.547; Oxtoby, 1968, с.131/.

Всю надпись можно перевести: "Скорбь о Йашуфе, литейщике 'Абималика". Это дает связный и законченный текст траурного характера, весьма близкий к распространенному типу сафских и самудских надписей.

Вызывает сомнения лишь анонимность текста: подавляющее большинство семитских надписей и граффити называют имя автора. Только некоторые надписи специального характера (декреты, запреты, магические формулы и т.п.) составлялись анонимно. Граффити и краткие надписи, напротив, очень часто ограничиваются именем автора и не содержат другого текста. Столь же сомнительно и выражение "литейщик (кузнец) 'Абималика" (т.е. "для 'Абималика" или "принадлежащий 'Абималику"). Вряд ли можно считать, что траурная надпись была посвящена памяти раба или зависимого лица; как правило, в таком контексте авторы надписей упоминают лишь лиц равного или более высокого социального положения.

В уже неоднократно привлекавшихся сафских надписях наблюдается особое употребление частицы *l*. Это так называемая *lat auctoris* — частица, вводящая имя автора

надписи /Jamme, 1970, с.15 –16; Oxtoby, 1968, с.17; Winnett-Garding, 1978, с.17/. Она чрезвычайно часто встречается в сафских надписях, в самудских текстах она зафиксирована реже (в сафских она обязательна даже тогда, когда текст состоит только из имени автора). "Lam auctoris", несомненно восходит к частице принадлежности и иногда сохраняет исходное значение, однако в большинстве случаев обозначает лишь принадлежность надписи: "написал такой-то". Это значение кажется наиболее подходящим и к контексту исследуемой надписи.

Соответственно можно уточнить интерпретацию текста и переводить его: "Скорбь о Йашуфе-литейщике. Написал 'Абималик'".

Таким образом, несмотря на краткость текста, надпись № 357а представляет собой вполне законченный и осмысленный траурный текст.

Надпись № 357б

Надпись в одну строку справа от № 357а в нижней части скалы. Справа скол скалы, видимо, уничтоживший часть текста. Надпись выполнена уверенной профессиональной рукой, все знаки очень четки и единообразны, за исключением крайнего левого, явно высеченного другой рукой.

Обычно считается продолжением надписи № 357а и соответственно читается слева направо. Однако если рассматривать ее как независимый текст, встает вопрос о направлении письма. При дешифровке общепринято, что рисуночные знаки всегда обращены лицом к началу строки; в этом случае надпись следует читать справа налево. Однако для протосинайского это правило выглядит весьма сомнительным.

Направление письма для протосинайских надписей легко определить по каменной плитке из Сихема, где конец строки загнут вниз (см. /Фридрих, 1979, с.292, рис. 91, 2; Naveh, 1982, с.26, фиг.18/) и текст читается слева направо /Albright, 1966, с.10–11/. Ван ден Бранден читает надпись справа налево, но не аргументирует такой выбор направления /Van den Branden, 1979, с.236 –237/. Здесь знаки "голова" и "нога" обращены в направлении строки, слева направо. Точно так же, лицом в направлении строки, обращена и финикийская буква *ḥēḥ* 'голова'. Таким образом, для № 357б можно принять направление письма слева направо, как и на плитке из Сихема.

Новые фотографии текста показывают, что "загадочный" первый знак не представляет собой единого целого, а является сочетанием нескольких фигур, расположенных вертикально одна над другой, высеченных с разной глубиной и характером штриха (см. рис.11). Ни одна из этих фигур не похожа на известные знаки протосинайского или других семитских консонантных алфавитов II тысячелетия. Это, вероятно, сколы и царапины на поверхности скалы, не связанные с текстом и, может быть, уничтожившие начало надписи.

Рис. 11

Надпись № 3576 представляет собой текст в восемь знаков, поврежденный справа и, вероятно, слева. Сохранившиеся знаки хорошо известны и их толкование не вызывает разногласий: $.m' mr' rb'$...

Интерпретация поврежденного текста такого размера вряд ли возможна. Это показывает уже попытка разбить его на слова. Так, явно выделяется слово $'rb'$ 'четыре' в конце текста; тогда перед ним можно выделить хорошо известный семитский корень $'mr'$ 'говорить', 'приказывать', часто встречающийся также в собственных именах /Garding, 1971, с. 75/. Находящиеся перед ним знаки m' заманчиво восстановить до трехбуквенного корня $/d/m'$, учитывая отсутствующий в начале надписи один

знак. Корень dm' 'проливать слезы', 'оплакивать' хорошо известен в ханаанских языках /Aistleitner, 1963, с. 79; Koehler-Baumgartner, 1958, с. 214/. Тогда надпись можно перевести: "Оп/лакал Амар четырех...".

Такая интерпретация близка по содержанию к надписи № 357а, и, следовательно, это тоже траурный текст. Можно добавить, что в сафских надписях известны примеры, когда автор скорбит об утрате нескольких людей (до пяти, шести, восьми и даже двадцати четырех) /Jamme, 1967, с. 170/.

Однако возможна и совсем другая разбивка текста. Так, если в конце фрагмента выделить известный корень rb' 'останавливаться', 'жить'; 'проводить весну', 'пасти скот весной' /Biberstein-Kazimirski, I, с. 807—809/, то перед ним окажется тогда столь же известный корень mr' 'мужчина', 'муж', имеющий широкий спектр значений от "господин" до "мальчик, отрок" /Beeston a.o., 1982, с. 87; Aistleitner, 1963, с. 194—195/. Знаки в начале строки m' можно толковать как конец теофорного имени с характерным элементом /Albright, 1966, с. 43—44/. Вся надпись при таком словоделении можно перевести:

"... m' ", господин весенних пастбищ...". По-видимому, можно предложить и иные варианты, например, с разбивкой конца строки $mr' rb'$ "... отрок главы...".

Все эти варианты показывают, что текст слишком краток, чтобы можно было дать хоть сколько-нибудь надежное его толкование. Из предложенных вариантов предпочтительнее первый, в какой-то мере подкрепляемый смысловыми параллелями в тексте № 357а, но и он является достаточно сомнительным.

Надпись № 357в

Этот текст расположен справа от надписи № 357а на уровне первого знака слова $'bbmzk$. Два знака гораздо меньшего размера написаны вертикально. М. Дийкстра отме-

чает также следы третьего знака, частично перекрытого сверху вертикальным текстом № 357а, но на фотографии он не виден.

Знаки читаются достаточно отчетливо: параллельные линии (*z*) и крест (*t*). Сочетание знаков *zt* засвидетельствовано в протосинайских надписях несколько раз: в начале текста надписей № 351 и 353 (в последней надписи сочетание *zt* содержится в начале правой вертикальной строки, но А.Ван ден Бранден начинает чтение текста с левой, тогда как В.Олбрайт — с правой /Van den Branden, 1979, с.206–207; Albright, 1966, с.21–22/) или в начале строки (№ 361) и один раз — в середине строки (№ 360). При этом оно трижды встречается в одной, более или менее сохранившейся, формуле *zt bsn ms* (по чтению В.Олбрайта, *zt bsn mt*). К сожалению, интерпретация формулы весьма сомнительна. В.Олбрайт разделяет ее на два независимых понятия, *bsn* 'Змей' (имя божества) и *mt* 'господин' /Albright, 1966, с.39, 41–42/, что, однако, не дает удовлетворительного текста (см. /Garbini, 1980, с.16/). Ван ден Бранден приводит совершенно иные толкования, *bśn* 'стела' и *mś* 'дар', считая оба слова египетскими заимствованиями /Van den Branden, 1979, с.196, 201/. Не углубляясь в толкование формулы, которое возможно только в каком-то контексте, т.е. в более или менее целой и удовлетворительно читаемой надписи, отметим, что слово *zt* по употреблению близко к 'n, т.е. является стандартным элементом начала текста. Это подкрепляет предположение, высказанное М.Дийкстра, что знаки *zt* представляют собой фрагмент начала надписи, уничтоженной при нанесении текста № 357а /Dijkstra, 1983, с.53/.

О значении слова без контекста трудно судить, но в начале надписи это вряд ли может быть, как обычно считают, относительное местоимение со значением 'которая' /Albright, 1966, с.39; Van den Branden, 1979, с.248/.

Таким образом, то, что обычно считалось одной надписью № 357, предстает как комплекс из трех текстов, одновременно высеченных на одной скале у входа в рудник "Л". Поддается интерпретации лишь одна хорошо сохранившаяся надпись № 357а, траурный текст, посвященный памяти Иашуфа-литейщика (кузнеца). Можно предположить также, что и надпись № 357б носила аналогичный характер. Даже очень фрагментарный текст № 357в, кажется, находит параллели в других протосинайских надписях.

В связи с этим следует обратить внимание на место находки исследуемых надписей. Рудник "Л" являлся, как мы упоминали выше, местом добычи медной руды и выплавки меди (см. /Beut Arieħ, 1985, с.89–116/). Рудники в Серабит ал-Кадем использовались египтянами для добычи бирюзы и медной руды с XIX по XIII вв. до н.э. В конце XIII в. они были оставлены египтянами, видимо, в связи с истощением залежей бирюзы. Вероятно, именно после этого там начали работу местные племена, которые и оставили протосинайские надписи (см. выше). О разработке руд-

ника семитским населением Синая и свидетельствует надпись 'Абималика.

Заброшенные рудники, несомненно, служили для местного населения местом захоронений, поклонения предкам, поэтому там и составлялись памятные или траурные надписи. Такой характер носят известные сафские туры (sairns), где в одном месте, связанном с захоронением известного человека, сосредотачивались иногда сотни надписей /Winnett—Garding, 1978/. Сходный характер имеет, видимо, и комплекс надписей у рудника "Л", хотя при раскопках там и не было найдено захоронений /Beut ArieH, 1985, с.87—92/. Это уже не первая параллель между сафскими надписями и протосинайскими надписями Серабит ал-Кадем.

Такие аналогии в эпиграфике, кажется, не случайны. Они отражают сходство в природных условиях и в способе существования жителей Сирийской пустыни и Синайского п-ова: речь идет о пустынной местности, населенной кочевыми племенами, появляющимися в данном районе лишь в определенное время года (для весенних кочевий в районе Сафа и для тех же весенних кочевий, сопровождаемых добычей меди, в Серабит ал-Кадем). Население этих областей по составу и роду деятельности также, видимо, было похоже и представляло собой кочевые племена, живущие на границе оседлой зоны с развитой культурой и государственностью, тесно соприкасающиеся с оседлым населением, родственные ему по языку и широко заимствующие его хозяйственные и культурные достижения, в том числе выплавку металла и письменность.

Надписи из храма Хатхор

Среди протосинайских надписей Серабит ал-Кадем выделяется группа из четырех текстов, обнаруженных в храме Хатхор. Этот храм, построенный еще при фараонах XII династии, перестраивался и расширялся при фараонах Нового царства, особенно при Тутмосе III (первая половина XV в. до н.э.) и использовался до конца пребывания египтян на Синае, т.е. до XIII или XII в. Наиболее древняя часть храма — пещера. Это позволяет считать, что он был сооружен на месте древнего семитского святилища. Во дворе храма найдены многочисленные египетские надписи: стелы, посвящения на алтарях и статуэтках, браслеты и т.п. Богиня Хатхор, которой посвящен храм, в надписях часто именуется "госпожой бирюзы" (*nbt mfk:t*) или "госпожой страны бирюзы" /Sznycer, 1972, с.1384—1395/. Этот эпитет, как и пещера, показывает, что Хатхор была отождествлена с какой-то местной богиней.

Протосинайские надписи, найденные в храме, сделаны на культовых объектах: трех небольших сфинксах и одной женской "кубоидной" статуэтке. Эти предметы, несомнен-

но, египетского происхождения; некоторые, возможно, сделаны по египетским образцам. Формы их недостаточно характерны, чтобы установить время изготовления, и допускают различные датировки /Van den Branden, 1979, с.160-162/. Наиболее интересен сфинкс, имеющий на правом плече египетскую надпись, а по бокам — протосинайскую надпись (№ 345).

Надпись № 345

Египетская надпись, хотя и повреждена, но хорошо читается и легко интерпретируется; она явно не связана с протосинайским текстом. Видимо, именно поэтому ученые, трактующие протосинайскую надпись, практически даже не упоминают египетской. Между тем, она представляет большой интерес для истории дешифровки протосинайского письма.

Надпись содержит сверху в рамке имя *ḥwt-ḥrw* 'Хатхор', ниже титул *mꜣꜣj* 'любимый' и конец слова */m/fk:t* 'бирюза'. Это позволяет легко восстановить текст целиком: *mꜣꜣj ḥwt-ḥrw /nbt m/ fk:t* 'любимый Хатхор, /владычицей бирюзы'. Недостающая часть текста, как и предшествовавшее тексту имя фараона находились, несомненно, на передней части сфинкса, где виден скол камня (см. /Van den Branden, 1962, табл.XLIX). По палеографическим признакам надпись относится к периоду XII династии, т.е. к XVIII в. до н.э. (Чтение египетской надписи и ее интерпретация принадлежит О.Д.Берлеву. Я пользуюсь случаем выразить ему глубокую благодарность за ценные консультации по египетским материалам.)

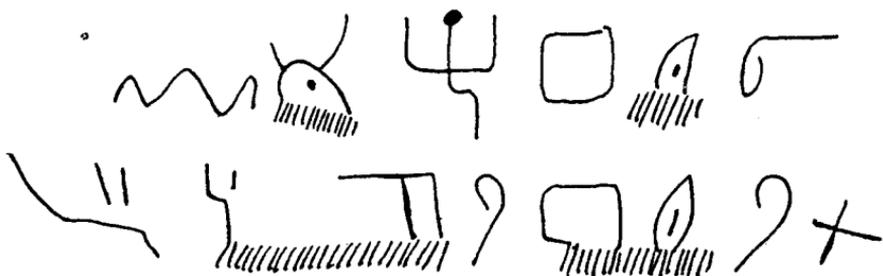

Рис. 12
Надпись № 345

Определение "любимый Хатхор", часто встречающееся в египетских надписях из Серабит ал-Кадем, оказало значительное влияние на интерпретацию протосинайских надписей. Благодаря ему в исследуемом тексте, а затем и в других надписях был выявлен титул *m'(b) b't* 'любимый Ба'алат' (впервые, видимо, у Р.Айслера /Eisler, 1919/).

Это чтение, удачно сочетающееся как с бесспорной трактовкой слова *b'lt* А.Гардинером, так и с материалом египетских надписей из Серабит ал-Кадем, стало одним из краеугольных камней дешифровки протосинайского письма. Хотя в дальнейшем были подвергнуты сомнению как интерпретация отдельных букв, так и всего выражения, равно как и чтение многих мест, где оно встречается (в частности, и в исследуемой надписи), однако это чтение сохраняется и до сих пор (так, А.Ван ден Бранден читает его *mhb'lt* и *mhb b'lt* и находит в шести надписях /Van den Branden, 1979, с.248/). Даже М.Шницер, весьма скептически относящийся к имеющимся дешифровкам, считает это выражение "одним из двух или трех выражений... правильно прочтенных в надписях" /Sznycer, 1975, с.90-91/.

Протосинайская надпись расположена на обеих боковых сторонах сфинкса. Под египетской надписью идет строка в шесть знаков с направлением письма слева направо. Знаки отчетливы и хорошо сохранились. Нижняя часть последнего знака несколько сколота. Дальше край статуэтки оббит, но место для еще одного знака отсутствует.

Чтение знаков отчетливо: "вода" (ломаная линия), затем "голова быка", "человек", "дом", "глаз" и "посох". Хотя нижняя часть двух последних знаков повреждена, разногласий в чтении нет. Первоначально для заключительных знаков было предложено чтение *b'lt* или *b'lt[t]* /Albright, 1966, с.16; Van den Branden, 1962, с.206/, но места для восстанавливаемого знака на камне нет, и А.Ван ден Бранден в итоговой работе от него отказался /Van den Branden, 1979, с.184-186/. Из всех знаков разногласия вызывает лишь знак "человек": Олбрайт традиционно толкует его как *h*, А.Ван ден Бранден — как *h*; по нашему мнению, его следует понимать как *ṣ* (см. выше).

По левому боку сфинкса слева направо идет надпись из шести знаков, которые также читаются вполне отчетливо: "посох", "дом", "глаз", "посох" и "крест". Формы букв весьма близки к формам тех же букв в первой строке, так что текст явно составляет единую надпись. Так, знак "дом" в обоих случаях в середине имеет точку, а линза знака "глаз" утолщена влево; "посох" расположен вертикально. Чтение и интерпретация этой строки бесспорны: "для госпожи".

Перед строкой на задней части сфинкса, которая на противоположном боку не содержит текста, видны линии и фигуры на камне, расположенные на разных расстояниях друг от друга, разные по ширине и глубине, часто "налегающие" друг на друга. Их считают началом строки и видят в них три или четыре знака. Эти знаки производят странное впечатление: среди них нет ни одного, который бы повторялся в других протосинайских надписях. Лишь крайнюю линию можно сопоставить со знаком "змея", но она в правой части соединяется с какими-то другими линиями и сильно отличается от этого же знака в других надписях (см. рис.13).

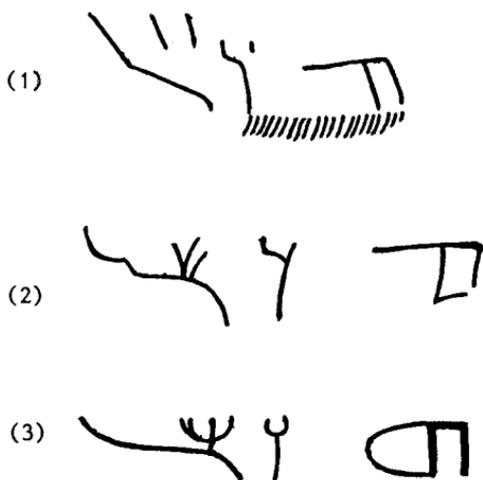

Рис. 13
"Знаки" в начале строки
по левой стороне надписи № 345

Прорисовки

(1) А.Гардинера; (2) А.Ван ден Брандена; (3) А.Г.Лундина

В то же время при небольших натяжках в них можно "опознать" знаки или "варианты" редких знаков протосинайского письма: в первом знаке — "змею", но без головы; во втором — "ладонь", но трехпалую или с дополнительной нижней хвостой, или знак "человек", если принять за часть этого знака хвост "змеи".

Особенно показателен последний знак: В.Олбрайт и А.Ван ден Бранден видят в нем "флажок", но читают по-разному, первый как \dot{h} , второй как d , хотя эти чтения совсем не совпадают с формами соответствующих знаков в их таблицах /Albright, 1966, с.16; Van den Branden, 1979, с.185/. Фотография показывает, что фигура состоит из обращенного влево полукруга, концы которого примыкают к фигуре в форме буквы "п" /Van den Branden, 1962, табл.XLIX/, причем обе части различаются по характеру штриха и кажутся выбитыми разновременно и разной рукой. По отдельности эти фигуры в протосинайских надписях не встречаются. Схожее сочетание, лишь повернутое в другую сторону, фигурирует в таблицах как первый знак надписи на кинжале из Лахиша, но, по-нашему мнению, является лишь ошибкой чтения.

Чтение и интерпретация этих знаков совершенно не совпадают. Так, В.Олбрайт читает их $n\dot{d}b(?)\dot{h}$, А.Ван ден Бранден — kwd /Albright, 1966, с.16, фиг.1; Van den Branden, 1979, с.184/. Прорисовки В.Олбрайта и А.Ван ден Брандена также сильно отличаются не только друг от друга, но и от форм, которые они дают для прочитанных букв в своих сводных таблицах (см. рис.13).

По-видимому, всю эту часть строки следует рассматривать не как текст, а как случайные царапины и сколы на поверхности памятника, принимаемые за знаки неизвестного письма. Строка же начинается со знака ζ и содержит шесть знаков, как и строка на противоположном боку сфинкса, кстати, расположенная строго симметрично. Надпись, таким образом, представляется нам целой и читается: (1) $m'sb'l$ и (2) $lb'lt$. В таком виде текст, по существу, не представляет сложностей для интерпретации. Конец текста — давно прочтенная и интерпретированная формула $lb'lt$ 'для госпожи', где госпожа — имя богини, аналогичное имени "госпожа (владычица) Гебала" и одновременно — титулу хозяйки храма, Хатхор, "госпожи /страны/ бирузы". Формула определяет и смысл надписи, дарственной или посвятельной, сообщающей о посвящении статуэтки сфинкса (культового предмета, уже хранившегося в храме) богине Хатхор или отождествленной с ней местной богине.

В правой строке выделяются знаки $b'l$ 'господин' как элемент собственного имени, один из наиболее частых компонентов северносемитских собственных имен этого и более позднего времени. Имя с компонентом $b'l$ известно и по протосинайской надписи № 367: $y'hnb'l$ или $ghnb'l$ (см. соответственно /Albright, 1966, с.27; Van den Branden, 1979, с.225/, а также выше). Это позволяет рассматривать $m'sb'l$ как имя собственное.

Корень $m's$ в семитских собственных именах не засвидетельствован. Соответственно m можно рассматривать как грамматический формант, вероятнее всего — предлог m 'от' с ассимиляцией n последующему ' (см. /Van den Branden, 1979, с.184/); иную интерпретацию строки дает Олбрайт /Albright, 1966, с.16/, но она не выдерживает критики (см. /Garbini, 1980, с.15/). Корень 's в собственных именах см. в сафском имени 's (см. /Garding, 1971, с.50/; ср. также имена от корня 'dd: 'd, 'dt, m'd /Garding, 1971, с.53/) и угаритском имени $u\dot{s}n$ /Aistleitner, 1963, с.33/.

Всю надпись можно перевести: "От 'Асба' ала для Госпожи". Это — посвятельная надпись, помещенная в храме, с лаконичным, но предельно четким формуляром, отражающим имя посвятеля, факт дарения и имя божества, т.е. все необходимые элементы вотивной надписи. Посвящения, как известно, один из самых распространенных и частых мотивов не только в семитской, но и в греческой или латинской эпиграфике. Место находки и характер дара также подтверждают такой смысл надписи.

Надпись № 346

Эта надпись на женской статуэтке почти кубической формы из храма Хатхор в Серабит ал-Кадем хранится в Каирском музее (см. вклейку, рис.7, а также /Albright, 1966, с.16–17; Van den Branden, 1979, с.187–189/).

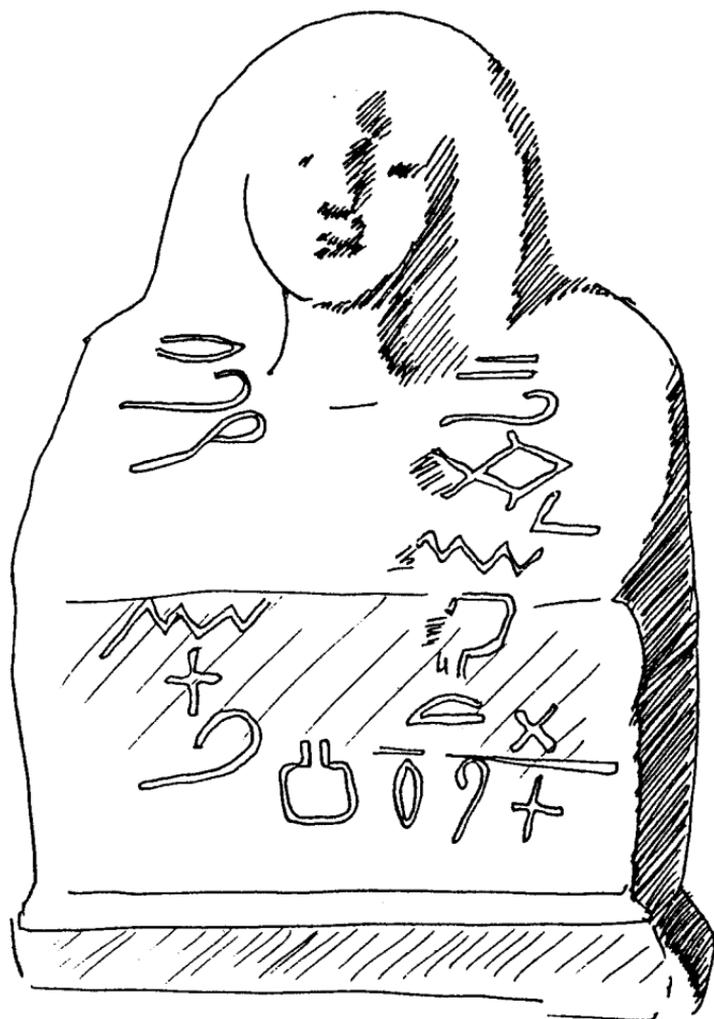

Рис. 14
Надпись № 346

Текст находится на передней части статуэтки на горизонтальной поверхности перед лицом сфинкса и на вертикальной лицевой стороне пьедестала, а также на правой боковой стороне. Выделяют обычно три строки, две на лицевой и одну на боковой стороне. Однако нет никаких признаков того, что эти "строки" составляют единую надпись. По расположению текста можно различить, по-видимому, четыре разные надписи.

№ 346а — вертикальная строка в правой части лицевой стороны, на горизонтальной плоскости с переходом на вертикальную. Отчетливо читаются три знака: "параллельные линии" (*z*), "посох" (*l*) и "рыба" (*s*). Затем следует не-

ясный и, видимо, поврежденный знак, далее *m* "вода" (ломаная линия), но с какой-то дополнительной чертой в левой части. Затем, на перегибе плоскостей или два знака, один на горизонтальной, другой на вертикальной поверхности, или один знак, переходящий с плоскости на плоскость. Ниже, на вертикальной плоскости, отчетливые знаки "глаз" (') и "крест" (*t*).

№ 346б — вертикальная строка в левой части горизонтальной плоскости. Отчетливо читаются два знака, "глаз" и "посох", дальше — неясные следы какого-то знака (ср. /Van den Branden, 1962, табл. L/ и /Naveh, 1982, табл. 1A/). Ниже никаких знаков нет, и судя по фотографиям и другим воспроизведениям, поверхность статуэтки не повреждена и на ней нет следов сбитых или выветрившихся знаков. По-видимому, текст ограничивался двумя или тремя знаками в начале плоскости.

№ 346в — вертикальная строка на вертикальной лицевой плоскости, загибающаяся вправо и переходящая в горизонтальную. Текст начинается строго с края плоскости. Все знаки отчетливо видны и легко читаются: "ломаная линия", "крест", "дом" (*b*), "глаз", "посох" и "крест": *mtlb'lt*. Отметим лишь редкую форму знака "дом" — прямоугольник с отчетливым обозначением "входа".

Над горизонтальной частью строки линия, отделяющая ее от надписи № 346а. Это — явно разные надписи, что видно не только по разграничительной линии между ними, но и по начертанию отдельных знаков. Так, в надписи № 346а "крест" расположен как знак умножения, а в № 346в — как знак плюс; в надписи № 346а длинная хвоста "посоха" имеет форму дуги, а в № 346в — прямой линии.

№ 346г — надпись на боковой стороне настолько необычна по расположению и ориентации знаков, что неясно даже направление письма. В.Олбрайт считает ее написанной вертикально /Albright, 1966, с. 16–17 и фиг. 6/, но при этом статуэтка должна быть установлена на спине, лицом вниз; А.Ван ден Бранден читает строку горизонтально /Van den Branden, 1979, с. 187–189/, но при этом знак "ломаная линия" имеет необычное вертикальное положение, не встречающееся в других текстах. Знаки при этом расположены беспорядочно, не образуя строк (см. фотографию в издании /Van den Branden, 1962, табл. L/). Выше видны неясные следы еще двух знаков.

По воспроизведению отчетливо читаются лишь два знака, "глаз" и "вода" (ломаная линия) в центре статуэтки, оба знака — в положении для вертикального чтения. Чтения остальных знаков скорее угадываются, чем видны на фотографии, и весьма сомнительны даже в тех случаях, когда и А.Ван ден Бранден, и В.Олбрайт читают их одинаково. Так, не подтверждается чтение знака "клубок"; знак, который В.Олбрайт толкует как "голова", а А.Ван ден Бранден — как "дом", имеет форму, не отмеченную в других надписях ни для одного, ни для другого знака.

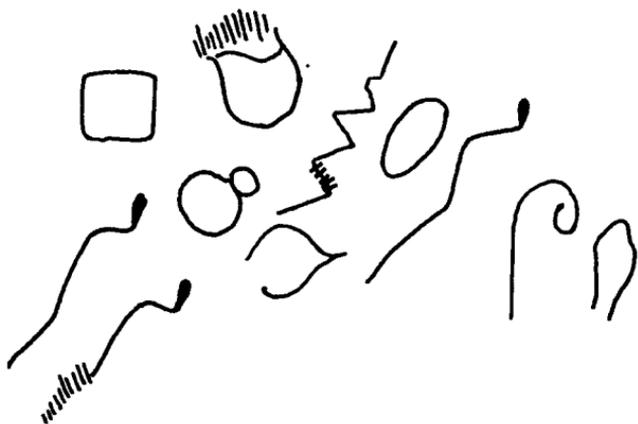

Рис.15
Надпись № 346г
на боковой стороне статуэтки

Без тщательной проверки чтения непосредственно на самом памятнике интерпретация текста невозможна.

Надписи 346а-г, несомненно, разновременны и, вероятно, не связаны между собой, поэтому они должны рассматриваться независимо одна от другой. По расположению текста наиболее ранней кажется надпись № 346а, свободно размещенная на видном месте и высеченная одной вертикальной строкой. Но фотография И.Наве показывает, что часть, расположенная на вертикальной плоскости, сдвинута влево и знак "крест" также расположен не прямо под предыдущим знаком, а сдвинут вправо, может быть, из-за недостатка места. По-видимому, первой была высечена надпись № 346в, также свободно расположенная на передней вертикальной плоскости, хотя и с загибом строки, а надпись № 346а была высечена позднее и уже применительно к имевшемуся тексту.

Надпись № 346в, несомненно, целая, хорошо сохранившаяся и полностью читаемая и, вероятно, самая ранняя из всех надписей на этом памятнике. Особенно важно, что это законченный текст, сохранившийся целиком. В нем заключен весь смысл надписи и он должен быть понятен без каких-либо дополнений и пояснений, "из самого себя". Безусловно, текст не исчерпывает всего содержания эпитафического памятника: важные данные сообщает и предмет, на котором сделана надпись, место ее находки, наличие и характер параллельных памятников и т.п. — но текст надписи самодовлеющ, он должен быть понятен сам по себе.

Все знаки надписи хорошо известны еще со времен А.Гардинера и легко читаются; их интерпретация никогда не вызвала разногласий среди многочисленных дешифровщиков. Выражение *lb'lt* 'для госпожи' даже явилось основой де-

шифровки протосинайского письма. Таким образом, текст ясен, включая и словоделение: *mt l-b'lt*.

Общий смысл надписи также достаточно ясен: он посвящен богине и высечен на культовой статуэтке, находящейся в храме. Это, несомненно, дарственная или votивная надпись. Аналогичное содержание имеют, насколько можно судить, и другие протосинайские надписи, найденные в храме Хатхор: на сфинксе из Британского музея (№ 345) (см. выше) и на сфинксе из музея в Брюсселе (№ 347) с надписью *tnt* 'дар' (см. /Ruckmans, 1927/ и вклейку, рис.8).

Однако интерпретация слова *mt* затруднена, поскольку наиболее распространенный для такого консонантного состава общесемитский корень *mtt* 'умирать', 'смерть' не может дать слова, соответствующего контексту надписи. Гораздо более подходящим кажется угаритский термин *mt* 'муж', 'супруг', 'герой' (см. /Aistleitner, 1963, с.198/), но толкование "супруг /богини/ Ба'алат" вряд ли возможно грамматически, так как это значение не может быть выражено через "Z принадлежности". Значение же "человек, принадлежащий Ба'алат" ("слуга Ба'алат") вряд ли может быть выражено торжественным, высокого стиля термином *mt* 'супруг', 'герой', которым в угаритском эпосе о Карату обозначается главный его герой, божественный царь Карату.

Кроме того, оба толкования, и "супруг Ба'алат", и "слуга Ба'алат", не придают надписи законченного вида. Они предполагают, как минимум, необходимость собственного имени (обозначение нельзя отнести к самой статуэтке, ибо статуэтка женская).

Наиболее вероятным кажется возводить термин к корню *ntn/ytnt* 'дарить', 'даровать', широко распространенному в северо-западных семитских языках. Он, видимо, засвидетельствован и в протосинайских надписях в слове *tnt* 'дар' (№ 347) (см. /Albright, 1966, с.17/). В протосинайских надписях находят и другие образования от этого корня (ср. /Albright, 1966, с.44; Van den Branden, 1979, с.248/), но эти чтения недостаточно надежны.

В угаритском и финикийском корень имеет форму *ytnt*, в древнееврейском и арамейском — *ntn*. В угаритском засвидетельствованы именные формы *ytnt*, *ytnt* и *mtnt* с близкими значениями 'дар', 'подарок', 'приношение' /Aistleitner, с.139—140/. В древнееврейском от корня *ntn* известна форма *mtnt* 'подарок', в арамейском *mtnt* и *mtnt* 'дар' /Koehler—Baumgartner, 1958, с.582, 641—643/.

В языке протосинайских надписей *mt* также, несомненно, следует рассматривать как именную форму глагола *ytnt* со значением 'дар', 'подарок'. По-видимому, выпадение *n* — результат ассимиляции по типу угаритского *matnu* > *mattu* или *matantu* > *matattu* > *mattu*. Ср. в древнееврейском ассимилированную форму *mtt* (*mattat*): 1 К 13, 7; Пр 25, 14; Ко 3, 1, 3; 5, 18; Нс 46, 5, 11 /Koehler—Baumgartner, 1958, с.583/.

Такая ассимиляция, правда, ни разу бесспорно не за-
свидетельствована в текстах и считается невозможной;
однако корень *ytn/ntn* выступает как неправильный гла-
гол, что делает приводимую интерпретацию по меньшей ме-
ре вероятной¹. Отметим, что в финикийских и арамейских
надписях не раз обнаруживались собственные имена с ком-
понентом *mt*: финик. *mt'*, арам. *mt'y* и палм. *mtbwł*, при-
чем ученые затрачивают много труда и эрудиции, чтобы
возвести этот компонент к какому-нибудь другому корню
(см. /Stark, 1971, с.38, 57; Bordreuil, 1981, с.297 —
299/).

Весь текст *mt lb'lt* можно толковать 'дар для Ба'алат'.
Надпись приобретает ясное и четкое значение вотивного
(дарственного) текста, предельно краткого, но вполне за-
конченного и недвусмысленного. В такой краткой надписи
это толкование кажется единственно возможным. Оно под-
крепляется и местом находки надписи — храм — и характе-
ром предмета, на котором она написана, — культовая ста-
туэтка, помещенная в этом храме. То же значение имеют
и другие протосинайские надписи, найденные в храме боги-
ни Хатхор (см. выше). Наконец, следует сказать, что по-
святительные надписи — излюбленный жанр в любой семит-
ской, да и не только семитской эпиграфике. Именно в
этом жанре были широко распространены и краткие тексты,
вплоть до минимальных, ограничивавшихся словом "дар"
или просто именем божества.

Надпись из вадии Мегара (№ 348)

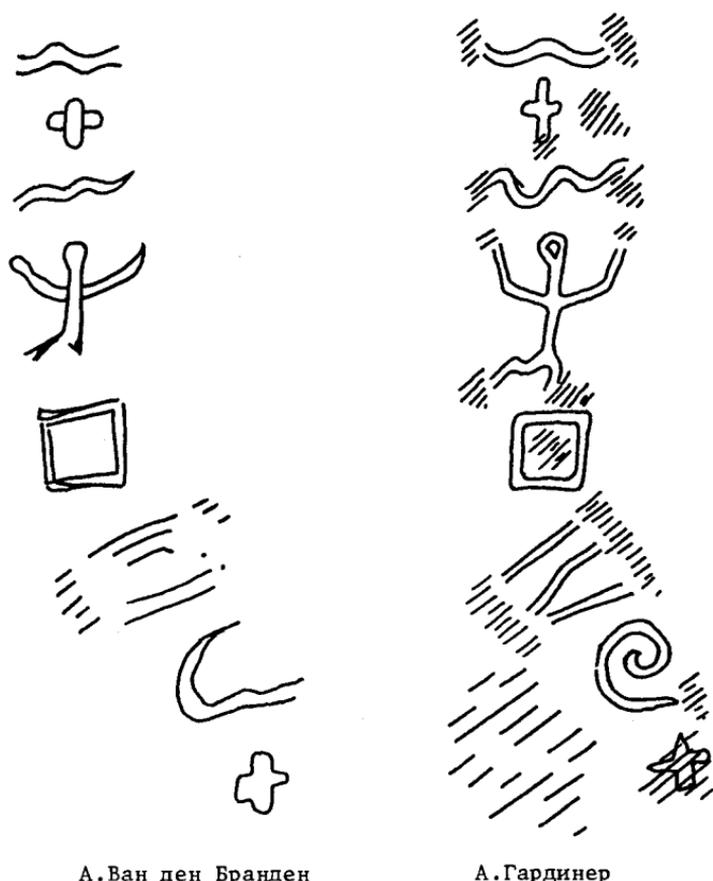
Надпись была обнаружена в вадии Мегара в 1869 г. и
опубликована в 1904 г. как египетский текст без перево-
да и комментария /Weill, 1904, с.154, № 44/ по эстампа-
жу нашедшего ее Е.Пальмера. Впоследствии надпись была
утеряна и ее местонахождение неизвестно. Известно так-
же точное место находки и характер надписи (на скальная,
стела или каменная плита). Единственным материалом оста-
ется эстампаж. Уже Ф.Петри опознал в ней протосинайский
текст.

А.Гардинер считал надпись "сильно разрушенной" /Gar-
diner, 1923, с.114/; того же мнения придерживается и
В.Олбрайт /Albright, 1966, с.17 — 18/, но А.Ван ден Бран-
ден считает текст полным /Van den Branden, 1979, с.192/
(см. прорисовку, рис.16).

Текст написан вертикально в одну строку, с небольшим
отклонением вправо, и содержит восемь знаков. Все воспро-

¹ Ср. также глагольную форму *ytt* 'я подарил' в табличке из Уга-
рита (RES 2203, 6), написанной кратким клинописным алфавитом /Bord-
reuil, 1981a, с.302, 308/.

изведения восходят к эстампажу Е.Пальмера и очень схожи (ср. /Gardiner, 1923, табл.11/ и /Van den Branden, 1979, с.192/).

А. Ван ден Бранден

А.Гардинер

Рис. 16
Надпись № 348

Верхний знак — волнистая линия с зубцом в середине; концы знака справа и слева, кажется, повреждены. В.Олбрайт и А.Ван ден Бранден видели в нем один знак, "лук"/"зуб", однако на копии нет характерных закруглений по краям (см. выше табл.2, № 9). Знак очень схож с третьим знаком надписи. Видимо, его следует читать как знак "ломаная линия" ("вода") — *m*, несколько поврежденный по краям.

Второй знак — "крест" — хорошо сохранился и читается как *t*.

Третий знак "ломаная линия" ("вода") имеет два отчетливо видных зубца в отличие от обычных форм с тремя или

четырьмя зубцами (см. выше табл. 2, № 4). Зубцы сильно округлены, как и единственный зубец первого знака.

Четвертый знак виден отчетливо: "человек"; его интерпретация вызывает сильные затруднения. Долгое время его толковали как *h* (см. /Albright, 1966, фиг. 1/, затем — как *h/h* /Van den Branden, 1979, с. 178/. Нами он был определен первоначально методом "исключения" как знак *ḫ* /Лундин, 1983, с. 93/; позднее это подтвердило специальное исследование форм знака в семитских консонантных алфавитах II тысячелетия /Лундин, 1984, с. 53—55/.

За ним следует прямоугольник — "дом" (*b*). Следующий знак не сохранился, видны лишь не связанные линии — вероятно, повреждения поверхности камня.

Седьмой знак — "посох" (*l*) — расположен горизонтально завитком вверх, имеет укороченную хвосту вправо. По форме он близок знаку на кинжале из Лахша.

Последний знак — "крест" — идентичен второму знаку.

Весь текст читается *mtmḫb.lt*, и поврежденный знак легко восстанавливается по слову *b'lt*. Разбивка текста на слова не вызывает затруднений: при выделении слов *b'lt* в конце и *mt* в начале, как в надписи № 3466, выделяется и слово *mḫ*, впервые встречающееся.

Это слово, несомненно, восходит к корню *mḫḫ* 'всасывать', 'сосать', известному в арабском, еврейском и угаритском (см. /Aistleitner, 1962, с. 192; Koehler—Baumgartner, 1958, с. 558/). В угаритском эпосе о Карату боги предрекают ему рождение сына-первенца, который получит особое благословение богов (KTU I, 15; II, 25—28):

Она родит Яацуба-отрока,
Он будет пить молоко Асирату,
Сосать грудь (*mḫḫ tḏ*) девственницы 'Анату
Кормилицы богов благих².

В аналогичной сцене "сосания груди" Иерусалима употреблен глагол *mḫḫ* и в Библии (Ис. 66: 11). Таким образом, сочетание *mḫ b'lt* 'вскормленник Ба'алат' соответствует образу, встречающемуся в семитской мифологии.

Весь текст *mt mḫ b'lt* 'дар вскормленника Ба'алат' получает четкое и ясное значение вотивной надписи, построенной по тому же предельно лаконичному формуляру, что и разобранные выше надписи из храма Хатхор. Единственное отличие — отсутствие "формулы посвящения" *lb'lt* 'для Ба'алат', однако оно легко объяснимо. Формула посвящения — необходимый элемент надписи, указывающий адресат посвящения, божество, к которому оно обращено. Однако в исследуемом тексте, где святитель носит титул "вскормленник Ба'алат", т.е. связан с богиней особыми узами, такое указание адресата становится избыточным: оно подразумевается само собой и не нуждается в специальном выражении.

² Перевод И. Ш. Шифмана.

В надписи отсутствует имя автора, но ее нельзя считать безличным текстом, ибо автор обозначен, но не собственным именем, а сакральным титулом. При крайнем лаонизме, свойственном протосинайским надписям, это позволяет сделать два важных вывода.

(1) Перед нами законченный полный текст, не предполагающий никаких дополнений. Соответственно подтверждается и интерпретация надписи, всегда сомнительная в случае неполноты и сегментированности текста.

(2) Отсутствие имени автора, замена его сакральным титулом позволяет рассматривать текст не как случайную запись, сделанную *ad hoc*, а как выражение определенного сакрального обряда или обычая, как отражение какого-то общественного института синайских племен.

Сам титул "вскормленник Ба'алат" представляет значительный интерес. Кормление грудью всегда рассматривается как сакральный процесс, который создает особую связь, молочное родство, между вскормленным и родом кормилицы, особенно ее потомками. Это представление было широко распространено, вероятно, у всех народов мира. У семитских народов отметим доисламский мекканский обычай отдавать сыновей кормилицам из окрестных бедуинских племен, что обеспечивало не только связь с племенами самих вскормленников, но и мирные и дружественные отношения с этими племенами всему поселению в целом /Gaudefroy-Demombynes, 1969, с.62-63/.

Вскармливание богиней представляет собой кульминацию таких отношений. Оно не только отмечает избранничество и право на власть, как в угаритском эпосе, но и показывает также приобщенность мифического царя Карату к миру богов, создает молочное родство между его первенцем Йацибу и богиней 'Анату, т.е. означает приобщение Йацибу к миру богов.

Выражение *mš b'lt* можно обнаружить и в других протосинайских надписях, № 353, 361 и, вероятно, также № 351 и 356, к сожалению, в неясном контексте. Однако даже если не все чтения достаточно надежны, можно говорить о распространенности этого титула и связанных с ним предвставлений, о существовании особой группы людей, названных "вскормленниками Ба'алат" — сакральным титулом, обозначающим особую категорию людей, приобщенных к миру богов.

Вскармливание Йацибу богиней 'Анат можно, видимо, связать с ее эпитетом *'rht* 'Телица', и соответственно вскармливанию людей Ба'алат — с эпитетом *'rht* 'Телица', обозначением богини в протосинайских надписях № 353, 365, 374 и, может быть, восстанавливаемым в надписи № 352. Это убедительно свидетельствует, что оба эпитета, "Госпожа" и "Телица", относятся к одной богине. По-видимому, можно считать, что запретное имя этой богини, не упоминаемое в надписях, — 'Анат.

Интерпретация надписи № 348 занимает особое положение в процессе дешифровки протосинайского письма. Чтения текстов, предложенные выше, рассматриваются автором в первую очередь как критерий для оценки дешифровки письма. В этом плане чтение каждой надписи служит подтверждением дешифровки. Однако тексты, разобранные выше, включали лишь знаки, в толковании которых не было или встречались лишь незначительные разногласия. Так, надпись на кинжале из Лахиша состоит из знаков, не вызывавших разночтений; ключ к интерпретации текста лежит лишь в трактовке последнего и особенно первого знака.

Надпись № 357а дала более значительные результаты в подтверждение результатов дешифровки. В частности, она подтвердила значение *z* для знака "рыба", который встретился в слове *nskm* 'литейщик'. Однако нужно отметить, что такую трактовку знака "рыба" предложил еще А. Ван ден Бранден /Van den Branden, 1979, с.181/, хотя он и не заметил совпадения формы знака с юж.-сем. *š* и угарит. *s*₂, а исходил лишь из названия буквы.

Исследуемая надпись позволяет по значимому слову установить значение знака "человек" — *š*, впервые предложенное нами. Это тем более существенно, что знак *š* принадлежит к наиболее сложным и нестабильным знакам семитских консонантных алфавитов II тысячелетия и известен во многих вариантах, не сводимых к одному прототипу (см. /Лундин, 1984, с.53–55/). Поэтому и определение его значения в ходе дешифровки было весьма предположительно, методом "исключения" /Лундин, 1983, с.93/.

В тексте, поддающемся интерпретации, этот знак встретился в надписи № 345 в собственном имени 'Асба'ал, что еще не могло служить надежным критерием его значения. Однако сейчас он известен и в нарицательном имени *mš* 'вскормленник', причем в достаточно частой формуле 'вскормленник Ба'алат', что позволяет уверенно сказать: предложенное нами фонетическое значение знака "человек" (*š*) подтверждается контекстом надписей.

ГЛАВА 4

СИНАЙ В КОНЦЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО н.э.

Одна из главных опасностей, подстерегающих исследователя, и в особенности дешифровщика, — это стремление на основе первых скромных успехов "объяснить все", дать полное чтение текстов и их анализ, языковой и исторический. При этом ученый переходит от твердо установленных фактов к вероятным предположениям, от них — к новым предположениям и зачастую отрывается от реального материала и, даже следуя строго логическим путем, приходит к фантастическим выводам. История дешифровки протосинайского письма тоже богата такими примерами. В известной мере этого не избежали не только Х.Гримме, но и В.Олбрайт и даже А.Ван ден Бранден.

Тем не менее дешифровка не может оставаться замкнутой на себя, т.е. ограничиться анализом письменности и даже интерпретацией избранных текстов; она должна дать какой-то результат, показав новые лингвистические и исторические данные, полученные на основе этого труда. Собственно, только такие результаты и позволяют оценить работу, послужить критерием правильности дешифровки. Вот почему автор счел необходимым дать характеристику истории и культуры Синая в конце II тысячелетия до н.э. на основе данных протосинайских надписей, хорошо сознавая и неполноту полученной картины, и сугубо предварительный характер выводов.

Хотя к настоящему времени прочтено лишь несколько надписей, да и эти чтения не получили оценки в научной литературе, тем не менее уже сейчас можно говорить о протосинайском письме как особой области семитской эпиграфики. Прежде всего протосинайскую эпиграфику следует ограничить рамками надписей, найденных на Синае. Три текста, написанные тем же письмом, но найденные в Палестине, составлены в иной культурно-исторической обстановке, отражают несколько иные исторические условия и культурные традиции. Они отличаются и палеографически, включая формы букв, не засвидетельствованные в надписях Синая, иногда более архаичные (как *z* в надписи на кинжале из Лахиша), иногда сильно эволюционировавшие (как ' и *m* в надписи на табличке из Сихема).

Рассматривая надписи с Синайского п-ова, можно сказать, что протосинайская эпиграфика предстает перед исследователем значительно более развитой и разработанной,

чем это представлялось в начале работы. Так, общий тезис о разнообразии форм одной и той же буквы, которому отдал дань и автор (см. выше), оказался сильно преувеличенным. В тех случаях, когда отмечалось различие в форме буквы или ее положении в строке в одной надписи, нашлось гораздо более простое и естественное объяснение: соседство разных надписей, одновременных и написанных разной рукой (см. выше, о надписях № 346 и 357). Удалось обнаружить даже текст, правда, неполный и не поддающийся однозначной интерпретации, но высеченный каллиграфически, если не профессиональной, то весьма опытной и привычной рукой (№ 357б).

В протосинайской эпиграфике выделяются две группы надписей — тексты из храма Хатхор и надписи рудника "Л" — которые различаются и по характеру, и по содержанию.

Надписи, найденные в храме Хатхор, представляют собой тексты, нанесенные на египетские культовые статуэтки, вероятно, votivного характера. Они в значительной мере понятны (хотя "приписки" на кубоидной статуэтке № 346 не поддаются интерпретации). Это — votивные, или дарственные, надписи с кратким, но достаточно установленным четким формуляром и общей "формулой посвящения" *lb'lt* 'для Госпожи' в конце текста. Можно выделить два типа текстов: авторский с формулой "от такого-то для Госпожи" (№ 345) и безличный с формулой "дар для Госпожи" (№ 347, 347а, 346г). По содержанию к ним примыкает и надпись из вадии Мегара, авторский votивный текст, где автор обозначен не именем, а титулом "вскормленник Ба'алат"; отметим, что в этом тексте отсутствует "формула посвящения", может быть, потому, что самый титул автора уже показывает его связь с Ба'алат.

Votивные тексты дают мало сведений о социальном строе общества. Можно лишь отметить явное стремление к предельному лаконизму текстов, может быть, отражающее и простоту общественной организации.

Рудник "Л" и сафские "туры"

Подавляющее большинство протосинайских надписей сосредоточено в одном месте, на руднике "Л" и прилегающих к нему рудниках "М" и "Н" и в грудях камней, расположенных от них в непосредственной близости. Действительно, вне Серабит ал-Кадем найдено четыре текста, в храме Хатхор — также четыре, еще два — неизвестного происхождения, тогда как вокруг рудника "Л" — 23 надписи. При этом рудник "Л" выступает как первостепенный памятник, главное, если не единственное, место сосредоточения протосинайских надписей. Поэтому его характеристика чрезвычайно важна для понимания надписей.

Рудник представляет собой горизонтальную штольню в скале, сохранившуюся в полузасыпанном состоянии. У входа на скале — группа надписей, известная как текст № 357. При раскопках в руднике и в почве у входа обнаружены медные шлаки, литейные формы, остатки плавильных мехов и керамики, но без надежных датирующих признаков /Giveon, 1978, с.175—176 и примеч.1/ (см. вклейку, рис.9). Наиболее значительные находки — около десятка надписей на стелах, напоминающих египетские стелы для изображений и надписей. Лишь на одной из них было найдено египетское изображение бога Птаха (№ 351), но без надписи, что, по-видимому, показывает, что стела осталась не законченной египтянами и позднее была использована для нанесения протосинайского текста. Каких-либо признаков участия египтян в разработке рудника "Л" не найдено.

Большинство стел находится в очень плохом состоянии, разбито на несколько кусков, имеет много сколов по поверхности. Может быть, некоторые из них представляют собой просто обломки камня (№ 350, 356, 374). Даже лучше всего сохранившаяся стела № 349 сильно выветрена и имеет многочисленные сколы на поверхности. Врезанная линия, ограничивающая текст, несимметрична форме камня и, видимо, показывает, что первоначальная стела египетской работы была использована вторично (см. вклейку, рис.1, а также рис.3 в тексте).

Перед входом в рудник находятся груды камней, которые В.Олбрайт определяет как надгробные сооружения, весьма распространенные в пустыне Негев и на севере Аравии /Albright, 1948a, с.5—20), А.Ван ден Бранден — как могилы /Van den Branden, 1979, с.162/, тогда как Р.Бутен и Г.Герстер считали их остатками хижин рудокопов /Butin, 1928, с.39; Gerster, 1961, с.45/. В этих турах также было найдено несколько надписей на обломках камней. Однако там встречаются и стелы, аналогичные стелам, найденным в руднике (надписи № 360 и, вероятно, № 365).

Надпись у входа, № 357, которая долгое время рассматривалась как единый текст с произвольным расположением строк (под прямым углом друг к другу), оказалась сложным комплексом из разновременных текстов — вертикальной целой надписи № 357а, расположенного рядом с ней фрагмента в два знака, очевидно, остатка более ранней надписи, и фрагментарной горизонтальной надписи № 357б (см. выше). По-видимому, некоторые из надписей на стелах также представляют собой не единый текст, а сочетание независимых разновременных надписей (например, надпись № 353, где буквы *r*, *ṣ*, *š* в разных строках имеют очень разные формы, или надпись № 352).

Содержание надписей остается совершенно неясным. Предыдущие интерпретации настолько произвольны и ненадежны, что по ним нельзя составить представление даже об общем типе (или типах) текстов. В.Олбрайт видел в них жертвенные надписи, но его интерпретации подверглись резкой критике (см. /Garbini, 1980, с.14—19/).

Толкования, которые дает А. Ван ден Бранден, разнообразны и не могут быть связаны ни с характером памятника, ни между собой: так, надпись № 353 толкуется как дар богине давилни (для масла?), № 356 — как комеморативный текст, содержащий лишь имя, а № 357 — как сообщение о добыче руды /Van den Branden, 1979, с.206—213/. Все эти интерпретации крайне сомнительны.

Между тем даже чисто внешний анализ, не затрагивающий содержания, показывает, что надписи рудника "Л" образуют единую группу. Так, пять текстов начинаются термином 'n: № 349, 350, 356, 374 и 3576. Хотя термин *b'lt* встречается регулярно (№ 351, 352, 353 и т.д.), но формула *lb'lt*, столь частая в надписях храма Хатхор, не засвидетельствована ни разу¹. Почти столь же распространена формула *zt bšn mš* (№ 353, 360) с вариантами *zt bsn mš* (№ 351) и кратким *bšn mš* (№ 361). Выделяется также группа кратких текстов в одно-два слова (№ 359, 362, 364, 367).

Из всех текстов рудника "Л" достаточно надежно интерпретируются лишь три — № 357а, 3576 и 367 (см. выше). К сожалению, совершенно не поддаются истолкованию самые крупные и тщательно сделанные надписи, нанесенные на стелы, так как они сильно повреждены. Точно так же абсолютно неясна и формула *zt bšn mš*; одинаково сомнительны и толкование Олбрайта "змея-госпожа" /Albright, 1948, с.39, 41—40/ и А.Ван ден Брандена "эта статуя — дар", который считает слова *bšn* и *mš* заимствованиями из египетского /Van den Branden, 1979, с.197, 201/. К сожалению, формула ни разу не встречается в целой надписи или достаточно надежном контексте, так что попытка ее интерпретации вряд ли возможна.

Краткие тексты также не могут быть истолкованы достаточно однозначно; тем не менее, их можно, вероятно, рассматривать как именные: уверенно толкуется имя с компонентом *b'l* в надписи № 367 (см. выше); можно понимать как имена и *'bm* (№ 359): такое имя засвидетельствовано как в угаритском /Aistleitner, 1963, с.4/, так и в южноаравийском /Garding, с.15/, и *'db* (№ 362): в сафских надписях известны имена *'db* и *'db'l* /Garding, с.31/.

Характерным признаком надписей рудника "Л" можно считать слово 'n 'скорбь', 'горе': оно начинается и тексты на стелах, и наскальную надпись № 357а и, вероятно, позволяет определить их как траурные или памятные (см. выше).

Даже на основе этих очень ограниченных и не всегда надежных данных рудник "Л" можно охарактеризовать как место сосредоточения надписей разного характера, от па-

¹ А.Ван ден Бранден читает ее в надписях № 353 и 361 /Van den Branden, 1979, с.206—207, 217—218/, но в обоих случаях это весьма сомнительно, и В.Олбрайт дает совсем другой текст /Albright, 1966, с.22, 25/.

радных (стела № 349) и каллиграфически выполненных (№ 357в) до кратких и небрежных, высеченных на попавших под руку обломках камня (№ 364, 367). Видимо, довольно часто на стеле или камне высекалось несколько разновременных и не связанных текстов (комплекс надписей № 357 и, вероятно, надпись № 352). По содержанию можно выделить траурные и комеморативные тексты.

Соответственно можно предположить, что рудник "Л" являлся местом, где на протяжении многих лет составлялись надписи как траурные, так и другого содержания. По-видимому, в этом районе не было постоянного населения, но его регулярно посещали жители Синая или какие-то другие племена для работы на рудниках, добычи руды и выплавки меди. Здесь проводились и траурные церемонии, поскольку для семитских народов рудники и пещеры часто являлись местами захоронений. Постепенно это место превратилось и в место поминовения, хотя и не стало настоящим святилищем.

Аналогичные по характеру памятники известны на небольшом расстоянии от Синая, в Сирийской пустыне, хотя они и относятся к значительно более позднему времени, не ранее IV—III вв. до н.э. Это — места сосредоточения сафских надписей, так называемые сафские туры.

Хотя сафские надписи известны уже более ста лет, их энергичное исследование началось лишь в послевоенное время и почти полностью ограничивается изучением самих текстов. Соответственно и сафские туры рассматривались лишь как источник текстов и никогда не привлекали к себе внимания как самостоятельные памятники. Это заставляет остановиться на них более подробно.

В настоящее время известно более 10 000 сафских надписей. Они обнаружены в Сирийской пустыне и прилегающих к ней областях Иордании. Почти все тексты найдены в турах — больших гудах камней, размещенных на видных местах и служащих сейчас путевыми ориентирами. Крупнейшая из публикаций сафских надписей так и называется — "Надписи из 50 сафских туров" /Winnett—Garding, 1978/. Туры сложены из камней, собранных поблизости, так что иногда их окружает расчищенное пространство /Oxtoby, 1968, с.16/.

В некоторых случаях под турами обнаружены погребения, но иногда они отсутствуют или не сохранились. Следует, впрочем, отметить, что раскопки туров проводились только несколько раз и лишь тогда, когда среди надписей были тексты о погребениях /Oxtoby, 1968, с.16/. Камней с надписями в турах немного, они могут находиться как на поверхности, так и в глубине тура. Часто на одном камне высечено несколько не связанных между собой надписей. Общее количество надписей в туре колеблется от полутора-двух десятков до нескольких сотен. В основном они сообщают лишь имя автора, которое довольно часто сопровождается обращением к божеству, краткими сообщениями о каких-либо событиях жизни автора. Круг тем кажется ничем не ограниченным и содержание надписей весьма разно-

образно. "Мотивы составления надписи почти столь же многочисленны, как и сами тексты" /Oxtoby, 1968, с.16/. Они касаются всех сторон жизни бедуина: "он был в этом месте", "он пас верблюдов", "он возвращался из Намары" и т.д. По частоте выделяется лишь один из мотивов — выражение скорби по поводу смерти какого-то человека. Для этого существует до двух десятков различных глаголов /Winnett-Garding, 1978, с.29/. Самый распространенный из них, *wgm* 'грустить', 'оплакивать', А.Жамм называет "наиболее частым сафским глаголом" /Жамме, 1967, с.168/.

В одном туре встречаются выражения скорби по поводу смерти разных людей, по-видимому, ничем не связанных между собой. Однако почти в каждом из туров выделяется имя какого-то человека, к которому обращено несколько таких памятных надписей, так что туры даже называются по именам этих людей: "тур Хани" /Garding, 1953/ или "Тур Са'да ибн Сабаха" /Winnett-Garding, 1978, с.89/.

Это позволяет охарактеризовать сафский тур как почитаемое или просто посещаемое место на пути перекочевков или в районе сезонных пастбищ, обычно связанное с захоронением уважаемого человека. Не будучи памятником заупокойного культа или культа предков в строгом смысле слова, оно являлось местом поминовения определенных лиц или членов определенного коллектива (семьи, рода, ветви племени). Здесь же составляли собственно "памятные надписи", т.е. сообщения о деятельности автора или просто его имя. Возможно, захоронение было вторичным по отношению к обычаю посещать это место и оставлять там надписи. В любом случае такие туры, вероятно, рано или поздно оказывались связанными с захоронением или памятью какого-то уважаемого человека и местом почитания для определенной семьи или ветви племени. Это характерная черта быта кочевых народов, когда могилы предков рассеяны на большой территории и их посещение сильно затруднено. Для сафских арабов это было обусловлено родом их деятельности — разведением верблюдов — при котором резко увеличивается дальность кочевий и уменьшается размер группы, их совершающей. При таком образе жизни туры приобретают и значение "информационных центров", где можно узнать события в жизни родственных кланов, их местонахождение и даже намерения.

Рудник "Л" и его надписи чрезвычайно напоминают сафские туры по многим признакам: по виду и характеру надписей, их расположению, манере исполнения и т.п., а также и по содержанию надписей, насколько о нем можно судить. Это — такое же беспорядочное собрание надписей, кратких и небрежно сделанных, такое же сочетание не связанных между собой надписей на одном камне. Встречаются и просто именные тексты, и траурные надписи. Можно отметить даже применение одинаковых эпитафических формул, например — употребление "*lam auctoris*" (см. выше).

Таким образом, мы можем охарактеризовать авторов протосинайских надписей как представителей кочевого насе-

ления Синая конца II тысячелетия до н.э. Интересно отметить распространение у этих кочевых племен письменности, несомненно заимствованной у оседлого населения Палестины и Сирии, и даже металлургических ремесел: добычи руды, выплавки меди и изготовления медных орудий труда и оружия.

Конец II тысячелетия до н.э. известен в истории Ближнего Востока как время одомашнения верблюда или, по крайней мере, как время распространения верблюдоводства в Сирийской пустыне и в приевфратских степях. По видимому, и синайские племена также занимались разведением верблюдов. Вероятно, именно это позволило им освоить области, ранее недоступные или труднодоступные для проживания, и продолжить использование рудников в тот период, когда египтяне были вынуждены от него отказаться.

Синайская богиня Ба'алат

Синайская богиня Ба'алат ("Госпожа") известна еще со времен А.Гардинера /Gardiner, 1916/. Тогда же она была отождествлена с египетской богиней Хатхор, в храме которой были найдены протосинайские тексты, упоминающие Ба'алат, и с "владычицей Гебала", главной богиней города Библа (Гебала) в этот же период. Однако до сих пор еще никто не пытался собрать все сведения об этой богине и определить ее характер и соотношение с другими божествами семитских народов Ближнего Востока.

Хотя количество надписей, поддающихся толкованию, до сих пор очень незначительно и их данные весьма скудны, тем не менее уже сейчас можно предварительно проделать эту работу. Даже без чтения надписей ясно, что Ба'алат выступает как главное божество протосинайских надписей и госпожа страны: может быть, она даже единственное божество, упомянутое в надписях. Хотя в текстах неоднократно находили и имена других, самых разнообразных богов от Иахве у Х.Гримме /Grimme, 1923/ до Эла и "Змея" у В.Олбрайта /Albright, 1966, с.38 -39/, Эла, Тинит и египетского Атума у А.Ван ден Брандена /Van den Branden, 1979, с.191, 221, 233 -234/ и 'Анат у М.Дийкстры /Dijkstra, 1983, с.37/, но ни одно из этих чтений и толкований нельзя считать хоть сколько-нибудь надежным. Даже в собственных именах в надписях засвидетельствован лишь один теофорный элемент — *b'z* (№ 345, 367), да и то весьма неопределенный.

Напротив, Ба'алат упоминается в надписях очень часто, и как собственное имя богини в формуле посвящения *lb'lt* 'для Ба'алат', и в формуле *mš b'lt* 'вскармливание Ба'алат'

(№ 348, 352, 361, см. выше), и в неясной формуле *šb b'lt* (№ 351, 356, 374)², и в других, совсем непонятных случаях.

В протосинайских надписях можно обнаружить еще одно обозначение богини, также не по собственному имени, а по эпитету: *'rht* 'Телица' (см. /Лундин, 1983, с.91/). Это слово встречается в трех надписях (№ 353, 3656, 375), причем в позиции, близкой к той, в которой встречается и имя *b'lt*: в конце надписи или строки (в одном случае, в надписи № 374, оно составляет отдельную строку). К сожалению, во всех случаях контекст недостаточно ясен и надписи прочесть невозможно. Впрочем, если считать надпись № 3656 самостоятельной, не связанной с текстом на другой стороне камня, её можно прочесть как *z sm 'rht* и толковать *sm* как о.-сем. "имя", а весь текст — "это — имя Телицы", т.е. как обращение к божеству (имени божества).

По-видимому, оба титула — "Госпожа" и "Телица" — можно отнести к одному божеству, имя которого было табуировано, к главной богине синайских племен.

Эпитет "Телица" известен в семитской мифологии. Он подтверждает и отождествление этой богини с египетской "небесной королевой" Хатхор. Но в еще большей степени он позволяет сопоставить Ба'алат с богиней 'Анат, которая почиталась в доиудейской Палестине как супруга Йахве (см. /Шифман, 1980, с.76/). Лучше всего она известна по угаритским текстам, где обнаружен целый мифологический цикл о Ба'але и 'Анат /Гордон, 1977, с.201—206/.

В Угарите 'Анат носит эпитет *'rht* 'Телица'. Она может выступать и как жестокое и разрушающее божество и в этом качестве обозначается эпитетом "Львица". Отметим миф о ее кровопролитной расправе над "мужами востока и запада", когда она, опьянившись кровью, обратила свой гнев на гостей, собравшихся на пир. Битву в доме, где 'Анат использует как оружие столы и скамьи, С.Гордон сравнивает с битвой Одиссея с женихами /Гордон, 1977, с.214—215/. Однако этот эпизод гораздо теснее связан с мифом о египетской богине Хатхор (Сехмет), которую ее отец Ра послал истребить человечество; после кровопролитной бойни, когда кровь текла рекой, Хатхор уснула, а Ра изменил свои намерения. Он залил землю красным пивом, которое Хатхор приняла за кровь, и, напившись, опьянела, что и сохранило человечество (см. /Матье, 1956; Коростовцев, 1976/).

Однако 'Анат выступает и в роли защитницы и кормилицы; она вскармливает грудью Йадибу, первенца мифического угаритского царя Карату (см. выше). Соответственно термин *mš* 'вскормленник' также связывает Ба'алат с 'Анат. Наконец, посвящение Ба'алат сфинксов — мифических львиц,

² Может быть, "любимец Ба'алат": см. угарит. *šb* 'желать', 'любить' /Aistleitner, 1963, с.263/ и араб. *šbu* 'питать склонность, симпатию', 'любить' /Biberstein-Kazimirski, 1846, I, с.1308-1309/.

по-видимому, также можно рассматривать как черту, объединяющую ее с богиней 'Анат.

Столь же многочисленны и связи Ба'алат с Хатхор. Они прослеживаются и на разных хронологических срезах: еще в начале II тысячелетия до н.э. египтяне, пришедшие на Синай, сделали объектом почитания пещеру — святилище местной богини /Sznyser, 1972, с.1385/. Посвятив этот храм Хатхор, они тем самым отождествили ее с богиней, владычицей страны. О том же свидетельствует и эпитет Хатхор, который упоминается в надписях из этого храма — "госпожа /страны/ бирюзы".

Через тысячу лет, после ухода египтян с синайских рудников, происходит обратное явление: местные племена превращают храм Хатхор в святилище местной богини Ба'-алат, тем самым отождествляя ее с Хатхор. Они посвящают Ба'алат культовые объекты, иногда уже посвященные Хатхор, например, сфинкс с надписью № 345 и с египетской надписью, в которой упомянута Хатхор (см. выше). Это двойное отождествление не оставляет сомнения в близости образов этих богинь и, может быть, их мифологических циклов.

Столь же многоплановы и связи 'Анат и Хатхор: в ипостаси "львицы", жестокой и необузданной богини, в эпитетах "телицы" и "коровы" и, наконец, в достаточно редком и своеобразном мифе об "опьянении кровью". Эти мифы настолько близки, что можно уверенно говорить об их взаимном влиянии, однако вряд ли о простом заимствовании египетского мифа.

Оба мифа, точнее, обе версии одного мифа об "опьянении кровью", имеют как вторичные, так и исходные (архаичные) черты. Так, в угаритском мифе несомненно первичный момент — опьянение кровью, тогда как в египетском кровь заменена красным пивом, похожим на кровь. С другой стороны, в египетском мифе указана причина кровавой бойни, тогда как в угаритском избиение людей не мотивировано. Обе версии несомненно заслуживают детального исследования, однако оно не входит в цели нашей работы. Достаточно сказать, что этот миф несомненно показывает близость богинь 'Анат и Хатхор.

Связи Ба'алат и с Хатхор, и непосредственно с 'Анат позволяют считать синайскую богиню идентичной 'Анат, т.е. семитской 'Анат, скрывающейся под эпитетами Госпожи и Телицы.

Весьма заманчиво привести в качестве "решающего довода" недавно обнаруженную протосинайскую надпись из вадии Род ал-'Айр /Dijkstra, 1983, с.37/. Этот текст содержит вертикальную строку в три знака 'nt, ограниченную сверху горизонтальной линией, а снизу — тремя точками, которые издатель считает словоразделителями. М.Дийкстра толкует эти знаки как имя богини 'Анат, а всю надпись — как посвящение 'Анат, в котором отсутствует лишь предлог ʾ /Dijkstra, 1983, с.37/. Однако такая интерпретация вызывает сильные сомнения.

Прежде всего, вряд ли можно быть уверенным, что перед нами целый и законченный текст. Предполагаемые слово-разделители могут быть остатками поврежденных знаков. Кроме того, левее текста просматривается еще знак *l*.

Однако даже если текст сохранился целиком, изолированное имя вряд ли можно считать именем божества. Насколько мне известно, такого рода надписи не засвидетельствованы ни в северносемитской, ни в северноаравийской эпиграфике. Вотивные надписи, ограничивающиеся именем божества, правда, являются характерной чертой греческой эпиграфики, но вряд ли возможны в семитской: в греческом языке идея дара достаточно точно выражается дательным падежом ("Аполлону", "Афине" и т.п.), но в семитских языках для передачи такого смысла необходимо предложное управление. Имя *'nt* следует понимать, если это полная надпись, как имя лица: см. сафские имена *'n*, *'n'l*, *'nn* и *'b'nn* /Garding, 1971, с. 14, 444—445/.

Однако несмотря на отсутствие прямого доказательства в тексте надписей, тождество синайской Ба'алат с семитской 'Анат не вызывает сомнений. Табуирование имени и замена его эпитетом весьма характерны для всех семитских пантеонов и встречаются тем чаще, чем выше ранг божества в конкретном пантеоне. Главное божество, владыка страны, почти всегда известен лишь по эпитету, как у северносемитских народов (угаритский Ба'ал, тирский Мелькарт — "царь города"), так и в Южной Аравии (кatabанский 'Амм 'дядя', маинский Вадд 'возлюбленный'). Может быть, это позволяет считать Ба'алат главным божеством синайских племен.

Почитание 'Анат было особенно распространено на Ближнем Востоке в конце II тысячелетия до н.э., не только под собственным именем, но и под прозвищами. Назовем еще теофорное имя на одном из самых ранних памятников финикийской эпиграфики, наконечниках копий из ал-Хадра (XI в. до н.э.) — *'bd lb't* 'раб Львицы', где "Львица" — несомненно эпитет богини 'Анат (см. /Cross—Milik, 1954, с. 5—15; Cross, 1980, с. 5—7/).

Синайская богиня Ба'алат несомненно принадлежит к северносемитскому пантеону. Это показывает культурную общность синайских племен с ханаанейским населением Ближнего Востока, общность их религиозной идеологии и многих других элементов культуры.

Население Синая

Синайский п-ов на протяжении всей своей истории связан с двумя культурно-историческими зонами: "плодородным полумесяцем" Ближнего Востока, ареалом древней земледельческой культуры и передовой цивилизации, и с районом степей и пустынь северной и центральной Аравии,

областью пастушеского хозяйства, стабильного и традиционного, хотя и претерпевшего на протяжении тысячелетий несколько значительных перемен, связанных как с развитием хозяйства, так и с экологическими изменениями. Синай по природным условиям близок к аравийской зоне, но несколько изолирован от нее географически и поэтому отличается по этническому составу и уровню хозяйственного развития. Удивительно, но третий своеобразный регион, близкий к Синаю, долина Нила, оказал на него значительно меньшее воздействие, даже во II тысячелетии до н.э., когда Синай уже на протяжении многих веков находился в политической зависимости от Египта.

Исследование истории Синая и его населения сводится почти целиком к задаче определить, какие культурно-хозяйственные связи преобладали на Синае в исследуемый период — сиро-палестинские, аравийские или египетские.

В последние века II тысячелетия до н.э. аравийский регион переживал один из периодов хозяйственной перестройки, связанный с приручением верблюда, использованием его в качестве универсального хозяйственного и транспортного животного. Это повлекло и социальные изменения, проявившиеся в начале I тысячелетия до н.э. в возросшем значении караванной торговли и военной роли аравийских племен и раннегосударственных образований.

Следует отметить, что верблюд издавна обитал в степях и пустынях Аравии и служил объектом охоты. Но лишь в конце II тысячелетия начинается процесс одомашнивания этого животного, и на скалах появляются рисунки, изображающие пастбу верблюдов или всадников на верблюдах (см. /Anati, 1968, с.245—247/). Видимо, это связано с экологическими изменениями, сделавшими невозможными содержание стад крупного рогатого скота и ограничившими разведение овец и коз. Однако ход этого процесса, растянувшегося на несколько столетий, известен еще очень мало, лишь по наскальным изображениям Аравии. Неясно, в частности, как и когда этот процесс захватил и территорию Синайского п-ова.

Прибрежная зона Ближнего Востока во II тысячелетии до н.э. была заселена ханаанейскими народами, говорившими на северо-западных семитских языках. Это были в основном земледельцы и ремесленники, раннегосударственные объединения которых характеризовались высоким уровнем экономического и социального развития. В политическом отношении преобладали небольшие города-государства, тесно связанные с торговлей и мореходством. Часто они находились в зависимости от великих держав того времени, Египта и хеттов, лишь периодически выходя из-под нее и образуя временные нестабильные союзы и объединения.

В конце II тысячелетия наблюдается процесс ослабления и распада вначале Хеттской державы (в XIV—XIII вв.), а несколько позднее и Египта (распад Нового царства в XII—XI вв.). В конце XIV—XIII вв. начинается вторжение в Палестину большой группы скотоводческих племен,

двигавшихся из заиорданских степей (но еще не знавших разведения верблюда).

Протосинайские надписи даже на нынешнем этапе их изучения позволяют уточнить некоторые детали этой исторической картины. Уход египтян с синайских рудников в конце XIII в., насколько можно судить, не был связан с сопротивлением местного населения и вытеснением египтян. Памятники Синая не имеют слоя разрушений, пожаров или других признаков, свидетельствующих о военных действиях и политических катаклизмах. Обычно считают, что причиной ухода египтян было истощение рудников, в первую очередь запасов бирюзы, и замена синайских рудников вновь открытыми в Нубии. Можно предположить и другую причину — изменение экологических условий и опустынивание Синая, затруднившие египетские экспедиции, или сочетание этих причин.

После ухода египтян, насколько можно судить по имеющимся источникам, на Синае не возникло самостоятельного государства или какой-либо другой заметной политической силы. Протосинайские надписи свидетельствуют, что там осталось какое-то население, продолжавшее обитать в этих местах, работать на рудниках и даже выплавлять медь. Других археологических памятников, которые можно приурочить к XII—X вв. — остатков жилищ и поселений — на Синае не выявлено. Это позволяет предположить, что население вело кочевой пастушеский образ жизни и не имело ни постоянных поселений, ни государственной организации. Оно еще не достигло уровня классового общества. Однако у этих пастушеских племен обнаруживаются два важнейших признака цивилизации: металлургические ремесла и письменность.

К сожалению, протосинайские надписи пока не дают никаких прямых свидетельств о распространении верблюдоводства; в текстах нет никаких упоминаний о верблюдах или хотя бы косвенных признаков их наличия. Термин *'rht*, который А. Ван ден Бранден толковал как "караван" /Van den Branden, 1979, с.208, 248/, читается *'rht* и гораздо убедительнее переводится как эпитет богини "Телица" (см. выше).

Весьма сомнительно и чтение, и толкование термина *lqh* 'верблюдица', предложенное им же в надписи № 24 /Van den Branden, 1979, с.230—232/. Впрочем, дальнейшая интерпретация надписей может изменить это положение.

Существование обработки металлов доказывают прежде всего археологические данные. Как уже отмечалось, весь комплекс рудников "Л", "М" и "Н", где были найдены протосинайские надписи, не имеет ни египетских надписей, ни каких-либо других находок египетского происхождения. Это позволяет с уверенностью говорить, что эти рудники, если и были заложены еще египтянами, то, во всяком случае, работа в них велась в основном силами местного населения.

Находка Р. Гивеона при раскопках в руднике "Л" большого количества медных шлаков, остатков плавильных мехов и литейной формы для топоров /Giveon, 1978, с.175 — 176/ показывает, что здесь и добывалась руда, и выплавлялся металл, и даже производились из него готовые изделия. Это позволяет говорить уже о полном цикле металлургических ремесел.

Такой цикл требует значительного запаса знаний и технических навыков, которые, несомненно, были заимствованы у египтян в период их работы на рудниках в XIV — XIII вв. до н.э. Можно сделать вывод об участии в ней и местного населения, причем не только в качестве черно-рабочих-рудокопов, но и более квалифицированной рабочей силы, вероятно, подручных у египетских мастеров. Во всяком случае, этих знаний и навыков оказалось достаточно, чтобы продолжить разработки после ухода египтян.

Надпись № 357а даже называет Иашуфа-литейщика/кузнеца (*nškm*), причем термин употреблен как профессиональное обозначение. Однако даже на этом основании вряд ли можно говорить о выделении у племен Синая ремесла в самостоятельную отрасль, об отделении его от скотоводства. По-видимому, оно сохраняло характер сезонной деятельности, приложения к основному занятию — кочевому скотоводству. По-видимому, племена появлялись в районе Серабит ал-Кадем лишь в определенное время года в зависимости от периодов перекочевок и лишь в это время занимались ремесленной деятельностью. Но даже при этом выделялись ремесленники — квалифицированные мастера, вероятно, руководившие работой рудокопов и подсобных рабочих. Они выполняли наиболее сложные операции цикла, выплавку металла и изготовление орудий. Неясно также, использовались ли эти орудия только для собственных нужд и потребностей окрестных племен, или выплавка металла имела больший масштаб, и часть его являлась предметом торговли.

Наиболее важно, что протосинайские надписи сообщают о языке и этнической принадлежности населения. Уже после работы А. Гардинера выяснилось, что оно говорило на семитском языке. Сложнее определить, к какой группе семитских языков следует отнести этот язык: к северо-западной (ханаанейской) или к южной (аравийской). Сложность заключается не только в ограниченном количестве материала, но и в том, что эти языки весьма близки между собой, особенно в ранний период. Кроме того, южносемитские языки известны лишь по более поздним памятникам, с начала I тысячелетия до н.э., а ближайший сосед протосинайского, арабский, лишь с середины I тысячелетия н.э., и его состояние в конце II тысячелетия до н.э. трудно представить достаточно полно и четко.

Наиболее доступный исследованию различительный признак северо-западных и южных семитских языков — сибиллянты. Известны даже четкие закономерные их соотношения:

сев.-сем. *s* соответствует юж.-сем. \acute{s} , $\acute{\check{s}}$ — *s* и \acute{s} — \check{s} ³. Однако эта закономерность осложняется тем, что сибилант \acute{s} фиксируется на письме лишь в южноаравийских текстах, а в арабском и эфиопском он отсутствует, совпав с *s*. В северносемитских один знак обозначает звуки $\acute{\check{s}}$ и \acute{s} , и их различение возможно только в древнееврейском на основе поздней масоретской традиции, выделяющей диакритическими знаками два произношения — "шин" ($\acute{\check{s}}$) и "син" (\acute{s}). Фактически же в еврейском произношения "сина" и "самеха" (*s*) совпали. Обычно предполагается, что звук \acute{s} исчез и в угаритском (см. /Сегерт, 1965, с.21/) и в финикийском, совпав с \check{s} (см. /Дьяконов, 1966/, ср., однако, /Шифман, 1963, с.33/). Во всяком случае, он не обозначается на письме: даже полный северносемитский консонантный алфавит не имел, вероятно, специального знака для \acute{s} .

Таким образом, имеем следующую картину соответствий сибилантов:

угарит.	др.-евр.	юж.-арав.	араб.
$\acute{\check{s}}$	$\acute{\check{s}}$	<i>s</i>	<i>s</i>
\acute{s}	\acute{s}	$\acute{\check{s}}$	$\acute{\check{s}}$
<i>s</i>	<i>s</i>	\acute{s}	<i>s</i>

В протосинайском из слов, которые уверенно читаются и хорошо понятны, сибилант *s* содержит лишь *nsk* 'литейщик', соответствующее сев.-сем. *nsk* /Dohmen, 1983, с.39—42/. В сабейском корень *nsk* не имеет соответствующей семантической связи /Beeston a.o., 1982, с.99/. Но само слово, явно культурный термин, сопровождающий технический процесс, легко может быть лексическим заимствованием, сохранившим фонетический облик, и не определяет характер языка.

Сибилант \acute{s} содержит лишь имя *yšr* в надписи № 357a. Однако имена собственные не могут служить надежной основой для выявления этимологических связей, так как в них неясно значение слова, весьма важное для установления этимологии (см. /Beeston, 1977, с.50/). Но недостаток материала заставляет рассматривать и эти данные. Заманчивая попытка сопоставить имя с др.-евр. *yoser* и известным корнем *yšr* (юж.-сем. *wšf*) 'прибавлять', 'увеличивать' нарушает закономерные фонетические соответствия (см. выше). Остается возвести его к корню *šwf* 'защищать', 'покровительствовать' /Beeston a.o., 1982, с.136/, частому в южноаравийских именах (см. /Garding, 1971, с.362, 672/); ср. особенно имена *yšf* — Йашуф и *yšf'z* — Йашуф'ил. Однако этот корень неизвестен в северо-западных семитских языках (ср. /Beeston, 1977, с.55/) даже в собственных именах.

³ О соотношении сибилантов в южноаравийском и древнееврейском см. /Beeston, 1962, с.222—233; 1984, с.9, ср. однако Magnanini, 1974, с.401—408/.

В этом случае имя $yšf$ также не дает возможности определить, к какой группе семитских языков относится язык протосинайских надписей, ибо написание $š$ может отражать юж.-сем. $š$ и сев.-сем. s (латеральный сибилант, как сохранивший свое исходное звучание, так и слившийся со звуком $š$, как в угаритском и финикийском).

Лексические соотношения гораздо менее надежны из-за большой близости семитских языков. Однако можно отметить в протосинайских надписях специфический северносемитский корень ntn/ytn , не засвидетельствованный в южносемитских языках, причем, вероятно, в его угаритско-финикийской форме ytn (см. выше). Судя по форме знака p 'нога', это слово, может быть, употреблялось в синайском в северносемитской форме $p'n/p'm$ вместо юж.-сем. $rigl$ (см. /Lundin, 1985, с.242-243/).

Использование краткого алфавита в 22 знака в то время, когда еще существовал, вероятно, полный северносемитский алфавит, косвенно свидетельствует, что в протосинайском языке уже произошло слияние звуков $š - t$, $h - ḥ$, $' - g$ и т.д. Аналогичные процессы имели место в угаритском в XIV-XIII вв. до н.э. и, вероятно, в то же время и в финикийском. В других же северо-западных, еврейском и арамейском, они зафиксированы значительно позже, уже в I тысячелетии до н.э., а в южносемитских еще позднее: в южноаравийском и эфиопском эти звуки сохранялись до V-VI вв. н.э., а в арабском эти звуки наличествуют и в настоящее время.

Таким образом, хотя имеющийся материал недостаточен для однозначного решения этой проблемы, все же "синайский" язык с большей долей вероятности следует отнести к северо-западным семитским языкам; по-видимому, он был наиболее близок к угаритскому и финикийскому.

Религиозная идеология населения Синая основывается на общесемитских обычаях и представлениях о мире богов, о взаимоотношениях бога и человека, на общих семитских обрядах и ритуалах. Из них назовем выделение главного местного божества, хозяина страны. Примечательно, что здесь эту роль выполняет не бог, а богиня. Однако, по-видимому, аналогичные представления можно обнаружить в этот период и у других семитских народов, прежде всего в Библие, где эту роль играла уже не раз упомянутая нами Ба'алат Гебал, владычица Библа. Но, вероятно, так же обстояло дело и в северной Аравии, в оазисе Дума (Думат ал-Джандал), где в VIII-VII вв. до н.э. ассирийские источники называют главным божеством богиню Рудай /Lundin, 1981, с.211-214/.

Таким же общесемитским является и обычай табуирования имени главного божества и замены его эпитетами. К тому же эпитеты "Госпожа" и "Телица" характерны для северносемитских народов.

Фигура главного божества Ба'алат носит явно северносемитский характер, и ее тождество с богиней 'Анат не вызывает сомнений. Она явно отождествлялась и с египет-

Семитские консонантные алфавиты
II тысячелетия до н.э.

Знак	Угарит.	Угарит. лин.	Финик.	Финик. арх.	Юж.- сем.	ПС	Название	ПА
'							'alp 'бык'	
b							bayt 'дом'	
g							gaml 'верблюд'	
ḥ			-				ḥarm 'шило', 'игла'	
d							dalt 'дверь'	
h							he ?	
w							waw 'кряк'	
z							zayt 'олива'	
ḥ							ḥayt 'забор' ḥawt 'вилы'	
ṭ							ṭayt 'клубок'	
y							yad 'рука' yatan 'десница'	
k							kapp 'кисть руки'	
ṣ							ṣann 'зуб'	
l							lamd 'посох'	
m							mau 'вода'	

Знак	Угарит.	Угарит. лин.	Финик.	Финик. арх.	Юж.- сем.	ПС	Название	ПА
d			—				[<i>darw</i> 'грабли'] [<i>ḏary</i> 'ограда', 'загон']	
n							<i>nin</i> 'рыба', 'змея' <i>naḥas</i> 'змея'	
z								
s							<i>sat</i> ?	
r							' <i>ayn</i> 'глаз'	
p							<i>pu</i> 'рот' [<i>pa'n</i> 'нога']	
š							<i>šaday</i> 'серп', 'мотыга' [<i>šagir</i> 'мальш']	
q							<i>qawf</i> 'ушко иглы'	
r							<i>ra'š</i> 'голова' [<i>ragl</i> 'нога']	
t							<i>takm</i> 'плечо'	
ḡ							[<i>ḡalm</i> 'юноша']	
t							<i>taw</i> 'знак', 'метка'	
'i, u							' <i>alp</i> 'бык'	
š							<i>šamk</i> 'рыба'	

ской богиней Хатхор, однако каких-либо специфических египетских черт в ее культе заметить не удастся. Скорее в облике Хатхор, "владычицы /страны/ бирюзы", почитавшейся египтянами на Синае, можно заметить черты семитской богини.

К северносемитским элементам в религии населения Синая следует отнести и теофорные собственные имена с элементом *b'z*, широко распространенные в Сирии и Палестине, но совершенно не встречающиеся в Аравии⁴. Таким образом, известные данные о религии населения Синая, которые можно почерпнуть из надписей, показывают ее связь с религией семитских народов Палестины и Сирии.

Несколько особняком стоят данные о культе поминовения предков. Хотя погребальные обряды и обычаи остаются неизвестными, однако "туры" перед рудником "Л" уже В.Олбрайт связывал с типом погребений, распространенным по всей Аравии /Albright, 1966, с.14/. Весьма интересна памятная надпись № 357а — выражение скорби по поводу смерти какого-то человека без указания на родственные отношения с автором надписи. Этот текст не упоминает божества или какого-то обряда и, очевидно, не связан с церемонией погребения. Такой скупой и десакрализованный текст особенно примечателен в зоне египетского влияния при известной для древнего Египта гипертрофии культа мертвых и представлений о загробном мире.

Надпись № 357а не стоит особняком. Параллель к ней дает, видимо, соседняя надпись: № 357в. Ключевой термин 'н 'скорбь' встречается во многих протосинайских текстах (см. выше). Подобные поминальные надписи характерны для северной и центральной Аравии. По-видимому, культ поминовения предков, существовавший у племен, населявших Синай в конце II тысячелетия до н.э., совпадает с подобными обычаями, сохранявшимися в северной Аравии даже в первые века н.э. Они, несомненно, связаны с кочевым образом жизни (см. выше) и свидетельствуют о культурных связях синайских племен с населением Аравии.

Культурные связи с Аравией отражает и ономастика надписей. Если в имени 'Абималик элемент *малик* 'царь' равно распространен в ономастике как северных, так и южных семитских народов, то другой элемент, 'bb, находит параллели лишь в сафской ономастике (см. выше), как и элемент 'ф в имени 'Асба'ал в надписи № 345 (см. выше). В ономастике протосинайских надписей преобладают, видимо, производные имена (т.е. не теофорные и не составные), что характерно для семитских племен Аравии. Так,

⁴ А.Гардинг отмечает два сабейских имени с компонентом *b'z*, оба — по единственному упоминанию /Garding, 1971, с.111/; но *b'zkrb* в надписи G1 1328, 1 — ошибка чтения (см. /Лундин, 1979, с.169, примеч.4/), а чтение *rtdb'ln* в СИН 542, 3 — также сомнительно.

имена кратких надписей (№ 359 — 'bm, № 362 — 'db и № 364 — bnkr) находят параллели в надписях Аравии, преимущественно в ономастике самудских и сафских племен (см. /Garding, 1971, с.15, 31, 498/).

Аравийское влияние особенно проявляется в общем характере протосинайской эпиграфики: в типе надписей, их размещении, содержании, круге затрагиваемых тем и сюжетов, вплоть до таких деталей, как употребление "lam austoris" и соединение на одном камне разновременных и разносюжетных надписей. По всем этим признакам сходство протосинайской эпиграфики с северноаравийской, самудской и особенно сафской, просто поразительно. Лишь разница в самом письме не позволяет считать сафскую эпиграфику (употреблявшую южносемитский алфавит) прямым продолжением протосинайской. Можно, видимо, обнаружить и промежуточное звено между ними. Это — обнаруженная М.Дийкстрой у входа в рудник "Л" надпись, которую он считает самудской /Dijkstra, 1983, с.33, примеч.3/. Но эта надпись, самудская по типу письма, начинается с "lam austoris", что считается отличительным признаком сафских текстов. По-видимому, это позволяет считать надпись архаическим сафским текстом.

Влияние Аравии на синайские племена наиболее сильно проявилось в хозяйственном отношении. Но оно охватывало и такие области культуры, как религиозные представления (характер культа предков), тематику письменных памятников, характер собственных имен (см. вклейку, рис.10). В то же время аравийские элементы не выражены в таких областях культуры, как религия и письменность, где преобладали ханаанейские элементы, и в ремесле, где, видимо, отразилось египетское влияние. По-видимому, аравийские элементы можно охарактеризовать как социально-культурные, так как они наиболее ярко проявляются в тех областях культуры, которые теснее связаны с хозяйственной деятельностью и образом жизни, в социальных областях.

Население Синая в конце II тысячелетия до н.э. можно охарактеризовать как один из ханаанейских народов со скотоводческим хозяйством и кочевым образом жизни. Занимаясь из Аравии верблюдоводство, поднявшее скотоводческое хозяйство на высокий производственный уровень, идеально приспособленный к природно-экологическим условиям Синайского п-ова, оно достигло и высокого экономического развития, что привело и к некоторым социальным изменениям, освоению таких культурных достижений оседлых народов, как обработка металла и консонантное алфавитное письмо. По-видимому, в социальной области оно вплотную подошло или даже вступило в период создания своеобразных раннегосударственных объединений, таких, как немногим более поздние царства северной Аравии, о которых рассказывают ассирийские источники VIII—VII вв. или известное царство Кедар, владевшее Синаем в VI—V вв. до н.э., северноаравийские царства Дедан и Лихьян

и др. Этот уровень экономического и социального развития, достигнутый с введением верблюдоводства, затем стабилизировался в Аравии на долгое время. Некоторые черты таких раннегосударственных образований можно проследить и в IV—VI вв. н.э. в арабских царствах лахмидов, гасанидов и киндитов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты

араб.	— арабский	о.-сем.	— общесемитский
арам.	— арамейский	сев.-сем.	— северносемитский
др.-евр.	— древнееврейский	угарит.	— угаритский
ПА	— протоалфавит	финик.	— финикийский
пальм.	— пальмирский	юж.-арав.	— южноаравийский
ПС	— протосинайский	юж.-сем.	— южносемитский
ПСем	— прасемитский		

Библиографические сокращения

ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ПС	— Палестинский сборник. Л.
СА	— Советская археология. М.
ЭВ	— Эпиграфика Востока. Л.
AION	— Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. Napoli.
BASOR	— Bulletin of the American Schools of Oriental Researches. — Baltimore.
BiOr	— Bibliotheca Orientalis.
JEA	— Journal of Egyptian Archeology.
IEJ	— Israel Exploration Journal. Jerusalem.
JSS	— Journal of Semitic Studies. Manchester.
HTR	— Harvard Theological Revue. Harvard.
OA	— Oriens Antiquus. Roma.
RES	— Répertoire d'épigraphie sémitique. P.
UF	— Ugarit-Forschungen. Kevelaer-Neukirchen-Vluyn.
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Lpz.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексин, Курочкин, 1972. — *Алексин В.А., Курочкин Г.Н.* Новая литература по луристанским бронзам. — СА. 1972, № 1.
- Гельб, 1976. — *Гельб И.* Западносемитские силлабарии. — Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
- Гельб, 1982. — *Гельб И.* Опыт изучения письма. М., 1982 (перевод издания /Gelb, 1963/).
- Гельцер, 1963. — *Гельцер М.Л.* Историческое значение надписей на финикийско-ханаанейских наконечниках копий и стрел. — ЭВ. Вып. XVI, 1963.
- Гельцер, 1967. — *Гельцер М.Л.* Еще раз о финикийско-ханаанейских надписях на наконечниках копий и стрел. — ЭВ. Вып. XVIII, 1967.
- Гордон, 1977. — *Гордон С.* Ханаанейская мифология. — Мифологии древнего мира. М., 1977.
- Дирингер, 1963. — *Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963.
- Дьяконов, 1966. — *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии. М., 1966.
- Дьяконов, 1979. — *Дьяконов И.М.* Предисловие (к изданию /Гельб, 1982/).
- Коростовцев, 1976. — *Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. М., 1976.
- Лундин, 1979. — *Лундин А.Г.* Сабейская гробничная надпись из Архаба. — Переднеазиатский сборник. Т. III. М., 1979.
- Лундин, 1982. — *Лундин А.Г.* О происхождении алфавита. — ВДИ. 1982, № 2.
- Лундин, 1983. — *Лундин А.Г.* Дешифровка протосинайской письменности. — ВДИ. 1983, № 1.
- Лундин, 1984. — *Лундин А.Г.* Финикийская буква "цаде": название и форма. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. М., 1984.
- Лундин, 1985. — *Лундин А.Г.* Названия и формы букв в семитских консонантных алфавитах. — ВДИ. 1985, № 4.
- Лундин, 1985а. — *Лундин А.Г.* Бронзовый кинжал из Лахиша с протосинайской надписью. — ПС, № 28, 1985.
- Лундин, 1989. — *Лундин А.Г.* Табличка из Бет-Шемеша. — ВДИ. 1989, № 1.
- Лундин, 1989а. — *Лундин А.Г.* Происхождение угаритского алфавита. — Мерое. 1989, № 4.
- Матье, 1956. — *Матье М.Э.* Древнеегипетские мифы. М., 1956.
- Сегерт, 1965. — *Сегерт С.* Угаритский язык. М., 1965.
- Струве, 1923. — *Струве В.В.* Происхождение алфавита. Пг., 1923.
- Струве, 1923а. — *Струве В.В.* Происхождение семитского алфавита. — Восток. Кн. 2. Пг., 1923.

- Струве, 1924. — *Струве В.В.* Addendum к дешифровке "синайских надписей". — Еврейская старина. Пг., 1924.
- Фридрих, 1979. — *Фридрих И.* История письма. М., 1979.
- Хачикян, 1975. — *Хачикян М.Л.* Шумеро-хурритский словарь из Рас-Шамры как источник по хурритской диалектологии. — ВДИ. 1975, № 3.
- Шифман, 1963. — *Шифман И.Ш.* Финикийский язык. М., 1963.
- Шифман, 1980. — *Шифман И.Ш.* Анат. — Мифы народов мира. Т.1. М., 1980.
- Шифман, 1980а. — *Шифман И.Ш.* Возникновение знаний о языке у финикийян. — История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Шифман, 1987. — *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита (XIV—XIII вв.). М., 1987.
- Aistleitner, 1963. — *Aistleitner J.* Wörterbuch der Ugaritischen Sprache. В., 1963.
- Albright, 1935. — *Albright W.F.* Some Suggestions for the Decipherment of the Proto-Sinaitic Inscriptions. — Journal of the Palestine Oriental Society.
- Albright, 1948. — *Albright W.F.* The Early Alphabetic Inscriptions from Sinai and their Decipherment. — BASOR, 110, 1948.
- Albright, 1948а. — *Albright W.F.* Exploring in Sinai with the University of California African Expedition. — BASOR, 109, 1948.
- Albright, 1966. — *Albright W.F.* The Proto-Sinaitic Inscriptions and their Decipherment. Cambridge, 1966.
- Anati, 1968. — *Anati E.* Rock-Art in Central Arabia. Vol.I—II. — Bibliothèque du Muséon. Vol.50. Louvain, 1968; Vol.III, p.1—2. — Publication de l'Institut Orientaliste de Louvain, 4. Louvain, 1972.
- Ball, 1908. — *Ball C.J.* A Phoenician Inscription of B.C. 1500. — Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. XXX. 1908.
- Bauer, 1918. — *Bauer H.* Zur Entzifferung der neuentdeckten Sinaischrift und zur Entstehung des semitischen Alphabets. 1918.
- Beeston, 1962. — *Beeston A.F.L.* Arabian Sibilants. — JSS, 1962, № 7.
- Beeston, 1977. — *Beeston A.F.L.* On the Correspondance of Hebrew \dot{s} to ESA s^2 . — JSS. 1977, № 22.
- Beeston, 1984. — *Beeston A.F.L.* Sabaic Grammar. — JSS. 1984, № 6.
- Beeston a.o., 1982. — *Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J.* Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Louvain, 1982.
- Beit Arieih, 1978. — *Beit Arieih J.* Corrected Reading of Inscription in Mine L (см. /Beit Arieih a.o., 1978/).
- Beit Arieih, 1985. — *Beit Arieih J.* Serabit el-Khadim: New Metallurgical and Chronological Aspects. — Levant. Vol.XVII, 1985.
- Beit Arieih a.o., 1978. — *Beit Arieih J., Givon R., Sass B.* Explorations at Serabit el-Khadim, 1977. — Tel Aviv.Vol. 5, 1978.
- Biberstein-Kazimirski, 1846. — *Biberstein-Kazimirski A. de.* Dictionnaire arabe-français. I—II. P., 1846—1860.
- Bissing, 1920. — *Bissing W. von.* Zur Datierung der Petrischen Sinainschriften. — Sitzungsberichte der Bayerische Akademie der. Wissenschaften. 1920.
- Bordreuil, 1981. — *Bordreuil P.* L'estampille phénicienne d'Ibn Hani 1978. — Syria. Vol.58, 1981.
- Bordreuil, 1981а. — *Bordreuil P.* Cunéiformes alphabétiques non canoniques. 1. — Syria. Vol.58, 1981.

- Bordreuil, 1982. — *Bordreuil P.* Epigraphes phéniciennes sur bronze, pierre et sur céramique. — *Archéologie au Levant*. Lyon, 1982.
- Bordreuil, 1983. — *Bordreuil P.* Cunéiformes alphabétiques non canoniques, II. — *Semitica*. Vol.33, 1983.
- Bruston, 1921. — *Bruston Ch.* Les plus vieilles inscriptions cananéennes. — *Revue archéologique*. Vol. XIV, 1921.
- Butin, 1928. — *Butin R.* The Serabit Inscriptions, II. The Decipherment and Significance of the Inscriptions. — *HTR*. Vol.21, 1928.
- Butin, 1932. — *Butin R.* The Protosinaitic Inscriptions. — *HTR*. Vol. 25, 1932.
- Butin, 1936. — *Butin R.* Excavations and Protosinaitic Inscriptions at Serabit el-Khadem. *Studies and Documents*. VI. L., 1936.
- Calmeyer, 1969. — *Calmeyer P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanschach. B., 1969.
- Caussin-Glassner, 1977. — *Caussin E., Glassner I.J.* Anthroponymie et Anthropologie de Nuzi. Vol. I. Les anthroponymes. Malibu, 1977.
- Cerny, 1935. — *Cerny J.* Semites in Egyptian Mining Expeditions to Sinai. — *Archiv Orientální*. Vol.7. Praha, 1935.
- Cowley, 1916. — *Cowley A.* The Origin of the Semithic Alphabet. — *JEA*. Vol. III, 1916.
- Cowley, 1929. — *Cowley A.* The Sinaitic Inscriptions. — *JEA*. Vol. XV, 1929.
- Cross, 1954. — *Cross F.M.* The Evolution of the Proto-Canaanite Alphabet. — *BASOR*. 134, 1954.
- Cross, 1967. — *Cross F.M.* The Origin and Early Evolution of the Alphabet. *Eretz Israel*, 1967.
- Cross, 1980. — *Cross F.M.* Newly Found Inscriptions in Old Canaanite and Early Phoenician Scripta. — *BASOR*. 238, 1980.
- Cross-Freedman, 1971. — *Cross F.M., Freedman D.N.* An Inscribed Jar Handle from Raddana. — *BASOR*. 201, 1971.
- Cross-Milik, 1954. — *Cross F.M., Milik T.* Inscribed Javelin-Heads from the Period of Judges. — *BASOR*. 134, 1954.
- Demsky, 1977. — *Demsky A.* A Proto-Canaanite Abevedary Dating from the Period of the Judges and its Implications for the History of the Alphabet. — *Tel Aviv*. Vol.4, 1977.
- Dijkstra, 1983. — *Dijkstra M.* Notes on Some Proto-Sinaitic Inscriptions including an Unrecognized Inscription of Wadi Rod el-'Air. — *UF*. Vol.15, 1983.
- Dohmen, 1983. — *Dohmen Ch.* Ein kanaanäischer Schmiedeterminus (nsk). — *UF*. Vol. 15, 1983.
- Dossin, 1962. — *Dossin G.* Bronzes inscrits de Luristan de la collection Foroughi. — *Iranica Antiqua*. Vol. II, 1962.
- Driver, 1948. — *Driver G.R.* Semitic Writing. L., 1948.
- Eisler, 1919. — *Eisler R.* Die kenitischen Inschriften der Hyksoszeit, 1919.
- Fronzaroli, 1969. — *Fronzaroli P.* Studi sul lessico commune semitica, VI. — *Accademia Nazionale dei lincei. Rendiconti della classe morali, storiche e filologiche*, XXIV. Roma, 1969.
- Furlani, 1925. — *Furlani G.* Di una iscrizione paleoebraica sinaitica del Museo Egiziano del Cairo. — *Rivista degli studi orientali*. Vol. X, 1925.

- Garbini, 1966. — *Garbini G.* Considerazioni sull'origine dell'Alfabeto. — AION. Vol. 16, 1966.
- Garbini, 1978. — *Garbini G.* Sull'alfabetario di 'Izbet Sartah. — OA. Vol. 17, 1978.
- Garbini, 1979. — *Garbini G.* Storia e problemi dell'epigrafia semitica. Napoli, 1979.
- Garbini, 1980. — *Garbini G.* I Fenici. Storia e Religione. Napoli, 1980.
- Garding, 1953. — *Garding L.* The Cairn of Hani'. — Annual of the Department of Antiquities of Jordan. Vol. II. Amman, 1953.
- Garding, 1971. — *Garding L.* An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions. Toronto, 1971.
- Gardiner, 1916. — *Gardiner A.H.* The Egyptian Origin of the semitic Alphabet. — JEA. Vol. III, 1916 (цит. по: /Gardiner, 1923/).
- Gardiner, 1923. — *Gardiner A.H.* Der ägyptische Ursprung des semitischen Alphabets. — ZDMG. Bd. 77, 1923.
- Gardiner, 1962. — *Gardiner A.H.* Once Again the Protosinaitic Inscriptions. — JEA. Vol. 48, 1962.
- Gaudefroy-Demombynes, 1969. — *Gaudefroy-Demombynes M.* Mahomet. 2-e ed. P., 1969.
- Gelb, 1963. — *Gelb I.J.* A Study of Writing. Chicago, 1963.
- Gelb a.o., 1943. — *Gelb I.J., Purves P., Murae A.* A Nuzi Personal Names. Chicago, 1943.
- Gerster, 1961. — *Gerster G.* Sinai. Darmstadt, 1961.
- Giveon a.o. 1978. — *Giveon R., Beit Arie J., Saas B.* Explorations at Serabit el-Khadim, 1977. — Tel Aviv. Vol.5, 1978.
- Grimme, 1923. — *Grimme H.* Althebräische Inschriften vom Sinai. B., 1923.
- Grimme, 1929. — *Grimme H.* Die Altsinaitische Buchstabeninschriften auf Grund einer Untersuchung der Originale. 1929.
- Grimme, 1937. — *Grimme H.* Altsinaitische Forschungen. 1937.
- Herdner, 1948. — *Herdner A.* A-t-il existé une variété paléstinienne de l'écriture cunéiforme alphabétique? — Syria. Vol. XXV, 1946—1948.
- Jamme, 1967. — *Jamme A.* The Safaitic Verb *wgm*. — Orientalia. Vol. 31, 1967.
- Jamme, 1970. — *Jamme A.* Safaitic Notes. Wash., 1970.
- Jean-Hoftijzer, 1964 — *Jean Ch.F., Hoftijzer J.* Dictionnaire des Inscriptions sémitiques de l'Ouest. Leiden, 1964.
- Jensen, 1969 — *Jensen H.* Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. B., 1969.
- Koehler-Baumgartner, 1958. — *Koehler L., Baumgartner W.* Lexicon in Veteris Testamenti Libros. Leiden, 1958.
- Kohavi, 1977. — *Kohavi M.* An Ostrakon of the Period of the Judges from 'Izbet Sartah. — Tel Aviv. Vol.4, 1977.
- Leibovitch, 1930. — *Leibovitch J.* Die Petrieschen Sinaischriftdenkmäler. — ZDMG. IX, 1930.
- Leibovitch, 1934. — *Leibovitch J.* Les Inscriptions protosinaitiques. Le Caire, 1934.
- Leibovitch, 1938. — *Leibovitch J.* Un premier pas vers le déchiffrement des inscriptions énigmatiques du Sinai? — Bulletin de l'Institut d'Egypte. XX, 1938.
- Leibovitch, 1940. — *Leibovitch J.* Recent Discoveries and Develop-

- ments in Protosinaitic. — *Annales du Service des Antiquités d'Egypte*. XL, 1940.
- Leibovitch, 1961. — *Leibovitch J.* Deux nouvelles inscriptions protosinaitiques. — *Le Muséon*. 74, 1961.
- Lidzbarski, 1908. — *Lidzbarski M.* Die Namen der Alphabetbuchstaben. *Ephemeris für semitische Epigraphik*. II. Giessen, 1908.
- Lidzbarski, 1921. — *Lidzbarski M.* *Theologische Litteratur-Zeitung*, 1921.
- Littmann, 1920. — *Littmann E.* *Internationale Monatschrift*. XV, 1920.
- Lundin, 1981. — *Lundin A.G.* Die arabischen Gottinen Ruda und al-'Uzza. Al-Hudhud. — *Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag*. Graz, 1981.
- Lundin, 1985. — *Lundin A.G.* Quelques lettres des alphabets sémitiques. — *Mélanges linguistiques offerts à Maxim Rodinson*. P., 1985.
- Lundin, 1987. — *Lundin A.G.* Ugaritic Writing and the Origin of the Semitic Consonantal Alphabet. — *Aula Orientalis*. 5, 1987.
- Magnanini, 1974. — *Magnanini P.* Sulla corrispondenza consonantica arabo /s/ ebraico /s/. — *AION*. Vol. 34, 1974.
- Martin, 1962. — *Martin M.* A Twelfth Century Bronze Palimpsest. — *Rivista degli studi orientali*. Vol. 36, 1962.
- Mazar, 1963. — *Mazar B.* The Military Elite of King David. — *Vetus Testamentum*. 7, 1963.
- Milik, 1961. — *Milik J.T.* Flèches à inscriptions phéniciennes au Musée National Libanais. — *Bulletin du Musée de Beyrouth*. Vol. XVI, 1961.
- Nagel, 1960. — *Nagel W.* Die Königsdolche der zweiten Dynastie von Isin. — *Archiv für Orientforschung*. Vol. XIX, 1959–1960.
- Naveh, 1982. — *Naveh J.* Early History of the Alphabet. Jerusalem-Leiden, 1982.
- Nöldeke, 1904. — *Nöldeke Th.* Die semitischen Buchstabennamen. — *Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft*. Strassburg, 1904.
- Oxoby, 1968. — *Oxoby W.G.* Some Inscriptions of the Safaitic Bedouin. New Hawen, 1968.
- Petrie, 1906. — *Petrie F.* Researches in Sinai. L., 1906.
- Pilcher, 1909. — *Pilcher E. J.* The Scribings at Sinai. — *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*. Vol. XXI, 1909.
- Puech, 1983. — *Puech E.* Quelques remarques sur l'alphabet au deuxième millenaire. — *Atti del I congresso internazionale de studi fenici e penici*. Vol. II. Roma, 1983.
- Puech, 1986. — *Puech E.* Origine de l'alphabet. Documents en alphabet linéaire et cunéiforme du IIe millenaire. — *Revue Biblique*. Vol. 93, n° 2, 1986.
- Rainey, 1975. — *Rainey A.F.* Notes on some Proto-Sinaitic Inscriptions. — *IEJ*. Vol. 25, 1975.
- Rainey, 1982. — *Rainey A.F.* Some Minor Points in Two Proto-Sinaitic Inscriptions. — *IEJ*. Vol. 32, 1982.
- Robin, 1983. — *Robin Ch.* Compléments à la morphologie du verbe en sudarabique épigraphique. *Matériaux arabiques et sudarabiques*. P., 1983.
- Ryckmans, 1927. — *Ryckmans G.* La mention du Sinai dans les inscriptions protosinaitiques. — *Le Muséon*. Vol. 40, 1927.

- Sass, 1978. — Sass B. Two Previously Unknown Proto-Sinaitic Inscriptions. Tel Aviv. Vol. 5, 1978.*
- Sass, 1988. — Sass B. The Genesis of the Alphabet and its Development in the Second Millennium B.C. — Ägypten und altes Testament. Bd. 13. Wiesbaden, 1988.*
- Sethe, 1917. — Sethe K. Die neuentdeckte Sinaischrift und die Entstehung der semitischen Schrift. — Nachrichten der Göttingen Gesellschaft der Wissenschaften, 1917.*
- Sprengling, 1931. — Sprengling M. The Alphabet, its Rise and Development from the Sinai Inscriptions. Chicago, 1931.*
- Stark, 1971. — Stark J.K. Personal Names in Palmyrene Inscriptions. Oxf., 1971.*
- Starky, 1982. — Starky J. La flèche de Zakarba'al roi d'Amurru. — Archéologie au Levant. Beyrouth, 1982.*
- Szzyrmer, 1972. — Szzyrmer M. Protosinaitiques (Inscriptions). — Supplement au Dictionnaire de la Bible. T.VIII, fasc. 47. P., 1972.*
- Szzyrmer, 1975. — Szzyrmer M. Les inscriptions protosinaitiques. Les déchiffrement des écritures et des langues. P., 1975.*
- Szzyrmer, 1977. — Szzyrmer M. L'origine de l'alphabet sémitique. L'espace et la lettre. P., 1977.*
- Van den Branden, 1958. — Van den Branden A. Le déchiffrement des inscriptions protosinaitiques. — Al-Mashriq. 1958.*
- Van den Branden, 1960. — Van den Branden A. Anciennes inscriptions sémitiques. — Bi.Or. Vol.XVII, 1960.*
- Van den Branden, 1962. — Van den Branden A. Les inscriptions protosinaitiques. — OA. Vol.I, 1962.*
- Van den Branden, 1966. — Van den Branden A. Qui sont les auteurs des inscriptions protosinaitiques? — Melto. Vol.II, 1966.*
- Van den Branden, 1979. — Van den Branden A. Nouvel Essai du déchiffrement des inscriptions protosinaitiques. — Bibbia e Oriente. Vol.121, 1979.*
- Van den Branden, 1981. — Van den Branden A. Nuove iscrizioni protosinaitiche. — Bibbia e Oriente. Vol.130, 1981.*
- Weill, 1904 — Weill R. Recueil des Inscriptions égyptiennes du Sinai. P., 1904.*
- Winnett-Garding, 1978. — Winnett F., Garding G.L. Inscriptions from Fifty Safaitic Cairns. Toronto, 1978.*

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. ПРОТОСИНАЙСКОЕ ПИСЬМО	3
Находка	3
Синайские рудники	6
История дешифровки	12
Глава 2. ДЕШИФРОВКА	20
Репертуар знаков	21
Характер знаков	27
Протосинайский и другие консонантные алфавиты II тысячелетия до н.э.	34
Глава 3. НАДПИСИ	44
Надпись на кинжале из Лахиса	45
Надписи из храма Хатхор	62
Надпись из вадии Мегара (№ 348)	71
Глава 4. СИНАЙ В КОНЦЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н.Э.	76
Рудник "Л" и сафские "туры"	77
Синайская богиня Ба'алат	82
Население Синая	85
Условные сокращения	96
Литература	97

Научное издание

ЛУНДИН Авраам Григорьевич

ДЕШИФРОВКА ПРОТОСИНАЙСКОГО ПИСЬМА

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*Заведующая редакцией В.Д.Подберезская
Редактор С.В.Веснина
Младший редактор Л.Б.Годунова
Художник Б.Л.Резников
Художественный редактор Э.Л.Эрман
Технический редактор О.В.Власова
Корректор Г.А.Озолинг*

ИБ № 16627

Сдано в набор 15.02.91. Подписано к печати 18.09.91
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. п.л. 6,5 + 0,5 вкл. Усл. кр.-отт. 7,25
Уч.-изд. л. 6,73. Тираж 500 экз. Изд. № 7002
Зак. № 236. Цена 2 р. 30 к.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

2 р. 30 к.

57500 14878

00112

А.Г. Лундин

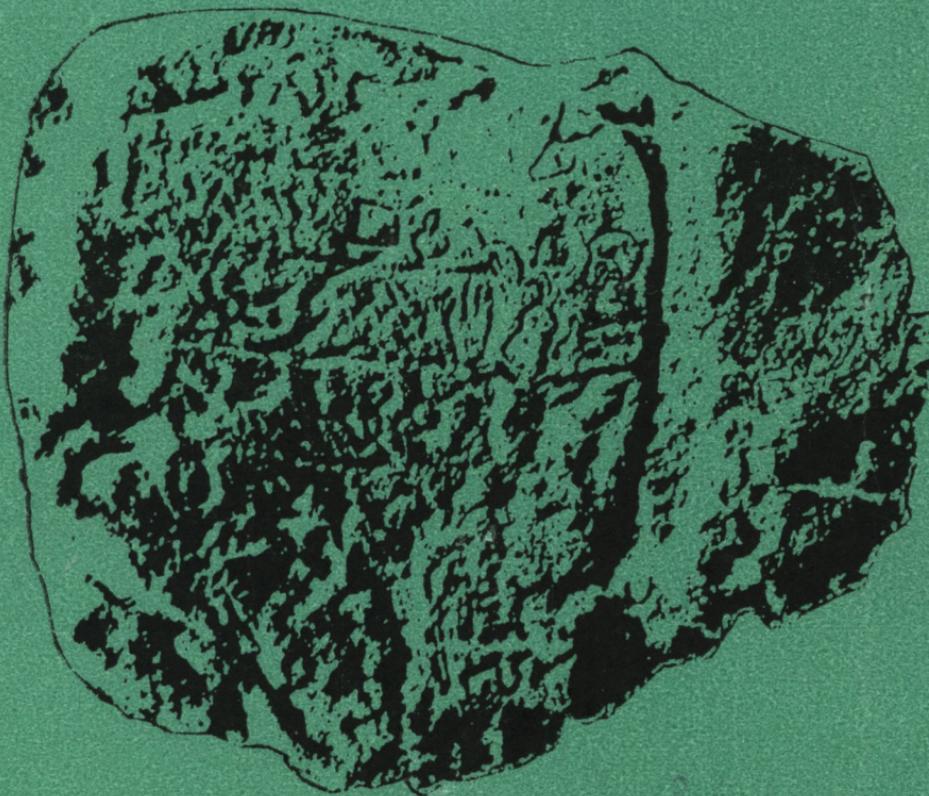
Ж. 82-1
40-2
61-1

52
12

Дешифровка протосинайского письма

83

Книга А. Г. Лундина посвящена важной и актуальной проблеме современной семитологии. Привлекая и анализируя весь известный в настоящее время фактический материал, автор предлагает собственную дешифровку и интерпретацию протосинайского письма. Дешифровка протосинайского письма вызвала ожесточенные споры ученых на протяжении 80 лет; эти споры не утихают и до сих пор.

26/12 - 3/1

12